

ОБЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО - АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Направления реформирования системы государственного управления РФ 5

А.Трухачева

Рассматривая основные направления реформирования государственной бюрократии как механизма государственного управления, автор отмечает, что впервые в истории современной России осуществлена попытка кардинально изменить подход к смыслу государственной службы, а также к условиям и способам ее функционирования. Особое внимание автор уделяет характеристике новой роли, которую приобретает отечественная бюрократия в процессе создания политической системы демократического типа.

Элитный конфликт и “план Путина” 12

Д.Халидов

Указав, что проблема транзита власти в России ставит на повестку дня ряд ключевых вопросов стратегии развития России, автор пытается дать ответ на часть из них, в частности о том, какая стратегия развития страны может быть взята на “вооружение” в постпутинский период, чем может завершиться борьба “партий” влияния вокруг Путина и как это отразится на стратегии развития России, а также почему столь востребован вопрос о “преемственности” курса.

Избирательные кампании 2007–2008 годов в России 28

В.Павленко

Опираясь на исторический и политический опыт принятия политических решений на Западе на основе взаимодействия легальных и тайных глобально-управленческих институтов, автор рассматривает вопрос о путях формирования системы принятия политических решений в России, способной обеспечить стратегическую стабильность не

только в конкретный момент, но и в обозримой исторической перспективе, роль и значение избирательных кампаний 2007–2008 годов в этом процессе.

Антиинфляционная стратегия как основа эффективной политики доходов

37

Ю.Чернов

Автор с позиции социалистической концепции инфляции пытается доказать, что рассмотрение российской инфляции вне рамок социальной структуры и вне связи с рынком труда не позволяет реформаторам монетаристского толка понять конкретные причины инфляционных процессов и проводить эффективную антиинфляционную политику. В частности, отмечается, что не монетарные, а реальные проблемы перераспределения доходов и проблемы выбора инвестирования для ликвидации структурных перекосов являются определяющими для управления современной инфляцией.

Украинские сепаратисты и спекуляции на незнании истории

52

В.Галицкий

Основываясь на исторических фактах, а также показаниях бывших создателей и военнослужащих украинской дивизии “СС-Галиция”, автор показывает правду об истории ее создания, якобы добровольческом способе комплектования, месте и роли по защите “самостийной” Украины и делает вывод, что дивизия была эсесовской, создавалась руководством войск СС фашистской Германии и состояла на их полном довольствии.

Региональные измерения превентивной дипломатии

67

Э.Рахматуллаев

Указав, что в 1992 г. в докладе генсека ООН Б.Бутроса-Гали Совету Безопасности была выдвинута новая идея обеспечения мира – превентивная дипломатия, автор приводит определение этого понятия и на основе анализа деятельности ОБСЕ, СНГ, ОАЕ и АСЕАН показывает суть теории и практики превентивной дипломатии в региональном разрезе как целостной концепции предотвращения и урегулирования конфликтов, ее эффективность и рациональность.

НАТО в миротворческом процессе

80

В.Штоль

В статье анализируются цели и роль Североатлантического союза в подготовке и проведении миротворческих операций в конце XX – начале XXI столетия (бывшая Югославия, Афганистан, Ирак). В первой ее части автор рассматривает участие НАТО в миротворческих действиях в Боснии и Герцоговине, а также в Афганистане как стремление блока изменить суть миротворческой концепции ООН и узаконить свою самостоятельную роль в разрешении любых возникающих в мире конфликтов.

Запад и “исламский” терроризм

95

А.Вавилов

Во второй части статьи об одном из самых актуальных вопросов современной мировой обстановки – активизации международного терроризма – рассматриваются вопро-

сы “мутации” исламизма, его политизация и радикализация в наши дни, развитие исламского терроризма и его место в системе международного терроризма, а также причины отсутствия правового определения понятия “международный терроризм”, а также просчеты Запада в практике антитеррористической борьбы.

Проблемы регулирования использования водных ресурсов

111

В.Литуев

Рассматривая проблему сохранения водных ресурсов и рационального их использования, вызывающую озабоченность мировой общественности, но пока мало исследованную в России, автор указывает, что растущая водная взаимозависимость в мире заставляет страны изменять привычный стиль потребления воды, задумываться о новых формах международного сотрудничества и об отстаивании права человека на воду.

Судебная система России в XVIII веке

118

Д.Фетищев

Указав, что XVIII в., будучи в истории дореформенной России практически эпохой дворцовых переворотов, отличался политической нестабильностью и характеризовался постоянными изменениями в системе правосудия, автор рассматривает причины этих изменений и их значение в развитии дореформенного права.

Кто помог Р.Рейгану стать 40-м Президентом США

125

В.Васильев

В статье дается краткая характеристика Р.Рейгану, а также показывается каким образом он стал Президентом США.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень вводится в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., БОЙКО Ю.П., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗАДОХИН А.Г., ЗИМЕНКОВ А.Л., ИЗВЕКОВ Н.Н., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., КРУГЛОВ В.В., ЛЕБЕДЕВ Ю.В., ЛУНЬКОВ А.Г., ОРЛОВ А.А., РЕПКИН Ю.М.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежала», доктор технических наук
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ДЕЛЯГИН М.Г. – председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЕФИМОВ Б.Е. – народный художник СССР
ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокomпании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – начальник Правового управления аппарата Госдумы РФ
КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, председатель Российской ассоциации содействия ООН, член-корреспондент РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Направления реформирования системы государственного управления России

Анна Трухачева

Характерной особенностью развития современного российского общества является проведение долгосрочных кардинальных реформ. Изменения, охватывающие различные сферы общественной жизни, неразрывно связаны с характером и спецификой деятельности государственной бюрократии.

Российское общество и его государственная служба вместе переживают сложный и противоречивый процесс реформирования.

Произошедшие за последние 15 лет глобальные изменения всех сторон жизни российского общества требуют переосмысления роли государственной бюрократии. Она призвана стать важнейшей интегрирующей социальной силой общества, гарантирующей ее стабильность и воплощение в жизнь конституционно провозглашенных общенациональных целей построения демократического государства.

Под лозунгами демократии и антикоммунизма фактически было сохранено ядро старой номенклатуры в рамках обновленного правящего класса, включившего в себя как старые кадры партийных и хозяйственных прагматиков, так и новых карьерных профессионалов из демократических рядов¹. Произошла внутренняя трансформация старой элиты и, хотя ее ряды и пополнили практически новые люди, однако психология чиновников несколько не изменилась.

В России власть традиционно рассматривает человека как “подданного”, как “винтик в государственной машине”. Между тем, гражданское общество начинает изменяться. Усложняется социальная психология, идут процессы формирования общественного самосознания граждан, что позволяет им использовать свои конституционные права для повышения спроса с чи-

новников за качество их профессиональной деятельности. Провозглашение России в Конституции 1993 г. “демократическим, правовым и социальным государством” потребовало существенных преобразований в содержании и структуре работы государственного управления.

В связи с этим особое внимание привлекают процессы, связанные с раз-

витием бюрократии как важной составляющей государственного управления, формированием соответствующего социального слоя.

Любое современное государство немислимо без бюрократии, выполняющей значительный объем работы по осуществлению государственных задач и функций. Государственная бюрократия играет важную роль в жизни каждого общества, выступая связующим звеном между гражданами и государством.

Между тем, российская бюрократия, являясь одним из важнейших компонентов механизма реализации политической власти, традиционно в массовом сознании рассматривается с негативной стороны. Такое отношение отчасти можно объяснить тем, что очень часто смешивают понятия “бюрократия” и “бюрократизм”. Исторически сложившись в рамках авторитарного и тоталитарного политических режимов, российская бюрократия ассоциируется не с социальным слоем, осуществляющим повседневное управление государственной машиной, а с бюрократизмом – волокитой, социальной болезнью управленцев, пренебрежением к существу дела ради соблюдения формальностей.

Так, анализ результатов социологических опросов, проведенных в 2005 г. Центром комплексных социальных исследований Института социологии РАН, показал, что россияне воспринимают чиновников как некое особое сословие, объединенное общими интересами и особым образом жизни, в первую очередь, заинтересованных в сохранении и постоянном увеличении своего богатства и влияния, несмотря на низкий уровень жизни населения.

Глубинные социально-экономические преобразования в России по времени совпали с общемировыми процессами поиска путей эффективной орга-

низации системы государственного управления. В мировой общественной мысли происходит серьезное переосмысление концептуальных основ административной организации.

Как отмечает М.Крозье, “мир, применительно к которому создан механизм государственного управления индустриальным обществом.... трансформируясь, исчезает”².

Теория и идеология административных реформ, начатых в большинстве развитых стран в 80-х годах XX столетия и продолжающиеся вплоть до сегодняшнего дня, в целом, сводится к попытке изменить структуры управления в организациях веберовского типа, превратив их в более гибкие и способные к адаптации, а также заменить бюрократические методы методами рыночной экономики, иными словами, ввести рыночные механизмы, институты и установки в организацию и деятельность современного государства.

При этом концепция административного государства стала замещаться концепцией эффективного государства.

Многие западные ученые говорят сегодня о смене парадигм и даже об административной революции. Главным лозунгом новых подходов стал “переход от государственного администрирования к государственному менеджменту”.

Несмотря на богатый зарубежный опыт реформирования государственной бюрократии, все же возникает вопрос об оптимальном для России пути. По мнению многих авторов, современные чиновники, впрочем, как и их предшественники, “не дотягивают” еще даже до бюрократии в классическом веберовском определении, которое в западных странах уже устарело.

Так, например, А.В.Оболонский призывает рассматривать наше чиновничество как “квази” (недо) бюрократию”³.

По мнению М.Н.Афанасьева "...ведомственные и региональные начальники имеют широкие возможности для проведения собственной "государственной политики" во вверенных им областях управления, часто и грубо нарушают законодательство, в том числе президентские... указы"⁴.

Тем самым нарушается главное условие рациональности функционирования бюрократии по М.Веберу – четкое следование законам, без которого государственное управление становится неэффективным.

В связи с этим, все более актуальным является вопрос о создании и функционировании хорошо налаженной, высококвалифицированной государственной службы, адекватной современным потребностям государственного управления.

Идеологию реформы государственной службы определила "Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации", утвержденная президентом в 2001 г. Она заложила основы для создания законодательной базы и совершенствования деятельности государственных органов.

В качестве центрального принципа современных направлений модернизации государственной бюрократии выступает идеология западной меритократической модели – публичной государственной службы, построенной на основе системы заслуг и достоинств. Была попытка показать, что именно такая служба более всего соответствует модели государственности, которую провозгласили в момент начала экономических и политических реформ в стране. Речь, в первую очередь, шла о создании гражданского общества, где, с одной стороны, чиновники свято чтут приоритет интересов граждан и их объединений, а с другой – сами граждане ощущают себя важной частью

этого общества, без активной позиции которых невозможна реализация любых начинаний.

Далее в 2002 г. Указом Президента России была утверждена Федеральная программа "Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 гг.)", предусматривающая реализацию комплекса мероприятий, направленных на совершенствование правовых, организационных, финансовых и методических основ российской государственной службы.

В 2005 г. срок действия программы был продлен на 2006–2007 гг.

С утверждением Федеральной программы были определены основные направления реформирования и дальнейшего развития государственной службы как механизма государственного управления, принципиально отличающегося от действующей ранее системы.

В рамках той же программы был разработан и в 2003 г. принят Федеральный закон "О системе государственной службы Российской Федерации", который определил правовые и организационные основы системы государственной службы, заложил предпосылки для создания единой системы государственной службы, включая гражданскую, правоохранительную, военную, а также разделил уровни службы на федеральную и субъектов Федерации⁵.

Очередным шагом в реформировании государственной службы, стало принятие Федерального Закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации". Новый закон по своей сути является "трудовым кодексом" для российских чиновников.

В современных условиях сущность и предназначение государственной бюрократии понимаются неоднозначно. Законодатель определяет ее как "профессиональную служебную дея-

тельность граждан России по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации, федеральных органов власти, субъектов Федерации, органов власти субъектов Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации”⁶.

Однако государственную службу вряд ли стоит представлять как профессиональную деятельность только в пользу государства в системе его органов. Это более сложное и емкое явление, имеющее властно-правовую и социальную стороны.

В интегрированном виде ее можно представить как особый социальный институт публично-правового регулирования, направленный на решение задач государственного управления. В процессе такого управления осуществляется признание, соблюдение и защита законных прав и свобод граждан, создаются благоприятные условия для их безопасной и достойной жизни.

Среди первых результатов, которые удалось реализовать при реформировании государственной службы, следует отметить подготовку нормативной правовой базы, закрепляющей механизмы обеспечения единства системы функционирования трех видов государственной службы: гражданской, военной и правоохранительной.

Нельзя не отметить и создание ряда предпосылок для формирования необходимого статуса современной государственной службы: введение квалификационных экзаменов, аттестаций и конкурсов на замещение вакантных должностей, нормативное установление ограничений, гарантий и привилегий, связанных со статусом государственного служащего.

В сущности, впервые в истории новой России приступили к созданию целостной системы государственной службы с учетом исторических, куль-

турных, национальных и других особенностей страны. Реформа государственного аппарата не является мероприятием, которое чиновники проводят для себя. Повышение эффективности государственной службы должно проводиться для того, чтобы развивалось гражданское общество, укреплялось государство, в том числе и за счет повышения доверия граждан к органам государственной власти. В конечном итоге, от эффективности государственной службы зависит и то, насколько рационально используются государственные ресурсы.

Однако несмотря на то, что был применен комплексный подход к модернизации всей системы государственного управления, и что впервые в истории новой России тема реформирования нашла свое концептуальное оформление в специальных программных документах Президента, **реформы государственной службы не дали ожидаемого результата.**

Не случайно масштаб критики административного аппарата со стороны граждан за неумение решать насущные проблемы, низкий уровень профессионализма, другие промахи намного уступает масштабу обвинений в коррумпированности, взяточничестве, исключительном своекорыстии интересов.

Изменившемуся гражданскому обществу требуется принципиально новая система исполнения государственной службы. На современном этапе, ключевая проблема реформирования заключается в формировании современной высокоэффективной и профессиональной государственной бюрократии, в которой лица, занимающие политические должности, могли бы эффективно проводить инновационную, национально ориентированную государственную политику через широкий слой высококвалифицированных чиновников.

Кадровая составляющая реформирования системы государственного управления закономерно считается центральной.

Не секрет, что в настоящее время многие молодые люди готовы поступать на работу в органы государственной власти, резонно считая государственную службу хорошим началом карьеры по специальности после окончания вуза. Они приобретают опыт, получают хорошую запись в резюме. Некоторые рассматривают работу на государственной службе как шанс приблизиться к политической элите. Вместе с тем, мало кто из молодых специалистов остается на государственной службе хотя бы на несколько лет – оплата труда в коммерческих структурах часто гораздо более привлекательна для специалистов их уровня. Привлечь же на государственную службу квалифицированного профессионала, востребованного на рынке труда, крайне сложно. Поэтому реформирование государственной бюрократии, в первую очередь, должно быть направлено на создание профессиональной среды, способной конкурировать с частным сектором за привлечение опытных и талантливых специалистов и руководителей.

Все еще действует стереотип, что государством способен управлять любой гражданин, что для работы на государственной службе не требуется специального образования. Так, например, в российских государственных организациях существует стандартная установка: преданный работник предпочтительней профессионала. Между тем, мировой опыт показывает, что требующаяся современному государству бюрократия формируется тогда, когда появляется корпус профессиональных государственных служащих, когда складывается особая профессия (типа *public administration* в США), но-

сители которой выполняют основную работу в системе государственного управления. На государственной службе нужны профессионалы, для которых единственным критерием является закон.

Нельзя не отметить тот факт, что сегодняшняя кадровая политика Кремля становится более продуманной и эффективной.

В течение этого года на места случайных людей, назначения которых приписывалось различным группам влияния, приходят профильные специалисты, особенно это касается финансовой и социальной сфер. Но следует отметить, что все еще имеет место плавное перетекание чиновников из кресла в кресло, даже если они не справились с поставленными перед ними задачами на старом посту. Случаи, когда какого-то высокопоставленного чиновника с позором выгоняли с работы, единичны (отставка губернаторов В.Логинова, Л.Короткова).

Политическое участие государственной бюрократии оказывает неоднозначное и противоречивое влияние на политическую и гражданскую системы российского общества. Деятельность бюрократии, при отсутствии развитой системы демократического контроля, ведет в ряде случаев к негативным последствиям. В то же время, именно бюрократия выступает тем социальным слоем, с опорой на который возможно и необходимо создать и развить эффективную государственность в стране.

В современном российском обществе мы сталкиваемся с явлением сформировавшегося классового сознания, в котором осознанные государственной бюрократией собственные интересы противопоставляются интересам общества. Чиновники в современной России осознают себя полити-

чески доминирующим слоем общества. Даже, несмотря на негативную оценку своей деятельности со стороны населения, госслужащие оценивают свою работу положительно, воспринимая бюрократическую систему через призму своей профессиональной и жизненной успешности. Сложился своеобразный замкнутый круг.

Власть, чиновничий аппарат часто игнорируют интересы и права граждан.

Однако в российской традиции государство всегда доминировало над обществом и чиновничество свысока и несколько пренебрежительно смотрело на остальных граждан. Значительная часть общества отвечает власти тем же, стремясь обходить стороной легальные и легитимные способы решения своих проблем и свести общение с государственными органами к минимуму, обращаясь к ним только тогда, когда нет иных путей.

Это, в свою очередь, еще больше способствует разрушению и без того хрупкой взаимосвязи государства и населения.

К еще большему отчуждению между обществом и бюрократией привело непонимание населением сущности проводимых реформ (например, монетизация льгот). Разорвать этот замкнутый круг будет возможно только при восстановлении в обществе доверия к государственным органам всех уровней, к чиновничеству как особой социально-профессиональной группе. Такое положение вещей негативно сказывается на эффективности работы государственных органов власти.

В заключение, необходимо отметить, что, реформа российской государственной службы проводится одновременно с изменением политической системы и является следствием смены общественного строя, что требует создания новой системы государственного управления, адекватной новым экономическим и социальным отношениям.

Неэффективность действий чиновничества в современных условиях не только тормозит реализацию перспективных проектов внутри страны, но и ведет к утере внешнеполитического веса и влияния России в современном мире.

Нельзя не согласиться с мнением известного российского журналиста Владимира Соловьева, который пишет по этому поводу: "В условиях, когда в стране наблюдается тенденция к исчезновению серьезной конструктивной оппозиции проводимому политическому курсу, а объединившиеся пропрезидентские "партии начальников" будут продолжать набирать политический вес, увеличивая свое присутствие в парламенте, проведение реформ государственной бюрократией (которое в целом не обусловлено гражданской инициативой и идет в стороне от общества) будет отличаться неэффективностью, недемократичностью и административным способом осуществления"⁷.

Бюрократический аппарат в России, созданный для выполнения государственных задач, до сих пор соответствует авторитарной роли государства "чрезвычайно разветвленный, вторгающийся во все и вся в жизни общества"⁸, что еще больше ведет к отчуждению граждан от политики.

Успешно противостоять данному явлению можно лишь в рамках "отзывчивой" модели бюрократии, предполагающей открытость деятельности структур государственной службы для граждан и институтов гражданского общества, диалог и сотрудничество граждан и их объединений с исполнительной властью, взаимодействие и достаточно большую степень совпадения базовых ценностных ориентаций, политического мировоззрения граждан и работников государственного аппарата.

Конечная цель реформы – обеспечение четкой, эффективной деятельности чиновников, ориентации государственной службы на соблюдение законных прав и свобод граждан, предотвращения возможности использования аппарата как средства подчинения его партийным или групповым влияниям и как источника незаконного присвоения общественного богатства. В связи с этим, кардинально изменен подход к смыслу государственной службы, которая становится деятельностью во имя государства и во имя человека, и ее главный принцип – власть для людей. Это определяется как конституционная норма.

Существенные преобразования в механизме российского государственного управления призваны найти эффективные управленческие решения для разработки механизма превращения государственной службы в открытую систему, отзывчивую к нуждам и запросам граждан, в рамках которой политики смогут проводить эффективную национально ориентированную государственную политику (как внешнюю, так и внутреннюю) через высокопрофессиональный, компетентный, обладающий широким кругозором и высокими морально-нравственными и деловыми качествами чиновничий аппарат.

Примечания

- ¹ *Мельвилль А.Ю.* Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматия. М., 2000. С. 360–361.
- ² *Крозье М.* Организационные изменения в системе государственного управления // Государственная служба. Общие проблемы. Зарубежный опыт. Вып. 1. М., 1994. С. 59.
- ³ *Оболонский А.В.* Постсоветское чиновничество: квазидюрократический правящий класс // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 5.
- ⁴ *Афанасьев М.Н.* Государев двор или гражданская служба? (Российское чиновничество на распутье) // Полис. 1995. №6. С. 70.
- ⁵ “О системе государственной службы Российской Федерации”. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // Российская газета. 2003. 31 мая.
- ⁶ История попыток реформирования с 1992 по 2000 год / Ред. и предисл. Т.В.Зайцевой. М.: изд. “Весь Мир”, 2003. С.19.
- ⁷ *Соловьев В.* Чиновничья революция свершилась... Они победили // Взгляд. Деловая газета от 2007. 22 июня.
- ⁸ *Олешук Ю.* Госаппарат в России // Международная экономика и международные отношения. 1998. № 4. С. 131.

Элитный конфликт и “план Путина”

О стратегии развития России

Деньга Халидов,

член-корреспондент академии
геополитических проблем,
руководитель Центра стратегических
и этнополитических исследований

Проблема транзита власти в России вновь ставит на повестку дня ряд ключевых вопросов, в том числе:

Какая стратегия развития будет взята на “вооружение” в постпутинский период?

Чем может завершиться (скрытая) борьба “партий” влияния вокруг Путина, которая не является секретом в экспертном сообществе, и как это отразится на стратегии развития страны?

И, наконец, что есть “план Путина” и почему столь востребован вопрос о “преемственности” курса?

Постановка таких вопросов выдвигает задачу выявления глубинных аспектов и ключевых моментов стратегии развития России, которая реализовывалась в последние годы. Причем, здесь важно не скатиться в пропагандистский раж вокруг так называемого “плана Путина”, ибо на кону судьба страны на ближайшие десятилетия.

Другой аспект связан с упрощением самой постановки проблемы преемственности – сведением этой очень важной в стратегическом плане темы исключительно к вопросу о “трудоустройстве Путина”. Это такая персонификация проблемы, когда страдает глубина и содержательная сторона, в рамках которой можно выделить элементы двух принципиально отличных моделей (стратегий) развития, в той или иной мере присутствующих в политике Кремля.

Первая модель – это путь строительства государства-нации (или “цивилизации”), консолидированного и полноценного субъекта международного права, вполне законно претендующего на статус “ядра” евразийской интеграции.

Вторая модель – это строительство государства-корпорации (термин Андрея Фурсова), когда государство выступает как “инструмент” крупных корпораций.

Третья модель (результат симбиоза элементов первых двух) – это строительство “корпоративного” государства, сочетающего в себе интересы и крупных корпораций, и основной части населения.

В условиях (внешнеполитических и геополитических), в которых в России осуществляется транзит власти, это вполне оправдано, если мы хотим сохранить страну и суверенитет, но этот же путь содержит в себе “семена” раздора и противоречий, ибо в рамках третьей модели невозможен органичный синтез. Он обречен, из-за глубоких противоречий между корпоративными интересами, с одной стороны, и интересами выживания и развития страны, с другой. Эти суждения носят характер рабочих гипотез, и мы попытаемся их доказать.

Первая модель: государство-нация (или “цивилизация”)

Ключевые моменты данной модели прозвучали в ежегодных посланиях Президента парламенту за 2004–2007 гг., в ряде важных указов и распоряжений за последние два года. Они и составляют каркас “плана Путина”.

Президентские инициативы в таком контексте обозначают наиболее значимые и долгосрочные вызовы для страны: социально-демографические проблемы России, вопросы военной и геополитической безопасности, проблемы экономического развития на основе новых технологий, а также энергетической безопасности для страны и мира.

Это – стратегия строительства “государства-нации”, консолидированного в достаточной мере для решения реально значимых для народов страны задач, с одной стороны, и, вместе с тем, встраивания России в мир как суверенного государства со статусом одной из сверхдержав.

Западный “вектор” политики в рамках данной модели пытаются несколько уравновесить восточным и южным “векторами”.

Именно в рамках данной модели реализуется множество инициатив по приданию “второго дыхания” Евразийскому экономическому союзу (ЕвАЭС), включающего в себя 6 государств: РФ, Белоруссию, Казахстан, Таджикистан, Киргизию и Узбекистан. В этой же плоскости лежит союз Белоруссии и России, а также идея “Договора о коллективной безопасности” (ОДКБ), в

который входит, помимо вышеперечисленных стран, еще и Армения.

Все эти инициативы еще не вписаны в стройную систему мер. Мешает “*эфект Антисистемы*”, (“агентуры влияния” или “5-й колонны”).

Эти меры в военном строительстве, внешней политике и в госстроительстве вполне адекватны реальным (внешним) угрозам и “сообщают” России новое, неведомое с начала 90-х годов качество развития. Оттого и стоит в западных масс-медиа и в либеральной прессе страны антипутинский (скрыто, антироссийский) “гвалт” публики, надежды которой Путин явно не намерен оправдывать. В этом же русле лежит и идея “суверенной демократии”, и попытки синтеза “либерализма и консерватизма или патриотизма” в одном флаконе (идея зам. главы администрации Президента РФ Владислава Суркова).

Во внешней политике государственники – носители этой модели развития, несмотря на мощный пресс внутренних “агентов влияния” и пропагандистский шум на Западе, стараются проводить национально-ориентированную и сбалансированную линию: в Центральной Азии и на Кавказе, по линии ШОС и иранского “вектора”, в арабском мире, в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке.

Хотя, ради справедливости, стоит заметить, что такие интеграционные проекты как ЕвАЭС, Договор о коллективной безопасности и Шанхайское

соглашение (ШОС-6) явно буксуют; а на фоне подавляющей роли западного направления, вообще, выглядят как “пиарные”, несистемные шаги.

Примерно также можно оценивать и попытки налаживания взаимовыгодного сотрудничества с исламским миром и обретение статуса наблюдателя в Организации Исламская Конференция (ОИК).

Государственники прекрасно осознают экономические, военно-промышленные и геополитические выгоды южного и восточного “векторов” в отличие от западного, где одни обещания о трансферте высоких технологий и прямых инвестиций и масса “воспитательных” процедур.

Слабость этой модели и пути развития страны коренится в некомплексности (несистемности), в непрочности опоры в гражданском обществе (в его российской модели) и в чрезвычайно ограниченных медийных ресурсах; в необходимости постоянного компромисса с носителями идеи “государства-корпорации”, где государство выступает как “инструмент” крупного капитала.

Потенциальный заказчик такой модели развития страны – это все общество, здоровые патриотические силы, средний и мелкий бизнес и государственники в системе власти. Наконец, это – и силовая элита страны, духовная “корпорация” и традиционные конфессии, то есть подавляющее большинство людей страны, которое только и может составить базу общенационального консенсуса для реализации такой модели развития.

Но все эти группы интересов вместе взятые не могут сформулировать ту стратегическую модель, которая была бы органична для России, и, вместе с тем, представляла бы альтернативу глобализационной модели.

Увы, это так. Самой серьезной причиной этого является монополия на ин-

формацию и дискурс весьма узкой группы людей, представляющих отечественную медиократию и экспертное сообщество. Любая позитивная инициатива или идея, предложенная в рамках данной модели, обречены на “тихий” саботаж немалой части аппарата или такую трансформацию в информационном и аппаратном “пространстве”, после которой от идеи остается одна лишь видимость.

Наглядный пример чисто коммерческого подхода к долгосрочным интересам государства и неявного саботажа идеи Союза Белоруссии и России – это прошлогодняя “возня” вокруг тарифов на нефть и газ между правительствами обоих государств.

Госмонополия в лице Газпрома в порыве корпоративного эгоизма (сиюминутного, тактического) забыла про чрезвычайно важные для геополитических интересов и обороны страны обязательства перед Белоруссией.

Подобного рода саботаж может быть и следствием сознательных (связанных с западными “партнерами”) установок, и бюрократизма, и невежества чиновничества в “чистом” виде.

Мотивации в обоих случаях разные, а последствия – одинаковы.

К примеру, президентскую идею “энергетической безопасности (или сверхдержавы)” когорты людей, составляющих костяк “Антисистемы”, умудрились упростить до банального управления перекачкой ресурсов за рубеж и влияния на политику своих заграничных клиентов. При этом в самой идее четко закладывалась концепция воссоздания в полном объеме энергомашиностроения, основанного на современных технологиях, и разработка альтернативных возобновляемых источников топлива в будущем, прозрачность экономических отношений и т.д.

В конечном счете, это такая слабость модели развития, которая делает выбранную стратегию уязвимой, поло-

винчатой и обрекает на периодические и нежелательные, с точки зрения интересов страны, компромиссы с внутрен-

ним и очень мощным фактором торможения и саботажа, который автор обозначает термином “Антисистема”.

Вторая модель: государство-корпорация

Эта модель вполне соответствует логике функционирования крупного бизнеса страны, сырьевых монополий и финансово-промышленных групп (ФПГ) и озвучивается в разных вариациях правительственными чиновниками и политиками-либералами, журналистами и экспертами.

Согласно этой модели, для России нет другой альтернативы, кроме как вписаться в глобализацию. Правда, с одной оговоркой, что надо бы при этом защитить национальные интересы страны.

Но правила игры задает сильнейший в лице глобальной олигархии. И как бы мы не пытались сохранить лицо, играя по чужим правилам, это чрезвычайно трудно осуществить. Мы далеко не Китай.

Именно, согласно этой модели, Россия может питать только иллюзии относительно суверенной демократии и собственной идентичности. Ибо в рамках такой модели глобальные структуры и глобальная медиакратия, а также значительная часть отечественной медиакратии выступают за такую линию поведения, которая вписывала бы Россию в западный проект.

В рамках такой модели развития страны информационная, образовательная и культурная политика в це-

лом противоречат тем стратегическим задачам, которые Владимир Путин обозначил в последнее время.

Что же касается экономической политики, то десяток вертикально интегрированных корпораций олигархического типа* (все более транснационализирующихся) вполне успешно осуществили операцию внедрения во все структуры своих кадров и групп влияния и методично проводят в жизнь политику, отвечающую их интересам. Ключевые понятия, обосновывающие этот курс, сводятся к необходимости конкурентоспособности и минимизации госрасходов на социальные нужды (или “рентабельности” страны); к строительству так называемой “либеральной империи” (чубайсовская “формула”) и к активному освоению крупным бизнесом России рынков других стран.

Когда социальные министры рассуждают вполне в духе предельно прагматичного топ-менеджмента какой-либо корпорации, не чуя под собой земли (то есть нужд народа), то это и есть ярко выраженный индикатор такой философии управления государством. Хотя об этом и не говорят, но государство в рамках такой модели рассматривается не более как “инструмент” группы мощных отечественных корпораций.

* Широко пропиаренным заблуждением является факт нейтрализации олигархата. Последние вытеснили с публичной арены и то не всех. Но они зримо присутствуют в наиболее важных правительственных и парламентских решениях и законах. Вовсе не обязательно светиться на экране “ящика”, если за тебя всю черную работу выполняют чиновники в аппарате (в том числе в правоохранительной, судебной системе), депутаты Госдумы и члены СФ. Мало кто может похвастаться столь антисоциальным и либеральным (в экономическом плане) законодательством, как Россия.

Между тем, чаще всего интересы такого бизнеса трудно идентифицировать с интересами страны в целом.

Не все то, что выгодно “Альфа-груп” и “Алросу”, “Интерросу” и “Газпрому” выгодно России в целом, если иметь в виду долгосрочные перспективы. Ибо компании сии “качают” из страны невозобновляемые ресурсы. Мысленно эта категория бизнес-элиты страны там, на Западе, а Россия – всего лишь территория наиболее прибыльного вложения капитала. Соответственно, все нерентабельное не заслуживает внимания. Разумеется, есть отдельные исключения (вроде компании “Северсталь”) из этого правила.

Безусловно, отечественные ФПП тоже чувствуют опасность быть поглощенными более мощными “игроками” с Запада и пытаются выстроить законодательство страны так, чтобы защитить свои интересы.

Они также за суверенитет России: кому охота делиться?

Но в случае нахрапистого наступления объединенного “цивилизованного мира” во главе с США, свидетелями чего мы являемся в последние годы, эта публика на торг может выставить нечто более существенное, нежели часть акций своих компаний. Кстати, широкая распродажа западным “партнерам” государственных пакетов акций в отечественных ТНК (в основном – сырьевых) – это тоже факт, из разряда “широко известных в узких кругах”.

Запад как территория господства философии менял и финансовых спекулянтов не намерен оставлять Россию без небескорыстных “объятий” и перманентных воспитательных “процедур”. Слишком “лакомый кусок” на фоне углубляющегося кризиса долларовой системы. Разумеется, одни процедуры действительно полезны для страны, ибо учат уважать Человека в человеке. Другие же – явно с расчетом

на демонтаж России как культурного и политического целого, нацелены на бесконтрольное освоение ее громадных ресурсов западными ТНК. Всегда надо отличать одно от другого. Но безоглядная любовь, скорее корреспондирующая с комплексом неполноценности, явно во вред стране.

Финансово-экономический блок правительства также действует вполне в духе данной модели “государство-инструмент корпораций” и руководствуется рецептами Вашингтонского консенсуса (пула из международных финансовых структур: МВФ, ВБ, ФРС США).

Здесь все логично. Не может правительство быть свободно как от политического наследия 90-х годов и влияния ельцинизма, так и от крупного капитала страны.

Предполагаю, что последовательно либеральный курс и несменяемый характер таких фигур как Кудрин, Чубайс и К^о был своеобразным ключевым пунктом “контракта” с Путиным при его восхождении на политический Олимп.

Одно из двух: или крупный капитал страны настолько неадекватно оценивает угрозы для страны и для своего бизнеса (или особо не думает об этом), что вполне допускает столь нерациональный способ “утилизации” сверхдоходов, складываемых в Стабилизационном фонде, или же, такая политика – индикатор скрытого влияния вашингтонского “цэка”.

В равной мере сказанное относится и к деятельности Центробанка (ЦБ) РФ. Он, скорее, выступает как “филиал” Федеральной резервной системы (ФРС) США, нежели как центральный финансовый институт, руководствующийся государственными интересами страны.

Именно с таких позиций, без либеральных иллюзий, проанализирована финансовая политика России в 90-е годы в работе

Владимира Мартыненко¹, в которой показано то, насколько следование Центробанка РФ рецептам либералов-западников отдавало подлинное решение экономических проблем в России.

В аналогичном духе, с резко критических позиций анализируется работа Центробанка страны в 90-е годы и в работе экс-заместителя председателя Счетной палаты России Юрия Болдырева².

Актуальность постановки проблемы, когда Центробанк РФ работает по сути в интересах глобального (финансового) капитала, не снята с повестки дня и сегодня.

Строго научный сравнительный анализ бюджетного процесса в России за последние годы позволил сделать вывод, – как пишет Сергей Глазьев³ в своем обширном научном Докладе, – о полицейско-бюрократической сущности социально-экономической политики в стране, о неокOLONIALном ее характере.

Такого рода примеров принципиально разной интерпретации иерархий угроз и моделей развития страны можно привести много. Все зависит от степени включенности в сферу интересов той или иной группы влияния, культурной (и политической) идентификации и степени укорененности “в почву”.

Третья модель: строительство “корпоративного” государства

Первые две модели – две принципиально различающиеся стратегии в реальной политике присутствуют одновременно. И люди, которые включены в реализацию этих моделей развития страны, могут сидеть в одних и тех же кабинетах, в одних и тех же структурах и подразделениях ведомств.

Линия размежевания проходит по невидимым границам, разделяющим аппарат власти, информационное и экспертное сообщество, предпринимательский класс и интеллигенцию, в целом – элиту страны на две почти нена-

Отечественные “властители дум” в экспертном сообществе и в масс-медиа продолжают упорно игнорировать целый ряд серьезных научных работ российских (С.Глазьева, М.Хазина, М.Делягина, Д.Львова, В.Петракова и др.) и зарубежных исследователей, включая и лауреатов Нобелевской премии (Дж.Стиглица, Дж.Тобина, Л.Ларуша, Л.Туроу, Дж.Перкинса – автора бестселера “Экономического убийцы” – и других авторов), в которых дан критический анализ господствующей на Западе (и в мире в целом) финансово-экономической идеологии Вашингтонского консенсуса.

Финансово-экономическая политика нашего правительства по многим параметрам идентична политике государств “третьего” мира, которые и не скрывают своей инструментальной роли в руках западных ТНК.

К примеру, в стабфондах некоторых мини-государств Полинезии накоплены огромные ресурсы, в 2–3 раза превышающие их валовые внутренние продукты, при том, что местное население нищенствует.

Именно такова воля западных ТНК, неявно управляющих этими квази-государствами.

Не правда ли: это в какой-то степени напоминает и нашу ситуацию.

видящие друг друга большие группы людей.

Они отличаются по ценностям и мировоззрению, по образу и стилю жизни.

Этот раскол отражает глубинную драму России последнего столетия.

И дело здесь – вовсе не в пресловутой “борьбе кланов” за “доступ к трубе” или “доступ к телу”, как это пытаются нам внушить эксперты прозападного толка. Хотя такой мотив и имеет место, но это тот самый случай, когда о высоком судят люди “низкого” по-

шиба. Не это главное в этом сущностном расколе в среде политэкономической и информационно-культурной элиты страны. Дело гораздо глубже.

В политике государства очевидны признаки серьезных противоречий и нестыковок как результат влияния этих групп, которые по разному интерпретируют *благо для страны* и по разному представляют *образ будущего России*.

Зачастую, президент и его команда озвучивают ту или иную идею и “повестку дня”, которые предполагается воплотить в жизнь, а на нижних уровнях властной (политэкономической) иерархии и медийного начальства эти же идеи в существенной мере трансформируются, дискредитируя первоначальные установки.

Соответственно, по разному интерпретируются и вызовы для страны и ее долгосрочные интересы.

То, что в одном случае (с точки зрения государственнического подхода) может быть представлено как реальная угроза национальной безопасности, в устах либерал-государственников в аппарате власти может быть оценено как всего лишь строгое следование законам рынка, или федеральным законам “О СМИ...” или “Об образовании...” и т.д.

Почти по каждому ключевому направлению внутренней и внешней политики государства можно выявить такого рода принципиальные нестыковки, которые затрудняют адекватную реакцию на ту или иную угрозу, или принятие эффективных мер по нейтрализации этих угроз и выработку адекватной стратегии развития России.

Ссылками на то, что “такие нынче времена” прикрывается, по сути дела, курс (неявно) западно-ориентированной части политинформационной элиты страны и финансово-экономического “блока” правительства на культурный демонтаж России и перевербовку

(в духе западничества) нового поколения и молодежи; на “мягкий” вариант социального апартеида, когда большинство общества (около 2/3) вынуждено жить на грани бедности; на шоуменизацию политики и провоцирование политической апатии, когда (неявно) формируется новый тип политической культуры, далекой от подлинного народовластия и реального участия в политической жизни страны громадного большинства населения.

Еще раннее (начиная с 2004 г.) в целом ряде публикаций известных представителей политадминистративной элиты страны (Д. Медведева, В. Черкасова, В. Суркова, Г.Павловского) уже звучали тревожные нотки относительно возможных последствий скрытого раскола и неконсолидированности политэкономической и силовой элиты для будущего страны. Как следствие, мы вправе говорить и о *третьей модели* в стратегии развития страны, который сочетает в себе элементы западно-ориентированного (европоцентрического) курса и элементы евразийского и альтернативного курса по строительству “государства-цивилизации”.

Третья модель и соответствующая ей тенденция носит отпечаток паллиатива и зачастую неочевидных даже для многих экспертов, существенных противоречий, заложенных в стратегию развития России.

В долгосрочной перспективе “сожителство” подобного рода противоречий в госполитике, по сути дела, может привести к демонтажу страны как геополитического и геокультурного целого, превратив ее в территорию “свободного освоения” транснациональных корпораций (ТНК) со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими, культурно-демографическими и геополитическими последствиями для страны.

Судьба таких интеграционных проектов, как Союз РФ и Белоруссии, и ЕвАЭС вну-

шает серьезные тревогу, учитывая скрытый, а то явный, саботаж этого курса крупными сырьевыми и финансовыми компаниями страны.

Здесь в качестве иллюстрации достаточно привести пример с подменой понятий, когда представители крупного(финансового и сырьевого) бизнеса в стране с узко корпоративных позиций интерпретируют слова В.В.Путина “о необходимости повышения конкурентоспособности страны”, сводя это понятие исключительно к конкурентоспособности корпораций или редукцию концепции “энергетической безопасности России” в банальную идею госмонополии на экспорт нефтегазовых ресурсов.

Успешная реализация политики в такой модификации осуществима (и осуществляется) при отказе от социальных обязательств и минимизации доходов наемного персонала компаний; широком использовании практики рейдерства в спекулятивных целях; постепенной коммерциализации социаль-

ной сферы и минимизации господдержки развития культуры, науки и здравоохранения.

В последние месяцы мы наблюдаем мощные попытки сгладить эти противоречия, хотя бы в виртуальном пространстве; создать видимость консолидации власти, с одной стороны, народа и молодежи, с другой, а также видимость социализации крупного капитала.

Все эти признаки в совокупности пока еще не очень четко вписываются в модель корпоративного государства, (по типу Италии 20-х – 30-х годов) с национальным вождем на вершине “пирамиды” власти. Здесь очевидны признаки предмобилизационного состояния государства, что вполне оправдано на фоне концентрации вызовов и угроз для страны.

Но то, как это реализуется в России вызывает очень много вопросов, ибо компрадорский характер нашего крупного капитала трудно совместим с национальной мобилизацией.

Отечественная медиакратия – часть глобальных хозяев дискурса

На анализе отечественных масс-медиа стоит остановиться особо, ибо это сообщество людей давно уже не 4-я, а 2-я по значимости власть в стране. Именно так обстоит дело в развитых странах западного мира, а теперь уже и в России.

Масс-медийная политика в стране является логическим продолжением идеологии “государства-корпорации”, если не считать исключений, которые лишь подтверждают правило.

Критический разбор “идеологии” и практики этой публики давно назрел.

В рамках модели “государства-корпорации” проблемы демографии или культурной идентичности, равно как и

просвещения, уважения к традиционным ценностям и тому подобное, то есть реальная проблематика страны присутствует в медийном пространстве лишь эпизодически или как отражение очередной кампанейщины. Это лишь краткие моменты в потоке всепоглощающего и разрушительного, разлагающего, демобилизующего и дебилизирующего населения “пиара”.

Мы являемся свидетелями **открытой культурной перевербовки или разрушения глубинных этнокультурных и духовных основ жизни народов России.**

Для подобного, с трагическими оттенками, вывода есть более чем серьезные основания, что достаточно аргу-

ментировано представлено в трудах Н.Мальковой, А.Дугина, Ю.Крупнова, С.Кара-Мурзы и др.⁴.

Но и это еще не все. В рамках такой информационно-“культурной” политики постепенно формируется образ России, просто обязанной позиционировать себя непременно как часть, именно часть, западного (“цивилизованного”) мира и, следовательно, – передовой рубеж обороны против Юга и исламского мира. Явно или неявно в масс-медиа продолжается пропаганда провоцирующая хаос в сознании людей и конфликты между группами (конфессиональными и этническими).

Делается это очень профессионально, когда соответствующие стереотипы и установки закрепляются на бессознательном уровне. Многое из того, что вещает “ящик” выстраивается в такой смысловой ряд, когда Запад ассоциируется с прогрессом, со всем “прекрасным” и продвинутым.

Даже однополые браки преподносятся как признаки очевидного прогресса, а бомбардировки Афганистана как неизбежные издержки демократизации.

Реверансы в патриотическом духе выглядят неубедительными, и лишь отдельные программы выпадают из общего ряда такого (в скрытой форме) антироссийского в стратегическом отношении “пиара”.

Анализ форумов в виртуальном пространстве Интернета оставляет также тягостное впечатление от “моря” ложных предубеждений и тенденциозных стереотипов; от растерянности и массовой фрустрации.

Такое состояние умов и информполитики вполне отвечает логике функционирования крупного бизнеса в стране, его целям и ценностям и той

“органической” вписанности этой логики в глобализационные (западноцентрические) сценарии, когда “нерентабельное население” должно попросту сгинуть. А “рентабельное” население должно состоять из миллионов “одномерных человек”*, бездуховных и легко манипулируемых существ.

Сообщество таких “био” и социальных роботов должно составить общество из породы новых неокочевников: “манкуртов”, рабов лишенных всякой памяти о своих корнях (героя повести Ч.Айтматова “И дольше века длится день”). Именно таков главный “мейнстрим” информационной и культурной политики в стране.

В таком же ключе действует и Голливуд, и западные “фабрики” по производству новых смыслов и образов, типа Г.Потера или Б.Дилона на Западе и группы “Тату” – в России.

Поскольку социальная политика государства вполне органично вписывается также в эту модель, то получается, что государственные (и корпоративные) СМИ и финансово-экономический блок правительства работают в унисон: одни на ментальном уровне, другие – на зримо-физическом.

Именно поэтому масс-медийная политика в России оставляет отчетливое ощущение противоречивости, в конечном счете, антирусскости при всех русофильских реверансах не вылезавших из “ящика” “старо”-новых властителей дум.

Идея “суверенной демократии” также находится в логическом и сущностном противоречии с практикой функционирования гос-ТВ, корпоративных СМИ и политикой финансово-экономического блока страны. И наконец, отечественные масс-медиа в таком кон-

* Термин Герберта Маркузе из книги “Одномерный человек”.

тексте выступают как органичное “звено” глобальной медиократии в России; мировых “хозяев дискурса” (термин И.Шамира, израильского публициста и политолога), задающих “повестку дня” для всего мира.

Еще в Докладе “Кризис демократии” (1975 г.) группой авторов во главе с Самуэлем Хантингтоном (для “Трехсторонней комиссии”) был сформулирован ключевой вывод: финансовой элите Запада для защиты своих интересов необходимо реализовывать политику “неучастия” масс в политической жизни; в общем, взять курс на профанацию или “шоуменизацию” демократии. Такая установка была естественным продолжением намеченного (а кое-где и начавшегося) процесса “сброса” социальных обязательств государств “всеобщего благоденствия” в западном мире. Социальные обязательства приносились в жертву эффективности и конкурентоспособности.

Именно с этих пор глобальной медиократией и был взят курс на антипросвещение и дебилизацию населения; на “шоуменизацию” политики. Глобальная медиократия в разных государствах от США и до России, где она пустила также глубокие корни (в лице западников) работают примерно в одном ключе: разрушая и разворачивая, методично демонтируя культурно-ценностный фундамент стран, включая и Россию. В России это выражено даже более ярко и цинично.

Знакомство с работами западных авторов, в частности, американского экс-конгрессмена из республиканцев, Патрика Бьюкенена⁵, оставляет впечатление поразительного сходства аргументов и критических стрел отечественных патриотов и(или) консерваторов (в адрес информ-культурного “начальства” страны) с критикой либералов их американскими собратьями.

Такое же недовольство наглым цинизмом новых властителей дум, пропагандирующих антипатриотизм и неуважение к своей истории, разрушающих традиционную семью и религиозные ценности, ну и т.д.

Рабочая гипотеза относительно синхронной, согласованной в глобальном масштабе информационной политики подтверждается целым рядом авторитетных исследований, раскрывающих эту “ткань” невидимой связи между разными “отрядами” медийного сообщества на Западе, а теперь уже и российского его ответвления.

Здесь не просто единство “технологий” пиара, научных наработок для наиболее эффективного воздействия на массовое сознание, а единство смыслового, образного и ассоциативного ряда в репортажах и новостных программах, в различных ток-шоу и комментариях в англосаксонском мире и в России особенно наглядно. В странах Европы – все это менее выражено. Мы вправе говорить о настоящей *консцидентальной войне* (термин Ю.Крупнова и Ю.Громыко), то есть войне на поражение массового сознания.

Здесь четко проявляются серьезные противоречия и логические неувязки в политике нашей правящей элиты.

С одной стороны, – ориентация на самостоятельность, на демографическое, культурное, экономическое развитие страны.

С другой стороны, такие информационные, культурные практики, которые нельзя оценить иначе, как демобилизующие, пропагандирующие ценности средневековья и неоязычества. “Пиарный” шум вокруг тех или иных успехов страны (в особенности, в спорте или других не столь значимых сферах жизни) выполняют лишь тактическую задачу “умиротворения” общественного мнения.

Итог такой информполитики – деморализация общественных нравов и делегитимизация института семьи.

Другой негативный итог подобной медийной политики – моральная и социальная фрустрация как результат перманентной пропаганды криминального и катастрофического образа жизни в стране.

Кроме того – значительный рост ксенофобии и исламофобии в массовом

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ

– Несмотря на победные реляции и “пиарный” шум вокруг “плана Путина”, стратегию развития России, в конечном счете, можно определить как соответствующую интересам финансово-промышленных групп олигархической (и неявно, компрадорской) “природы”.

Дискурс вокруг темы “суверенной демократии” и “национально-ориентированной стратегии” хотя и имеет своих заинтересованных заказчиков из государственников в аппарате власти, но слабо коррелирует с реальной политикой: финансовой, социально-экономической, культурно-информационной и образовательной.

Амбивалентность геополитического положения страны и культурной ориентации, ее история и особенности социополитического развития предопределяют чрезвычайную сложность выбора стратегии развития, адекватного имманентной сущности России. Эйфория по поводу возрождения державы – следствие не совсем адекватной идентификации подлинного субъекта в лице глобальной олигархии и близких к ней структур-творцов американской политики, в конечном счете; и не совсем адекватной интерпретации его целей, методологии и “технологии”.

– Принимаемые на верхних этажах власти решения прорывного (иннова-

сознании опять-таки на фоне недвусмысленно заявленного и реально претворяемого руководством России курса на конструктивное сотрудничество с целым рядом государств ближнего зарубежья и исламского мира.

На таком фоне конструктивные шаги части руководства страны во главе с В.Путиным нередко выглядят как всего лишь “пиар”, хотя это далеко не так.

ционного) характера в процессе реализации испытывают мощнейшее влияние параллельного центра принятия решения, который можно представить в виде сплоченного сообщества людей и структур с либерально-прозападной (американофильской) ориентацией, хорошо представленных в финансово-экономическом блоке правительства и в крупном (сырьевом и финансовом) бизнесе, в масс-медийном и экспертном сообществах, в ряде федеральных структур, а в последние 5–8 лет – и в региональной политэкономической элите.

Неформальные связи – большей частью горизонтальные – в этом сообществе имеют гораздо большее значение, нежели формальные, иерархические, и предопределяют эффективность его функционирования, высокий уровень согласованности и синхронизации.

Именно в рамках данного сообщества ключевые государственные решения претерпевают ряд трансформаций, подвергаясь неадекватной (стратегическим интересам страны и общества) интерпретации, редуцируясь порой до своей противоположности.

Автор обозначает подобное сообщество термином “Антисистема”, ибо мотивы и цели, ценности и принципы, коими руководствуются в данном сообществе, во многом противоречат стратегическим интересам России и ее

народов. Мотивация действий персон, включенных в такую Антисистему, может быть самая разнообразная.

Но общий “вектор”, задаваемый центрами принятия решений в данном сообществе, сводит на “нет” стратегические инициативы высшей исполнительной власти.

– Такого рода Антисистема не только подвергает меркантильной интерпретации решения высшего уровня власти, навязывая обществу и аппарату власти неадекватную “повестку дня”, задаваемую, как правило, в глобальных центрах принятия решения, но и серьезно влияет на кадровую политику государства.

Принципы отбора кадров для внедрения в государственные и прочие институты, в масс-медийное сообщество и “фабрики мысли и смыслов”, принятые на вооружение в рамках Антисистемы, основаны на негативных (имморальных и нигилистических) факторах. Это с одной стороны, а с другой – критериях, базирующихся на далеких от профессиональных принципов.

В конечном счете, в рамках данного сообщества реализуется стратегия, противопоставляющая Россию южной периферии, и шире – всему незападному миру; встраивающая Россию в качестве сырьевого придатка первого мира в мировую полупериферию; и, наконец, подвергающая страну решительной культурной “прополке” с негативными геополитическими и демографическими, нравственными и социокультурными последствиями.

– Таким образом, концептуализируя подобный субъект принятия решений, с большой вероятностью можно прогнозировать демонтаж России как государства, способного стать самостоятельным центром генерации смыслов, новых ценностей и целей, соответствующих глобальным вызовам и угрозам.

В лучшем случае можно прогнозировать превращение России через 2–3 десятилетия в новый плацдарм (для ТНК и интернациональных финансовых групп) освоения ресурсов страны при полной потере собственно того, что составляет фундамент идентичности России и ее миссии в мире.

– Набор “технологий” и методов действия, которым пользуется данное сообщество вполне соответствует *методологии “управляемого хаоса”*.

Теория и практика “управляемого хаоса” достаточно хорошо проработана в “фабриках мысли” (США) и широко используется мегасубъектом глобализации (или Глобамерикой) в мировой и региональной политике.

Технология “управляемого хаоса” вполне идентична практикам сетевых войн.

Особенность же применения данной технологии внутри России заключается в том, что объектом ее воздействия является “многонациональный народ” (по терминологии Конституции РФ) и традиционные конфессии; более агрессивный характер их применения; предельно “отвязанный” и циничный характер интерпретации либеральной догмы “свободы слова”, трактуемой как: “можно все, что не запрещено законом”.

Все это в совокупности обеспечивает громадный негативный кумулятивный эффект разложения и растрескивания общества; его социокультурную и нравственную деградацию. Позитивные инициативы в рамках “плана Путина” просто “тонут” в массивной разрушительной работе Антисистемы внутри государства.

– Автор исходит из того, что в Федеральном центре в такой постановке проблема если и осознана, то еще не осмыслена с позиций реконструкции логики действия структур с антисистемным эффектом.

Государственники-носители адекватной “повестки дня” и идеи государства-“цивилизации”, не будучи включенными (активно) в деятельность масс-медиа, не могут влиять серьезно на информационную и культурную политику. Есть серьезная опасность в том, что в такой постановке проблема

и соответствующие угрозы до сих пор недооценены. Наблюдается некоторое благодушие относительно роли и значения отечественных “властителей дум” в формировании общественного мнения, культурных предпочтений и вкусов; в конечном счете – формирования культурной “физиономии” нации.

Пять тезисов или “что делать?”

1. Все вышеизложенное диктует необходимость смещения акцентов в логике развития страны в сторону актуализации (чрезвычайной) именно проблемы национальной безопасности в широком контексте, включая и культурно-информационную составляющую как необходимое условие развития.

Противоречия, заложенные во второй модели (“государство-корпорация”), никак не могут быть нейтрализованы “пиарной” активностью или отдельными мерами правительства, равно как и “реверансами” в сторону Европы или выстраиванием особых отношений со “старой” Европой (Францией, Италией и Германией). В главных, стратегически важных вопросах страны-“локомотивы” ЕС все-таки следуют англо-американскому курсу – тому курсу, который в конечном счете определяется глобальной олигархией, и национальные элиты вместе с нацкапиталом этому “спруту” – далеко не соперники.

2. Цейтнот времени и прочих ресурсов выдвигает на передний план императив преодоления этого поистине трагического раздвоения в политике государства.

Перенос акцентов с модели “государства-корпорации” на модель “нация (цивилизация)-государство” уже давно назревшая необходимость.

Компромисс, в результате которого бизнес-элита страны и ее креатура должны потесниться (чтобы не потерять

все) и уступить первенство проводникам идеи подлинно суверенной демократии и “нации-государства”, равно как и стратегически дальновидной политике – это второй императив.

Без такого компромисса страна может погрузиться в хаос, в результате которого (благодаря “братской” помощи НАТО), проиграют все – и первые, и вторые; а победителями выйдут другие. Не случайно ведь эклектическое образование из “революционеров” прозападного толка и “левых” квази-патриотов так и называется: “Другая Россия”.

Вот мы и получим “другую” Россию: расколотую на враждующие фрагменты с партизанщиной в лесах брянщины и войсками из НАТО, устанавливающими пресловутую “чистую” демократию. Эта перспектива, с высокой вероятностью, недалекого будущего (2012–2015 гг.): времени когда полностью будут модернизированы американские войска, а российские, по контрасту, достигнут пика минимума оборонного потенциала⁶.

3. Смещение акцентов в политике государства объективно должно выражаться в приведении страны в предмобилизационное состояние.

Не надо пугаться этого слова, ибо на кону судьба России как политического и культурного целого, которая не может быть сведена до “части Европы” или “части Востока”.

Наступают времена, когда президент страны вынужден будет обратиться к россиянам со словами: “Братья и сестры! Нам угрожают... Нас шантажируют... Мы должны...” и так далее и тому подобное.

Разумеется, речь в этом случае пойдет не о нескольких десятках или сотне другой вытолкнутых из жизни и объявленных изгоями обозленных экстремистах (в горах Северного Кавказа).

Президент будет иметь в виду на порядок (на многие порядки) более важные угрозы.

В этой ситуации консолидация нации, превращение аморфной (деполитизированной, отчужденной и деморализованной) массы в сплоченный **общим Делом** “организм” невозможен без создания необходимых условий.

Вопрос развития упрется в проблему безопасности, а последняя – в вопрос о реальном субъекте, задающем стратегический “вектор” развития России.

На сегодняшний день эту задачу не решает и не может решать по объективным и субъективным свойствам ни одна из государственных структур.

На Западе эту же функцию обеспечивает согласованная работа множества неформальных структур клубного типа, взаимодействие и синхронизация которых “сообщает” системный эффект всему комплексу решений. В России, для начала, такую роль, могут выполнять сообщество Госсовет и Совет Безопасности России с расширенными полномочиями, на которые важно переключить целый ряд функций стратегического планирования, а в перспективе – оживить и придать совершенно новое качество евразийским интеграционным структурам и информационной политике.

4. Одно из решающих условий приведения в соответствие реальным угрозам и вызовам государственного и об-

щественного “организма” страны – это безусловно преодоление глубокого (прямо-таки экзистенциального) отчуждения между властью имущими и подавляющей частью народа (около 70%).

Это – возврат государству его привычной для российской политической и социальной культуры функции: субъекта, генерирующего мысли и идеи, сплачивающего нацию в единое целое. С другой же стороны, это – преодоление глубокого социального расслоения, восстановление в своих правах принципа социальной справедливости.

Разумеется, без экспроприаций и без покушений на экономическую демократию и права собственности – все через налоговые, перераспределительные механизмы. Конкурентоспособность России как целого может быть обеспечена только на этих путях.

5. Мы живем в период, когда четвертая (информационная) власть давно уже превратилась по значимости во вторую.

Ни один политик не может игнорировать этот сплоченный “отряд производителей” виртуальной реальности, далекой от объективной картины. Их власть почти тотальна и всепроникающа, а реально избранная людьми власть эпизодична, фрагментарна и зависима от медийного сообщества.

Настало время, когда политика государства не может игнорировать содержательную сторону медийной политики. Здесь нужна более глубокая трансформация. Речь не идет о возврате к временам цензуры, но смысловой и ценностный ряд государственных масс-медиа и близких к государству корпоративных СМИ должен соответствовать все-таки стратегии строительства “государства-цивилизации” в России. Разумеется, все должно быть профессионально и ненавязчиво, интересно.

В равной мере сказанное относится и к культурной политике.

В перспективе России вполне по силам постановка на “индустриальную” основу производства альтернативной (англосаксонскому типу) культуры, системы образов и смыслов, которая непременно найдет широкий отклик, как минимум, в евразийском пространстве. Но пока надо хотя бы обозначить этот сдвиг в сторону от основательно себя дискредитировавшего и разрушительного “пиара” в сторону созидательного, с опорой на науку и искусство воздействия на тончайшие ментальные “струны” человека.

И здесь национальные символы и мысли, в том числе и религиозные, могут быть включены в новую (пропагандистскую) систему лишь в “снятом” виде без раздражающей и отторгающей других форме.

Новые “катушки” и “подмосковные вечера”, новые “судьба человека” и “журавли”(а не жалкие копии с голливудского суррогата) и прочие носители культурного “сигнала” России на новом, поистине судьбоносном этапе истории должны превратить страну в плацдарм образцового решения проблемы смысла жизни на евразийских просторах.

Для всего этого нужно освободиться от не самой почетной роли части (зависимой) глобальной медиократии.

Это – необходимое условие перевода страны с режима инерционного (почти деградиционного) пути на рельсы подлинного развития.

Без такой глубокой трансформации медийной и культурной политики любая инициатива или проект развития будет подвергаться саботажу и дискредитации.

Вместо заключения: поучительная притча

В священных текстах монотеистической традиции приводится очень поучительный пример – притча о пророке Моисее (Мусса) и египетском мудреце Хадине (Хизры), передающий всю важность соотношения знания и незнания (сплава опыта и мистики) при принятии особо важных решений.

Вот его краткое содержание.

Пророк Моисей в египетский период жизни в поисках знания обратился к мудрецу по имени Хизры. Последний поставил следующее условие: что бы он не делал, Моисей его не спрашивает о причинах содеянного.

Вышли в путь-дорогу, через некоторое время мудрец без видимых причин топтит (сделав дырку в днище) лодку, в которую они оба сели. Удивленный Моисей не выдерживает и спрашивает своего спутника о причинах столь неблагодарного, на его взгляд, поступка. Ответом было напоминание об уговоре и необходимости терпения.

Но через некоторое время опять мудрец совершает поступок, немислимый с точки зрения морали. Он убивает молодого юношу, которого они оба встретили. Возмущенный и удивленный пророк вновь забывает об уговоре и спрашивает мудреца: зачем он это сделал?

Но ему опять напомнили о соблюдении договора и необходимости терпения, правда, уже с последним предупреждением.

И, наконец, на последнем этапе своего совместного путешествия мудрец Хизры, несмотря на то, что их обоих выгнали из городка, ремонтирует покосившуюся стену. Пророк в третий раз не выдерживает и спрашивает мудреца: “Почему ты

это сделал? Если бы ты захотел, то мог бы взять плату за это”. “Все! Мы здесь разлучимся с тобой, – сказал, наконец, мудрец, – ибо не хватило у тебя терпения”.

А причины своих действий он объяснил так: во-первых, лодку он потопил, потому что она принадлежала беднякам, а вслед им шел царь, который захватывал у бедняков их лодки.

Убитый юноша же отличался крайней степенью неверия и бесчестия, а его родители, наоборот, – чрезвычайно набожные и нравственные люди. И он, повзрослев, доставил бы им горе, а так они могут народить еще детей.

И, наконец, отремонтированная стена в том негостеприимном городке принадлежит двум сиротам, а под стеной клад принадлежащий им. И отец их был благочестивым человеком, и Всевышний пожелал, чтобы они достигли зрелости и клад им достался.

И все мои решения были продиктованы, – вещал мудрец, – Всевышним”.

Эта длинная притча имеет определенное, хотя и косвенное, отношение к нашей теме. Может быть у государственных мужей-проводников первой (державостроительной) модели будущего России, есть нечто значимое (в “запаснике”), о чем мы не догадываемся, и о чем лучше пока помолчать? Дабы не “вспугнуть” другую прозападную “партию” строителей государства-“инструмента” корпорации.

Пока же сущностное противоречие (в госполитике) сохраняется, и налицо общий тренд в пользу корпоративно-эгоистической модели и идеологии крупного бизнеса, сопровождаемое неубедительными мерами. Все это оставляет впечатление нерешительности, с одной стороны, и не осознанности в полном объеме всего комплекса угроз, с другой.

Примечания

¹ Мартыненко Вл. Неизвестная политика Банка. М.: ИСПИ, 2006.

² Болдырев Ю. О бочках меда и ложках дегтя. М., 2003.

³ Глазьев С. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов. М.: НИР, 2007.

⁴ Медведева И., Шишова Т. Орден глобалистов: российская ложа (тайны современной политики). Сб. статей. М.: Алгоритм, 2006; Маркова Н.Е. “Культуринтервенция”. Монография. (электронная версия); Дугин А. Поп-культура и знаки времени. (Ч. 5. Пришествие телепузиков). СПб.: Амфора, 2005. С. 323–363; Кара-Мурза С. Краткий курс манипуляции сознанием. М.: Алгоритм, 2002; Калашников М., Крупнов Ю. Гнев Орка. Америка против России. М.: АСТ, 2003. С. 78–96; Громько Ю. Разрушение страновой идентичности и стоящих за ней ценностных матриц – важнейшая проблема идеологии нашей страны // www.km.ru.

⁵ Бьюкинен П.Дж. Смерть Запада. М.-СПб.: АСТ, 2003. С. 78–85, 206–220, 246–270.

⁶ Крупнов Ю., Калашников М. Гнев Орка. Америка против России. М.: АСТ, 2003. С. 298–450.

Избирательные кампании 2007–2008 годов в России

Стабильность в контексте исторического и политического опыта

Владимир Павленко,
кандидат политических наук

Весьма предсказуемые итоги выборов в Государственную думу, как и не менее предрешенные результаты стартовавшей президентской кампании, тем не менее, создают в стране принципиально новую политическую ситуацию. Главное в этой ситуации: общенациональный лидер, которым, безусловно, является Президент России В.В.Путин, становится, пусть только с формально-юридической точки зрения, не первым лицом в государстве.

Причем проблема – отнюдь не в конкретных должностях, в которых окажутся ведущие фигуры российской политики после мая 2008 г. (Нельзя, например, исключить, что сохранение существующего распределения полномочий между главой государства и Правительства может быть дополнено совмещением премьерства с фактическим руководством, например, Советом безопасности и/или расширенным Государственным советом).

Неправомерно также, на наш взгляд, говорить и о двоевластии, обсуждение которого занимает умы достаточно многих политических аналитиков и даже академических ученых. Ибо двоевластие, как показывает опыт 1917 и 1991–1993 гг., предполагает временное совмещение двух принципиально различных типов власти, каждый из которых, стремясь распространиться на всю власть в целом, создает и укрепляет собственную систему государственных институтов, вступающих друг с другом в непримиримое соперничество, не ограничивающееся центром, а распространяющееся в регионы.

На нашей памяти наиболее ярко это проявилось в кардинально различном отношении исполнительных и законодательных органов власти субъектов Федерации к пресловутому ельцинскому указу от 21 сентября 1993 г. № 1400 “О поэтапной конституционной реформе”, которым распускались Съезд народных депутатов и Верховный Совет РФ.

Ничего подобного в рамках нынешней единой системы власти произойти не может, как говорится, по определению.

Поэтому гораздо более важным, чем бесплодное гадание на кофейной гуще о том, какой именно вариант распределения властных полномочий будет задействован, представляется рассмотрение более фундаментального вопроса: о путях формирования системы принятия политических решений, способной обеспечить стратегическую стабильность не только в конкретный момент, но и в обозримой исторической перспективе.

“Спасительный крик” и западный опыт

В наделавшей немало шума статье руководителя нынешнего Государственного комитета РФ по контролю за оборотом наркотических и психотропных веществ (Госнарконтрoля РФ) В.А.Черкесова привлeк внимание один интересный, во многом справедливый и потому особенно важный тезис. Сорвавшись на рубеже 80-х и 90-х годов XX в. в пропасть, Россия как за спасительный крик зацепилась за сохранившуюся, в отличие от развалившейся компартии, систему спецслужб, на котором продолжает “висеть” до сих пор.

Отдавая отчет в ненадежности такой ситуации, автор статьи указывает на возможные варианты долговременной стабилизации, относя к таковым строительство полноценного гражданского общества или укрепление философии и организационной стороны чекизма как метода, предполагающего превращение его в полноценный центр принятия стратегических решений. Альтернативой рассматривается возникновение в случае ухудшения экономической конъюнктуры перманентной нестабильности, угрожающей возможным срывом в хаос и распадом страны, особенно опасным ввиду асимметричности ее федеративного устройства¹.

На Западе, надо признать, о существовании такой угрозы догадались уже давно, создав для ее предотвращения систему страховочных механизмов, сложившуюся на основе англосаксонского (британо-американского) “глобального центра” как несущей конструкции, обеспечивающей пусть и относительную, но целостность и консолидацию западной цивилизации. Со временем из вспомогательных такие механизмы превратились в ключевые, а их совокупность сформировала систему, получившую отражение в академи-

ческой науке Запада в виде *теории так называемого “глобального управления”*.

Суть такой системы – здесь нам придется отбросить пресловутую “политкорректность” – в четком осознании простой, в сущности, вещи. Всеобщий демократический выбор политического лидера допустим только в том случае, если кандидаты проходят предварительный отбор, причем, отнюдь не в массах электората, а в достаточно ограниченном по составу институте, *способном и готовом* к принятию политических решений, а также обладающем как легальными, так и неформальными инструментами проведения их в жизнь.

В противном случае практически гарантировано (и бесконтрольно) побеждают демагоги и популисты, распознавание которых неизменно реагирующими на броскую, красивую фразу избирателями затруднено отсутствием у них как собственного политического опыта, так и специальных комплексных знаний в таких сферах как философия, история, правоведение, экономика, политология, социология и т.д.

Разумеется, существуют партии, внутри которых степень популярности тех или иных политиков определяется рейтинговым голосованием (например, идущие сейчас в США “праймериз”). Но это – уже вторая ступень отбора. Первая же по объясненным причинам осуществляется вообще не в массах, а в закрытых кабинетах, в рамках соответствующих структур, занимающихся централизованным стратегическим планированием и политическим управлением. Причем, происходит такой отбор в масштабах не одной страны, а по всему Западу.

В США соответствующие решения принимаются Советом по международным отношениям; в Европе – Бильдербергским

клубом. (Отдельной “епархией” выступает Великобритания – своеобразный “округ Колумбия” в масштабах всего Запада).

Третий подобный институт – Трехсторонняя комиссия – контролирует процессы политического управления еще и в Японии, а также, наряду с остальными, активно экспортирует данную модель за пределы политического Запада, навязывая внешнее управление другим странам.

Нам ли в России, особенно по прошествии 90-х годов, не знать пагубных последствий этого воздействия, наступление которых было остановлено только при В.В. Путине – сочетанием активной внутренней политики с осторожными и взвешенными шагами, восстанавливающими полноценную субъектность страны на международной арене.

Можно, конечно, поставить существование такой системы принятия решений под сомнение или даже нарочито возмущенным тоном обвинить автора в приверженности пресловутой “теории заговоров”. Только при этом придется объяснить ряд общеизвестных политических казусов.

Например, последовательную, как по команде, смену власти в ведущих странах – Франции, Германии, Италии, предыдущие лидеры которых – Ж. Ширак, Г. Шредер и С. Берлускони – либо не поддержали американское вторжение в Ирак, либо были “замечены” в слишком тесных связях с российским руководством.

Знаменательно, что после столь “тонкой настройки” все “уклоны” в этих странах были незамедлительно выправлены, а генеральная линия не только восстановлена, но и укреплена.

Или “плановая”, но при этом вне всяких выборов, замена Э.Блэра его фактическим антагонистом Г.Брауном с последующей “переброской” отставного премьера на восстановление отношений Великобритании с Ватиканом,

то есть на укрепление западного единства, но опять-таки под англосаксонским контролем. Слишком все стройно и четко, чтобы быть случайностью...

Или, наконец, принадлежность обоих кандидатов в президенты США на выборах 2004 г. – Дж.Буша-младшего и Дж.Керри – к “ядру” стержневого для политической элиты страны “либерального истеблишмента восточного побережья”, тесно связанного с ведущим максимально закрытым тайным обществом (масонским орденом “Черепа и костей”), функционирующим на базе Йельского университета. (Какая в этом случае разница, кто из них бы победил?).

В этом же ряду и первые “неожиданности” нынешних американских “праймериз”, в частности, беспрецедентный рывок Б.Обамы у демократов вкупе с отставанием Р.Джулиани у республиканцев. Утечки, явно преднамеренно сделанные около года назад, предсказали именно такое развитие событий, сделав попутно “прогноз” о возможности объединения Обамы с Хиллари Клинтон в предвыборный тандем, настолько четко отражающий спектр демократического электората, что противостоять ему, по опросам социологов, вряд ли сможет любой из республиканских кандидатов. Кроме Джулиани.

Наконец, существует и так называемый “персоналистский” фактор, объединяющий функционеров ведущих государственных планирующих и управленческих структур с неформальными, как говорится, в одном лице.

Так, глава Отдела политического планирования американского Государственного департамента Р.Хаас одновременно возглавляет Совет по международным отношениям.

Один из его предшественников в данном качестве А.У.Даллес в свое время совмещал эту неформальную должность в

американском истеблишменте с руководством ЦРУ (и в этом качестве, к слову, обсуждал весной 1945 г. в Швейцарии с личным представителем Гиммлера обергруппенфюрером СС К. Вольфом возможность сепаратного мира Германии с Западом).

Родной брат предводителя Трехсторонней комиссии Дэвида Рокфеллера Нельсон в качестве вице-президента входил в администрацию президента Дж.Форда – единственного за всю историю США, не прошедшего (даже формально) через процедуру выборов. Отец действующего президента США Дж.Буш-старший в свою бытность главой Белого дома поставил вопрос о формировании “Нового мирового порядка” в официальном властном институте – Конгрессе США. А вот конкретные меры по его становлению (если верить М.Тэтчер²) им обсуждались все в том же не имеющем официального статуса Совете по международным отношениям.

Фактов, подтверждающих тезис о неразрывном единстве легальных и тайных институтов власти на Западе, а также о попытках глобального распространения их влияния можно привести еще сколько угодно, но сути вопроса это уже не меняет.

В случайность такого количества совпадений, очевидно составляющих единый логический ряд, никто из серьезных аналитиков давно не верит. Как и не вызывает у них сомнений перспектива скорого повышения мировых цен на нефть до 150 долл. за баррель, спланированная, если верить ряду источников, еще весной прошлого года Бильдербергским клубом. С тех пор именно эта цифра последовательно внедряется в мировое общественное мнение в качестве “аналитических прогнозов” то министерством энергетики США, то экспертами ведущих нефтяных транснациональных корпораций, например, “Shell” и др.³.

Не вызывает особых сомнений и конечная цель данного предприятия. Не

будучи, по-видимому, оригинальной, она, скорее всего, повторит осуществленную в стиле Остапа Бендера комбинацию 1973–1974 гг., предпринятую тем же Бильдербергским клубом “с подачи” Г.Киссинджера: снять катастрофический для американской экономики инфляционный “навес”, закачав избыточные арабские нефтедоллары в американские банки, а затем, обвалив с помощью тех же арабов цены, воздействовать таким образом, на неконтролируемых Западом производителей энергоносителей, прежде всего, на Российскую Федерацию.

Сегодня и “клуб” на месте, и Киссинджер никуда не делся.

Что, спрашивается, мешают?

Мешать – не мешает ничего. А вот обеспечивают и прикрывают реализацию подобных планов, относящихся, как легко убедиться, не столько к экономике, сколько к политике, причем глобальной, на наш взгляд, две вещи:

– *во-первых*, наличие отлаженного механизма воздействия подобным образом на глобальные процессы;

– *во-вторых*, фактическая монополия на этот механизм Запада, прежде всего, англосаксонских стран, позволяющая ему рекрутировать в него вершущи национальных элит, превращающихся соответственно в проводников западного влияния в своих странах.

Именно здесь, прежде всего, находится ключ к разгадке процессов, протекавших в нашей стране в канун, во время и после горбачевской “перестройки”, вызвавшей распад СССР, а также в ходе ельцинско-гайдаровских “реформ”, а также “цветных” революций на постсоветском пространстве, генеральной целью которых является вовлечение государств СНГ в сферу влияния Запада и строительство с их помощью вокруг России нового “санитарного кордона”.

Осознается ли подобная угроза государственным руководством Российской Федерации?

Безусловно.

Чтобы убедиться в этом, достаточно даже поверхностное ознакомление с тремя важнейшими, на наш взгляд, документами 2007 г.: выступлениями

В.В.Путина на 43-й международной конференции по проблемам безопасности в Мюнхене (февраль), на XI Петербургском экономическом форуме (июнь), а также предновогодним интервью главы нашего государства американскому журналу *"Time"* (декабрь).

Так что ж тогда из этого следует?

Нужна ли нам западная "политическая демократия"?

Прежде всего, обратимся к опыту самого Запада, где рассматриваемую нами систему взаимодействия легальных и тайных глобально-управленческих институтов, во многом "с подачи" занимающихся их изучением российских ученых и философов (например, А.А.Зиновьева⁴), именуют *"мировой закулисой"*.

С одной стороны, новейшие исследования особенностей ее функционирования, рассматриваемые в рамках упомянутой теории глобального управления, позволяют идентифицировать "закулису" как систему глобальных институтов, построенную по принципу сформулированной М.Кастельсом, Э.Кассирером, а также видным российским международником А.Д.Богатуровым модели *"сетевого" общества*. Именно с такой моделью связывается формулируемая С.А.Марковым, М.Г.Делягиным и другими политологами "глобальная система принятия политических решений". **Управляющие сигналы в ней поступают в виде не команд или указаний, а конкурирующих проектов, в каждом из которых вследствие этого выстраивается собственная "сетевая" иерархия руководящих центров⁵.**

С другой стороны, накопленный автором опыт изучения деятельности глобально-управленческих институтов позволяет говорить о том, что ситуативные проекты с собственной иерархией – лишь надводная часть "айсберга", представленная так называемой

"функциональной" частью глобальной (мировой) элиты. Она не только не отражает реальную, гораздо более устойчивую и стабильную иерархию, верхушка которой формируется взаимодействием традиционных родовых аристократий, прежде всего, британской, с ведущими финансово-политическими группами по большей части также британскими или американскими (Ротшильды, Рокфеллеры, Морганы и т.д.), но и камуфлирует ее роль как идеологической или "духовной" элиты. Полностью подчиняя себе "функциональную" элиту, "духовная" образует с ее верхней частью своеобразный симбиоз, делегируя своих представителей в руководство функциональных управленческих структур.

Так, отец действующей королевы Нидерландов Беатрисы принц Б. де Липпе (в свое время служивший в гитлеровском вермахте) стал одним из создателей Бильдербергского клуба, в котором ныне председательствует бывший генсек НАТО британский лорд Каррингтон.

Д.Рокфеллер возглавляет Трехстороннюю комиссию, а располагающий представителем сразу в пяти европейских государствах (Великобритании, Франции, Германии, Италии, Австрии) клан Ротшильдов имеет влияние на большинство политических сил в странах пребывания, по-видимому, контролируя их представителей и в перечисленных глобалистских структурах.

Отмеченные уровни структуры глобального управления – высший ("ду-

ховная” элита) и средний (элита “функциональная”) – органично дополняются низшим уровнем, образованным многочисленными международными неправительственными организациями (НПО) – главным инструментом подрыва иностранных суверенитетов и территориальной целостности*.

Итак, “функциональная” элита контролируется “духовной”, а наиболее влиятельные из НПО официально или негласно возглавляются представителями определенного круга лиц, входящих в “функциональную”, а именно – являющихся членами одновременно всех трех упомянутых структур политического управления: Совета по международным отношениям, Бильдербергского клуба и Трехсторонней комиссии.

Таких лиц не так много: по разным данным, от двух до трех десятков.

В качестве примеров такой взаимосвязи можно привести фактическое председательство Зб. Бжезинского в известной правозащитной организации “Amnesty International”, а Г.Киссинджера – в менее афиширующей свою деятельность, но, пожалуй, более влиятельной структуре орден-

ского типа, известной под названием “Бнай Брит” (“Сыны Завета”) и т.д.

Такова в самых общих чертах модель и способы сохранения той самой “стабильности”, которая самим Западом достаточно фарисейски именуется “политической демократией”. Ибо надо ли говорить, что практически все избираемые якобы демократическим путем лидеры либо сами входят в “функциональную” элиту или неправительственные организации (представители “духовной” элиты до публичного политического участия, за редким исключением, не опускаются), либо проходят тщательный отбор. Получая своеобразный “ярлык на княжение”, они в любой момент, как показывает опыт тех же Э.Блэра, С.Берлускони, Г.Шредера или несостоявшегося преемника Ж.Ширака экс-премьера Франции Д. де Вильпена, а также незадачливого японского экс-премьера С.Абэ, должны быть готовы сложить полномочия.

Когда конкретно это произойдет, зависит, надо полагать, от остроты момента и планов “закулисы” и к мнению избирателей никакого отношения не имеет.

России нужна собственная политическая и институциональная среда

Каково наше отношение к приведенному западному опыту?

Прежде всего, в нашей стране напроць отсутствуют традиции тайного институционального участия, что объясняется персонифицированным характером лидерства и при царях, и при генсеках, унаследованным современной политической системой.

Свою роль сыграла и соборность Православия. В отличие от католицизма, со свойственными ему представ-

лениями о непогрешимости римских пап в вопросах веры и морали, Русской Православной Церковью тайная деятельность не практикуется. А без поддержки церковного авторитета неизменно проваливались любые подобные попытки в прошлом, включая наиболее известную, связанную с учреждением князем Д.М.Голицыным во второй половине 20-х годов XVIII в. так называемого Верховного тайного совета, начавшего (и закончившего) свою дея-

* Россия с подобными действиями Запада сталкивалась на протяжении всего XX в., сталкивается и сейчас.

тельность провалившейся попыткой диктовать условия царствования пригласенной на русский престол Анне Иоанновне⁶.

Речь идет только о доморощенном участии, ибо тайные институты “со стороны”, прежде всего, масонство, Мальтийский орден и орден иезуитов активно внедрялись в России еще с конца XVIII – начала XIX вв., а в XX столетии сыграли однозначно деструктивную роль во всех пережитых страной потрясениях.

Интересный исторический факт: когда при Александре I масонству было предложено стать “придворным” подобно английскому, представители петербургских лож осмысленно выбрали другой статус – “терпимости”, подчеркнув тем самым оппозицию не только действующей государственной власти, но и российской государственности.

Во-вторых, нельзя забывать, что Россия прошла и, надо сказать, с трудом выбралась из “олигархического” периода своей новейшей истории – когда нувориши, вроде Березовского, Гусинского, Ходорковского и т.д. всерьез претендовали на роль “духовной элиты” в стране А.С.Пушкина, А.П.Чехова и Л.Н.Толстого, безоговорочно соглашаясь в обмен на поддержку своих амбиций на унижительную для России роль проводника западной политики и интересов, а, возможно, и поставщика “пушечного мяса”. Например, в предполагаемой войне с Китаем.

С тех пор много воды утекло, но неизменной остается закономерность, отмеченная известным международником В.А.Кременюком: российский финансовый капитал, а также олигархи, занятые экспортом энергоресурсов как тяготели, так и тяготеют к Западу – как сфере своих экономических интересов⁸. Отсюда – их тесная взаимосвязь с определенными кругами на Западе и, кстати, особая любовь к туманному Альбиону.

Учитывая, что ведущую роль в “мировой закулисе” играет как раз крупный капитал или, по удачному выражению В.И.Ленина, “финансовая олигархия”, можно считать, что наша страна получила достаточную прививку от того, чтобы вручать свою судьбу бизнесу, каким бы “национально ориентированным” он ни казался.

Таким образом, ключевой вопрос разделяется на две тесно взаимосвязанные части:

1. До каких пор общества, управляющиеся центрами, находящимися за пределами России (обязанные по масонским уставам регистрироваться в странах пребывания под видом общественных организаций), будут, вопреки Конституции Российской Федерации, сохранять возможность фактически беспрепятственно вести свою деятельность, вербовать новых членов, продвигая их по своим каналам на различные позиции в органах власти и бизнесе?

2. До каких пор органичная, создававшаяся веками российская система ценностей, служившая основой консолидации власти и общества, выработанная совокупностью морально-нравственных и мировоззренческих ориентиров традиционных конфессий будет подгоняться под ранжир так называемых “общечеловеческих ценностей”, скроенных Западом и “под Запад”?

Ответ на обе части, на наш взгляд, содержится в упомянутых предложениях В.А.Черкесова: жизненная философия, представленная как “чекизм”, но являющаяся на самом деле идеалом государственного служения, должна максимально распространяться на общество, способствуя решительному избавлению от потребительской морали, а также представлений о правах человека как вседозволенности. В этих условиях отсутствие институционально оформленной государственной идеоло-

гии легко компенсируется широкой системой общественных инициатив (а при необходимости и институтов), идеологическим оформлением которой может послужить в достаточной мере сформировавшееся мировоззрение таких межконфессиональных форумов, как, например, Всемирный Русский Народный Собор.

Подчеркнем: речь идет именно об общественных инициативах, а не о пресловутом “гражданском обществе” – словосочетании, которое у нас, как правило, повторяют, особенно не вдумываясь ни в его историческое происхождение, ни в современную трактовку, служащую инструментом продвижения интересов западного глобализма.

Важнейшей задачей служит демистификация “особой” роли российской интеллигенции, которую лучшие и наиболее честные русские умы в свое время, справедливо связывая с проникновением в страну масонства, очень точно характеризовали как “монашеский орден, а религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимую, со своим обязательным мирозерцанием, нравами и обычаями...”⁹.

Другая, не менее актуальная задача – прекратить продолжающееся без участия этой интеллигенции шельмование советского периода российской истории. Открыто признать его органичность и исключительную важность (прежде всего, сталинской эпохи, а также Октябрьской революции, прекратившей февральский “демократический” разгул) для восстановления традиций, связи времен и модернизации России, без которой невозможно было ни выстоять в Великой Отечественной войне, ни предотвра-

тить угрозу ядерного нападения со стороны США во второй половине 40-х годов*.

Итоги прошедших парламентских выборов показали, что в настоящий момент инструментом обеспечения политической стабильности избрана ведущая политическая партия – “Единая Россия” при условии, что ее деятельность однозначно ассоциируется не с собранными в ней разрозненными, нередко противоборствующими элитными группировками, а лично с Президентом России В.В.Путиным и его политикой.

По мере появления новых задач, в частности перехода к развернутой модернизации страны (в самом широком ее понимании), подобная организационная конструкция неизбежно потребует определенной коррекции. Прежде всего, в части той роли, которую призвана сыграть эта партия в кардинальном обновлении российской политической элиты, а также в выполнении задач общественной самоорганизации.

Только при реализации этих и многих других условий представляется возможным формирование в стране политической среды, а за ней и институтов, которые сами по себе станут залогом исторической преемственности и стабильности, создав естественные механизмы отсева как популистов, так и, главное, носителей чуждых ценностных и проектных систем.

Последний из вопросов – о судьбе обязательств, взятых нашей страной в 90-е годы перед европейскими и евроатлантическими институтами и структурами, скорее всего, будет решен самим временем.

* Кстати, едва ли не первое, что сделали большевики, оказавшись у власти, – запретили масонство, распустив все ложи, то есть повторили действия четырех российских самодержцев – Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I).

Примечания

- ¹ Коммерсант. 2007. 9 октября.
- ² *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира // М.: Альпина-Паблишерз, 2003. С. 52–53.
- ³ *Энгдаль У.Ф.* Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. Гл. IX. // <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/10154/>; “Бильдербергский клуб” принял решение о повышении и цены на нефть до 150\$ // <http://www.zaistinu.ru/articles/?aid=1284>; Нефтяные цены взлетят до небес. Интервью лорда Оксбурга // Independent on Sunday. 2007. 19 сентября // <http://www.rambler.ru/news/economy/10344/11182469.html?prini=1> и др.
- ⁴ *Зиновьев А.А.* Закулиса // Российская Федерация сегодня. 2000. №1 8.
- ⁵ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура // М., ГУ ВШЭ, 2000; *Кассирер Э.* Феноменология познания // Философия символических форм. В 3-х томах // М.-СПб., 2002. Т. 3. С. 371; *Богатуров А.Д.* Самооборона транснациональных сетей // Независимая газета. 2003. 2 июля; *Марков С.А.* Глобализация политических институтов / Мазур И.И., Чумаков А.Н. – ред., сост. Глобалистика. Международный энциклопедический словарь. М.-СПб-Нью-Йорк, 2006. С. 183–184; *Делягин М.Г.* Основы внешней политики России. Матрица интересов. М., 2007.
- ⁶ *Ключевский В.О.* Русская история. С. 446–452.
- ⁷ Массонство в его прошлом и настоящем / Мельгунов С.П., Сидоров Н.П. – ред. В 2-х книгах. М., ИКПА (репринтн. изд. 1914 г.), 1991. Кн. 2. С. 178.
- ⁸ Независимая газета. 2003. 13 августа.
- ⁹ Массонство в его прошлом и настоящем / Мельгунов С.П., Сидоров Н.П. – ред. В 2-х книгах. М.: ИКПА, 1991. Кн. 1. С. 133; *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 17.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Антиинфляционная стратегия как основа эффективной политики доходов

Юрий Чернов,

кандидат экономических наук

В конце 2007 г. страну поразила новая волна инфляционной эпидемии, имеющей своих “бациллоносителей” и глубокие корни, скрытые в социальной структуре современного российского общества. Правительственные органы, отвечающие за развитие инфляционных процессов (МЭРТ, Минфин, ЦБ) оказались не в состоянии упредить этот громадный всплеск инфляции.

Монетарная концепция, положенная в основу понимания и управления инфляцией, привела правительственных экономистов к серьезным ошибкам в прогнозировании ее темпов.

Год назад президент В.В.Путин требовал от правительства сбить темпы инфляции к концу 2007 г. до 4%, фактически темпы инфляции могут составить 12%, а так называемая инфляция продовольственной корзины, по оценкам некоторых экспертов, к концу года приблизилась к 30%.

Сейчас настала пора понять, что инфляция есть всеохватывающее социально-экономическое явление, для государственного регулирования которым необходимо, прежде всего, не “набор мер”, как этого в 2007 г. требовал президент В.В.Путин, а понимание глубинных причин, в том числе структурного происхождения, объясняющих ее неуправляемость и затяжной характер.

Это необходимое условие разработки антиинфляционной стратегии, в основу которой должна быть положена немонетарная социополитическая концепция инфляции.

Необходимость построения такой концепции была вызвана тем, что преднамеренно провозглашенная в начале реформ деполитизация государственной и экономической жизни имела свою оборотную, тщательно скрываемую сторону – разрегулирование под разговоры о либерализации хозяйственной деятельности государства и

явное усиление политизации экономики, что нашло свое выражение, прежде всего, в коренной ломке отношений собственности и резком изменении социальной структуры общества.

В этих условиях, когда право корпораций и так называемых “естественных” монополий грабить национальное богатство было возведено в ранг

государственной политики, а расширение бюрократизации экономической жизни стало всеобщим явлением, в России разразилась эпидемия инфляции, обеспечивающая, прежде всего, нарождающуюся буржуазию. И для всех граждан вдруг открылась истина: "... в буржуазных демократиях также существуют диктатуры, диктатура капитала, денег" (Н.А.Бердяев).

Средствами установления диктатуры финансовой олигархии стали нечестная приватизация и инфляция.

Творцы либеральной экономики, сознательно сузившие диапазон идеологических концепций, которыми можно пользоваться для построения антиинфляционной стратегии до монетарной теории инфляции, никак не учитывают социально-политический аспект современного общественного развития. Тем не менее, социальный аспект инфляции имеет принципиальное теоретическое значение и огромную практическую важность для анализа конкретных инфляционных механизмов. Ведь теоретический принцип, на котором почти неизменно основывались все рекомендации монетаристов, состоял в том, что сокращение денежной массы будет вести к понижению темпов инфляции, а увеличение – к ее повышению.

Именно на этом настаивают представители монетаристской школы.

Следует отметить, что позиция, согласно которой правительственная денежная политика полностью ответственна за чрезмерное увеличение денежной массы и последовавший затем общий рост цен, обычно расценивают как монетаристскую. Но в более узком смысле слова термин "монетаристский" сегодня используют, приводя примеры несколько механистической теории денег, в соответствии с положениями которой вредоносное действие инфляции связывается, прежде всего, с обесцениванием денежной массы.

При таком подходе чрезмерно упрощена не только теоретическая сторона проблемы. Здесь обращается внимание лишь на воздействие денежной массы на общий уровень цен, а в стороне остается изменение самой структуры цен. Но именно в этом и состоит скрытое (латентное) проявление инфляции.

Приведем по этому поводу малоизвестное высказывание Дж.-М.Кейнса: "Изменение стоимости денег, которое сказывается на общем уровне цен, имеет значение постольку, поскольку оно распространяется неравномерно".

Вне поля зрения монетаристов остаются самые важные последствия инфляции: порождаемые ею социальное расслоение общества, дезорганизация распределения ресурсов, спад производства и рост безработицы. Но самый главный недостаток монетаристского подхода к объяснению инфляции состоит в том, что анализ экономики вне рамок ее социальной структуры, вне связи с рынком труда не позволяет составить правильное представление о механизме протекания инфляционных процессов и, следовательно, не способствует формированию эффективной антиинфляционной стратегии.

Односторонность консервативной догмы радикал-реформаторов проявляется при этом в их убеждении, что инфляция есть корень всех экономических зол и что борьбы за стабильность цен есть ключ к экономическому росту. При таком подходе экономическая политика сводится к одномерному процессу подавления только инфляции безотносительно потерь ВВП, связанных с этим, и ростом безработицы.

Для представителей монетарной школы мир имеет только финансовое, денежное измерение и никакого социального и тем более нравственного значения. Это – фундаментальное заб-

луждение, происходящее из фетишизации товарно-денежных отношений. И тут невольно вспоминается поучительный афоризм: “Всякая односторонность в суждениях есть пагуба мысли” (А.С.Пушкин).

Отвергая монетаристскую догму, согласно которой изменение количества денег служит основной причиной роста цен, следует понять, что изменение уровня цен скорее связано со структурными перекосами в экономике, с правительственными займами, фискальной и бюджетной политикой.

Научные исследования показали, что решающую роль в росте инфляции играет не количество денег, а положение на рынке капиталов и эффективность производства, что и подтвердил, к примеру, недавний доклад Всемирного банка (ВБ), специалисты которого считают предпринимаемые российским правительством антиинфляционные меры малоэффективными.

Об этом говорится в ежегодном докладе банка об экономике России и указывается, что темпы роста российской экономики хоть и высоки, но они уже близки к своему пределу.

Среди наиболее острых проблем, стоящих перед властями, экономисты банка называют инфляционное давление, обусловленное повышением мировых цен на продукты питания и, наряду с монетарными факторами, низкой эффективностью производства.

Меры правительства по удержанию инфляции (замораживание цен, повышение экспортных пошлин на зерно и снижение импортных на молочные продукты) способствуют ее замедлению в ближайшее время, но они ведут к искажению цен, а поэтому эффективность этих мер в среднесрочной перспективе ограничена.

Интенсивный приток капитала из-за рубежа, ожидаемый по оценке ЦБ порядка 77 млрд. долл. вместо планируемых 44 млрд. долл., в отличие от нефтяных денег Стабилизационным фон-

дом не поглощается. Это приводит к дополнительному инфляционному давлению на рубль, которое растет из-за того, что Стабфонд стерилизует все меньший объем дополнительной денежной эмиссии.

По расчетам ВБ, если в первой половине 2006 г. Стабфондом стерилизовалось 50% дополнительной денежной эмиссии, то в апреле-мае 2007 г. – всего 15%.

Как считают экономисты ВБ, проблема состоит в том, что у Банка России просто нет адекватных инструментов, чтобы стерилизовать приток иностранной валюты из-за неразвитости финансового рынка.

В такой ситуации, чтобы приостановить рост цен, денежные власти могут укреплять рубль, но это может только усилить приток спекулятивного капитала и ослабит российскую экономику.

Практика хозяйствования последних лет убедительно доказала, что инфляция более сложное явление, чем обыкновенно ее представляют наши монетаристы. Научный анализ фундаментальных источников инфляционных процессов показывает, что современная инфляция является симптомом глубоких противоречий и допущенных ошибок не только в управлении экономикой, но и во всей политической системе, и движущими силами их разрешения, согласно нашей теоретической доктрины в отличие от позиции отечественных радикал-реформаторов, является поведение людей, их социальные взаимоотношения, а не “слепые” рыночные силы и решения денежных властей.

И только с учетом этого принципиального положения инфляция может и должна стать управляемой.

Волнует отсутствие у государственных экономистов концептуально-

го понимания того, что происходит с российской инфляцией. При этом под концепцией нами подразумевается система взглядов, представляющая то или иное понимание явления или процессов.

Самое главное – проблема понимания должна предшествовать проблеме управления, а не наоборот, как это часто можно наблюдать в экономической сфере государственной деятельности.

Понимание такого сложного социально-экономического явления как инфляция должно основываться на определенных теоретических схемах и, в том числе, на математических моделях, с помощью которых можно было бы моделировать причинные связи инфляции с факторами ее обуславливающими.

И здесь важно не забывать, что предметом экономической науки является поведение человека в его отношении к материальным средствам существования. И поскольку денежный интерес монетаристами был признан равнозначным экономическому интересу, человеческая личность исчезла из экономического анализа и только во вторую очередь нашим либерал-радикалам потребовалось “социально наполнить реформы” (Каков сам термин!).

Коренным пороком экономической теории монетаристов является ее отказ признать своим подлинным предметом человеческие действия, нечто заведомо более сложное, чем пресловутое уравнение спросом и предложением. Человеческая гибкость, интеллект являются средствами усиления способности людей управлять рынком.

Приспособляемость и гибкость человеческой природы делают экономическую науку, основанную лишь на рыночных отношениях, весьма сомнительной конструкцией, так как законы рынка не способны объяснить все действия людей. Поэтому следует отверг-

нуть утверждение монетаристов, что хозяйственная экспансия всегда финансируется за счет эмиссии новых денег. Если принять во внимание значение запаздываний во времени (так называемые временные лаги), то изменения в психологических реакциях участников рынка в ответ на изменения ликвидности могут оказаться, как это уже не раз показывала практика, более важными, чем регулирование денежного обращения или банковского процента.

Например, таковы инфляционные ожидания, которые могут генерировать высокую и трудно управляемую инфляцию, что мы и могли наблюдать в последние месяцы 2007 г.

Ни для кого не секрет, что главными “бациллоносителями” высокой инфляции в РФ являются естественные монополии и в особенности РАО “ЕЭС”. Именно они и формируют у населения высокие инфляционные ожидания.

В конце ноября 2007 г. РАО “ЕЭС” сделало прогноз роста цен до 2020 г. В нем отмечается, что через 12 лет траты населения на электроэнергию могут составить существенную часть расходов.

Департамент экономической политики РАО “ЕЭС” прогнозирует рост цен на электроэнергию в среднем по России в 2,5–3 раза к 2020 г.

Главными факторами, которые повлияют на этот процесс, станут опережающие темпы роста цен на топливо, в первую очередь на газ, и масштабные инвестиционные программы. Внутренние цены на газ предполагается увеличивать более чем на 25% в г., начиная с 2008 г.

В результате уже к 2015 г. внутри страны они могут вырасти более чем в 4 раза.

И эти прогнозы никак не соотносятся с задачами повышения энерговооруженности труда, повышения его эффективности, особенно если учесть чрезмерно высокую долю трудоемких работ в промышленности и сельском хозяйстве.

Резкий всплеск инфляции в конце 2007 г. показал ее устойчивый, трудно поддающийся регулированию характер, когда инфляция подпитывается, прежде всего, низкой эффективностью производства. К тому же современная инфляция является симптомом глубоких проблем не только в экономике, но и в самой социально-политической системе страны. Россия накопила уже достаточно опыта проинфляционного развития, убедительно доказывающего, что не монетарные, а реальные процессы структурных и социальных изменений являются определяющими для динамики инфляции. Время, когда инфляцию в стране сдерживали монетарными способами, прошло

Проблемы российской инфляции уже не монетарные, это – проблемы выбора приоритетов инвестирования для ликвидации структурных перекосов в реальной экономике.

Корни инфляции глубоко лежат в социальных и политических конфликтах, а также в ошибочных решениях, принимаемых правительственными экономистами монетарного толка.

Представляет интерес в этом отношении заявление замминистра МЭРТ А.Белосуова: "... при планировании антиинфляционных мер правительство увлеклось ложными теориями инфляции", переоценив возможности монетарного регулирования.

Это не мимолетное и далеко не безобидное увлечение правительственных экономистов (продолжавшееся 15 лет) и обусловило современную эпидемию инфляции, конечным итогом которой стало обесценивание жизни основной массы россиян, ввергнутых в демографическую катастрофу.

Борьба отраслей-монополистов при распределении доходов (с помощью пересмотра тарифной системы) стала главной движущей силой российской инфляции. Практика экономической

жизни постоянно убеждает нас, что конфликтные ситуации в отношениях между различными секторами экономики неизбежно приводят к росту общей инфляции, которая прочно укоренилась и приобрела ползучий, инерционный характер, а потому с трудом поддается макроэкономическому регулированию.

Рассмотрение инфляции в социальном ракурсе неизбежно ставит вопрос о фундаментальных политэкономических механизмах инфляционных процессов.

Современная экономическая история РФ уже накопила богатый опыт проинфляционного развития, вызванного "шоковыми" воздействиями и внутренне связанного со структурными перекосами в экономике. Поэтому уже можно с достаточной степенью надежности идентифицировать конкретные механизмы инфляционных процессов.

Структурный подход к объяснению механизмов инфляции является наиболее многообещающим для формирования эффективной антиинфляционной стратегии.

Общей исходной точкой любой структурной модели инфляции является наличие в экономике широкого спектра структурных диспропорций (в том числе и социального характера) и вследствие этого разбалансировка функционирования важнейших секторов экономики, что и предполагает неадекватность их реакции на различные шоковые воздействия, ограничивает гибкость цен и в целом дает стимулы к инфляционному развитию.

Другая идея представителей структурного подхода к объяснению инфляции покоится на следующем рассуждении: сложившаяся структура (отраслевая и профессиональная) оплаты труда естественна и "справедлива". И когда в некоторых отраслях (или по определен-

ным профессиональным группам) зарплата начинает расти непропорционально по отношению к другим, то возникает инфляционное давление со стороны последних для восстановления прежней структуры оплаты труда. В результате темп инфляции возрастает.

В основе всех этих аргументов лежит предположение, что любое значительное изменение в относительных ценах или зарплатах является, как правило, проинфляционным, так как установление ценовой стабильности при этих условиях требует компенсирующего понижения некоторых цен и зарплат в определенных отраслях, чего естественно не желают осуществлять их менеджеры. В результате возникает инфляционное давление.

Наиболее свежей иллюстрацией может послужить факт утверждения Национальным банковским советом (НБС) расходов Центрального банка России (ЦБ) на содержание персонала в 2008 г. в размере 56,65 млрд. руб., что на 25% больше, чем траты ЦБ на эти же цели в 2007 г.

Такое решение, по словам членов НБС, вызвано желанием остановить отток квалифицированных кадров из Центрального банка России, который начался в последнее время, поскольку в коммерческих банках зарплата растет более высокими темпами, чем в банке.

Для справки: в 2007 г. среднемесячный доход одного сотрудника составил 60 тыс. руб., а с учетом предстоящей надбавки месячный доход среднестатистического сотрудника Центрального банка России в 2008 г. вырастет до 75 тыс. руб.

Аналитическая ценность структурного подхода к объяснению инфляции состоит и в том, что здесь явно присутствуют внутренние реальные причины разбалансировки воспроизводственного процесса.

Например, если производство сельскохозяйственной продукции неадекватно спросу на нее, и вследствие этого возникает

инфляционный процесс, то для подавления последнего необходимы, прежде всего, структурные изменения в производстве сельхозпродукции, проведение земельной реформы, инвестиции в ирригацию и т.д., а также изменения в базисных отношениях собственности.

Главный аргумент в пользу структурного подхода к объяснению инфляции заключается в том неоспоримом факте, что борьба между секторами экономики и между отдельными социальными слоями за контроль над распределением национального дохода и вообще экономических ресурсов, как и вообще борьба за контроль над инструментами денежной политики, вызывая сдвиг в ценовых пропорциях, дает мощный импульс инфляционному процессу.

В качестве первого примера механизма влияния инфляции на процесс перераспределения национального дохода следует провести так называемую *доктрину вынужденного сбережения*, согласно которой инфляционное финансирование инвестиций, особенно в условиях низких темпов экономического роста, эквивалентно вынужденному сбережению, то есть расширению капиталовложений за счет личного потребления.

Этот процесс происходит за счет резкого изменения структуры распределения национального дохода.

Сокращение потребления при этом достигается в результате инфляционного роста цен на предметы массового спроса.

Здесь принципиально важно отметить, что слишком высокий темп частного капиталистического накопления обуславливает чрезмерно высокую долю прибыли в национальном доходе и уменьшает долю рабочего класса.

В этом случае возникает так называемый "*инфляционный барьер*", то есть развивается инфляционный про-

цесс из-за того, что снижение уровня жизни побуждает рабочий класс бороться за повышение денежной зарплаты для сохранения своего привычного уровня потребления, на что капиталисты реагируют соответствующим повышением нормы прибыли в цене. В итоге раскручивается инфляционная спираль “зарплата – прибыль – зарплата”.

В результате инфляция способствует повышению благосостояния одного социального слоя за счет снижения доходов других слоев.

На возможность такого несправедливого перераспределения доходов с помощью инфляции указывал в свое время Дж.-М. Кейнс, когда писал: “Благодаря непрерывному процессу инфляции правительство может скрытно конфисковать значительную часть богатства нации”.

В основу расчетов эффективности дезинфляционной политики также положен структурный подход, так как во взаимосвязи безработицы с инфляцией наблюдается устойчивая тенденция ускоренного роста инфляции в зависимости от того, в какой мере фактическая безработица отклоняется от ее равновесного уровня, при котором инфляция остается стабильной.

Уровень безработицы, при котором инфляция стабилизируется, получил название “нормальный уровень” и он определяется условиями инфляционно сбалансированного экономического роста.

В обоснование такого подхода можно выдвинуть следующее теоретическое положение: *внутренней, структурной причиной массовой безработицы* является несовпадение распределения трудовых ресурсов с распределением спроса на продукцию и сырье.

Эти структурные рассогласования трудовых ресурсов и материальных потоков вызваны искажением системы соотношений цен и зарплаток, и они могут быть устранены лишь посред-

ством изменения этих соотношений при установлении в каждом секторе экономики цен и зарплаток, обеспечивающих равенство спроса и предложения.

Другими словами, основная причина безработицы кроется в отклонениях цен и зарплаток от их равновесных значений, которые сложились бы в условиях стабильного рынка и стабильных цен.

В практическом отношении расчеты в терминах взаимосвязи “инфляция – безработица” имеют исключительно большое значение не только для определения макроэкономических издержек роста безработицы, но и, что самое главное, для прогнозирования инфляции, включая прогнозную оценку ее воздействия на темпы экономического роста.

Другими словами, структурный подход позволяет получить количественные оценки критериев успешности или неуспешности антиинфляционной политики.

С экономософических позиций изложенный подход является подходящей концепцией для размышления об ответственности правительства РФ за проводимую монетаристскими методами макроэкономическую политику.

Однако не следует думать, что структурный подход ограничивается только приведенными примерами объяснения инфляционного процесса.

Коренной источник инфляционных процессов лежит в некотором фундаментальном дефекте социальной или экономической структуры, который можно вылечить только при наличии политической воли и только при социальной трансформации общества.

Этот дефект заключается в недемократическом распределении национального дохода. В обоснование этого можно привести следующие аргументы. До сих пор не нашла удовлетвори-

тельного объяснения устойчиво низкая доля заработной платы в ВВП, составляющая только одну треть, тогда как в экономике благополучных стран она составляет 60–70%.

Можно предположить, что причина этому – явная неадекватность экономической политики задачам повышения благосостояния основной массы населения и объясняется не столько ошибками текущей экономической политики и незавершенностью реформ, сколько глубокими макроэкономическими диспропорциями, вызванными структурными перекосами в результате приватизации и подпитываемые ползучей инфляцией и многомиллионной безработицей.

В конкретной рыночной среде, ориентированной на максимизацию прибыли, уменьшение доли труда в национальном доходе происходит через инфляционный механизм перераспределения дохода в пользу держателей капитала, что мы и имеем возможность наблюдать все пореформенный годы.

На этот счет применительно к своему времени весьма афористически высказался премьер-министр Российской Империи граф С.Ю. Витте: "...русская буржуазия имеет в избытке все то нехорошее, что дают излишества жизни, **обесценивание ценности чужого труда**" (выд. – Авт.).

Именно обесценивание посредством сознательного разжигания инфляционных процессов владельцами капитала результатов чужого труда за счет неполной его оплаты и присвоения рентных доходов от добычи сырьевых ресурсов и привели основную массу трудящихся к нищете, активным образом содействуя в последние 15 лет громадной по масштабам мирного времени депопуляции в 11 млн. чел.

Все эти процессы привели в итоге к тому, что в России в последние годы отмечается чрезмерно высокая **норма**

эксплуатации, определяемая отношением прибыли к зарплате.

Исследования российских ученых показывают, что в РФ на 1 долл. зарплате приходится в среднем 4,6 долл. ВВП, в то время как в США около 1,7 долл., то есть на один доллар зарплате российский среднестатистический работник производит в 3 раза больше конечной продукции, чем аналогичный работник в США.

Таким образом, рентабельность труда (как отношение прибыли к численности работников) в России существенно превосходит американскую, что начисто опровергает ложное утверждение наших радикал-реформаторов о том, что в России малоодоходный труд, а потому и оправданы высокий уровень безработицы и низкий уровень благосостояния населения.

На этот принципиальный факт неоднократно указывал в своих трудах выдающийся отечественный экономист академик Д.С.Львов: "...главной диспропорцией, сдерживающей экономический рост и подпитывающей инфляцию, является недопустимо низкая зарплата наших наемных работников. Низкая не вообще, а по отношению к нашей невысокой, в сравнении с ведущими западными странами, производительностью труда.

Наше относительное отставание от западных стран составляет от 2,2 до 3,7 раза. Вот примерно в каких величинах может измеряться дополнительная эксплуатация наших трудящихся"¹.

Свой анализ академик Д.С.Львов заключает принципиальным выводом о том, что **"разрыв между производительностью труда и его оплатой есть главная, подпитывающая инфляцию и безработицу, макроэкономическая диспропорция, ставшая основным фактором роста нищеты в России"**.

Российское общество только сейчас приходит к осознанию того, что глубинные социальные и политические силы играют решающую роль в воз-

никновении и распространении инфляционных процессов, что в основе инфляции лежат структурные изменения и движущей силой инфляционного роста цен являются социальные конфликты, связанные с межклассовым распределением доходов и властных полномочий.

Именно поэтому управление распределительными конфликтами как между капиталом и трудом, так и между отдельными отраслями в настоящее время должно стать одной из главных целей антиинфляционной стратегии.

Сейчас мало кто знает, что эту главную экономическую задачу наших дней удивительно четко поставил в своей фантастической повести знаменитый российский ученый Чаянов А.В.

Из далеких 20-х годов прошлого столетия, прогнозируя экономические отношения в 80-х годах, он писал: "Восстанавливая частно-хозяйственную стимуляцию, мы должны были считаться с неравномерным распределением народного дохода.

Проблема демократизации народного дохода (выд. – Авт.) всегда стояла перед нами.

Мы в первую очередь обратились к ослаблению доли, падающей на нетрудовые доходы.

Главнейшие мероприятия в этой области – рентные налоги в земледелии, уничтожение акционерных предприятий и частного кредитного посредничества"².

Трудно не согласиться, что это исключительно точная характеристика самых жгучих проблем и нашего времени.

Практическое значение рассмотренной социально-политической концепции инфляции, в основу которой положен структурный подход, состоит не только в том, что она позволяет получить макроэкономическую оценку результатов проведения антиинфляционной стратегии.

Но, самое главное и не менее важное – обосновать немонетарные методы борьбы с ростом цен, делая упор на демократическое перераспределение национального дохода при одновременном установлении социально приемлемого уровня безработицы.

И в этом смысле избранный подход следует в русле интеллектуальной традиции русской философской мысли – связывать общее, суммарное значение конкретного явления (в данном случае, инфляции) с более широкой идеей социального переустройства общества.

Однако, когда в обществе отсутствует достаточная степень "социальной дисциплины", такой подход практически трудно осуществить и возникает необходимость прямого вмешательства государства в распределение доходов – обычно называемого "политикой доходов".

Наряду с политикой содействия конкуренции для ограничения рыночной власти крупных корпораций есть другой путь к ограничению инфляции, который заключается в том, что делается попытка изменить поведение монополистов на рынке труда и продуктов таким образом, чтобы их решение об уровне зарплаты и уровне цен было адекватными двуединой задаче достижения высокой занятости и стабильного уровня цен.

Политика доходов проектируется для того, чтобы быстро и скоординировано погасить резкий всплеск инфляции как явления, перманентно угрожающего стабильности экономики.

Политика доходов, по своей сути, может играть значительную роль только в ситуациях слабого конкурентного давления, которое позволяет фирмам и группам предпринимателей негласно поделить рынок на сферы влияния и увеличивать свои цены выше их конку-

рентного уровня, что получило в литературе *название олигополии**.

Принципиально важно заметить, что политикой доходов решаются задачи, которые не охватываются фискальной политикой, занимающейся взиманием налогов с уже реально полученных доходов, в то время как политика доходов нацелена на ограничение доходов рамками правил установления зарплат и цен, при условии следования которым конечным результатом будет рост производительности труда и, соответственно, национального дохода, а не рост цен. Политика доходов может проводиться в различных формах и на разных уровнях управления экономикой³.

В экономической истории осталось много ярких примеров практического применения политики доходов.

К их числу относится период 1971–1974 гг., когда в США администрацией президента Р.Никсона были введены ограничения на рост цен и зарплаты в связи с “нефтяными шоками”.

В качестве наиболее удачной по своим результатам следует признать проводимую в Англии в середине 70-х годов политику доходов, когда в этот период произошел громадный рост цен на нефть, а зарплаты рабочих благодаря политике доходов были защищены от инфляции.

Однако этот поучительный опыт применения политики доходов как тактического средства антиинфляционной стратегии не попал в поле зрения наших правительственных экономистов наверно из-за их монетаристской зашоренности. Есть и другое объяснение этому. По мнению некоторых видных экономистов, **политика доходов – это искусство практического управления**

реальной экономикой, которое не укладывается в привычные рамки мышления денежных властей.

Эффективность политики доходов необходимо оценивать по критерию, отражающему основную цель ее проведения: **политика доходов должна противодействовать инфляционному способу распределения доходов, чтобы повышение зарплаты и рост прибыли не превышали того предела, который определяется ростом производительности труда.**

Критериальный характер этого показателя формируется следующим образом: если повышение зарплаты и прибыли продолжается далеко за пределами того, что позволяет производительность труда, то это может происходить только благодаря инфляционному повышению цен. В этих условиях получения повышенных, но фиктивных доходов реальный потенциал экономики будет снижаться, если не противодействовать инфляционному способу распределения доходов.

До сих пор значение фактора производительности труда в проведении антиинфляционной стратегии не рассматривалось ни в одной из правительственных программ, хотя, по всей видимости, это одна из причин, приведших в настоящее время к неуправляемости инфляции. И речь здесь должна идти о “цене”, которую надо заплатить за снижение темпов инфляции и которая материализуется в повышении уровня безработицы и соответственно снижении потенциальных темпов экономического роста.

Политика сокращения инфляции посредством резкого снижения занятости является мучительным и дорого-

* Господство в отрасли нескольких фирм называется олигополией. Условие олигополии – большое число находящихся во всеобщей взаимозависимости фирм благоприятствует тайному и негласному сговору о том, чтобы зафиксировать цены и разделить рынки.

стоящим процессом. И не только потому, что инфляция в этом случае снижается медленно по сравнению с темпами роста безработицы, но, главным образом потому, что решающую роль в антиинфляционном процессе играют факторы повышения деловой активности и роста производительности труда. При разработке антиинфляционной стратегии и самых методов немонетарного управления инфляцией необходимо учитывать, что подавление инфляции за счет роста безработицы сопряжено с исключительно большими издержками.

Например, по оценкам известного ученого А.Оекэна, экономического советника президента США, такое направление антиинфляционной политики в 70-х годах для США оборачивалось издержками в среднем от 6 до 18% валового национального продукта.

Поэтому стратегия управления должна ориентироваться не на рост безработицы, а на рост эффективности за счет сокращения издержек производства. И должна быть направлена, прежде всего, на то, чтобы разорвать инфляционную спираль “зарплата – цена – зарплата” за счет ограничения реального роста заработной платы рамками возможного роста производительности труда.

К сожалению, при поиске эффективных инструментов антиинфляционной политики в настоящее время акцент делается на финансовые рычаги в ущерб такому показателю эффективности как производительность труда, определяющего, как мы отмечали выше, главную макроэкономическую диспропорцию современного хозяйственного устройства России. И в тоже время производительность труда является важнейшим, если не сказать, главным управляющим параметром антиинфляционной стратегии.

Чтобы наглядно представить масштаб влияния инфляции на произво-

дительность труда, сошлемся на научные исследования, подтвердившие характерную для последних десятилетий устойчивую положительную корреляцию между ростом инфляции и снижением темпов роста производительности труда.

При этом каждый процент повышения инфляции, например, для США, в среднем сопровождался сокращением темпов роста производительности труда на 0,2–0,3%.

В обоснование правильности такой зависимости между инфляцией и снижением производительности труда можно привести ряд доводов.

Во-первых, повышение темпов инфляции увеличивает изменения в соотношениях цен и резко сокращает способность всей системы цен передавать информацию о реальном росте эффективности, что дезорганизует хозяйственную систему и приводит в итоге к снижению производительности труда.

Во-вторых, рост цен на сырье и энергию, как правило, инициирует значительное падение темпов роста производительности за счет применения более трудоинтенсивных технологий.

В-третьих, инфляция в ряде случаев вызывает заниженные оценки реального выпуска продукции, создавая тем самым возможность фиктивного снижения производительности труда.

В-четвертых, инфляция искажает реальный размер амортизационных отчислений и завышает реальные оценки капитального имущества, что в свою очередь, замедляет рост фондовооруженности труда и в итоге отрицательно сказывается на росте производительности труда.

В дополнение к сказанному следует отметить, что корреляция между производительностью и уровнем цен может иметь и обратную направленность, когда в результате уменьшения темпов

роста производительности растут удельные издержки труда вследствие, например, политики поддержания роста реальной заработной платы, что, в конечном счете, и усиливает инфляционное давление издержек на цены.

Именно поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что снижение темпов роста производительности труда есть одна из главных причин инфляции.

Инфляция и падение темпов роста производительности при этом взаимно усиливают друг друга, обуславливая устойчивый характер российской инфляции. По мере того как рост производительности замедляется, рабочие уже не могут требовать прежнего повышения зарплаты без того, чтобы не вызвать инфляционного роста цен. С другой стороны, ожидание постоянного инфляционного давления сдерживает вложение новых инвестиций в производство, что в итоге сказывается на замедлении роста производительности труда.

Всемирный банк считает предпринимаемые российским правительством антиинфляционные меры малоэффективными. Об этом говорится в ежегодном докладе банка об экономике России (декабрь 2007 г.). Подчеркивается, что в 2008 г. борьба с инфляцией будет даже более тяжелой, чем в 2007 г. Она будет «макроэкономическим вызовом № 1, на котором важно сосредоточиться».

В условиях ограниченного набора инструментов стерилизации денежной массы экономисты ВБ предлагают перейти к более быстрому укреплению номинального курса рубля. Риски, связанные с этим, и негативный эффект от укрепления рубля специалисты банка предлагают компенсировать повышением собственной эффективности, измеряемой именно ростом производительности труда.

В целом, наиболее важным практическим приложением изложенного подхода является вывод о том, что *снижение темпов роста производительности труда* может явиться *причиной ускоренного роста инфляции*, тогда как устойчивый рост производительности в силу мультипликативного способа его воздействия на инфляцию может резко сократить всплески инфляции и выступать в роли инструмента антиинфляционной политики.

Практический интерес представляет вопрос о возможности применения этого теоретического положения для отдельных предприятий и корпораций. В этом случае регулирующие воздействия со стороны руководства фирмы могут быть направлены на компенсацию инфляционного давления издержек ростом производительности, измеряемой при помощи индексов совокупной факторной производительности, которые определяются в виде разности между темпом роста продукции и суммой темпов роста основных видов ресурсов, взвешенных по долям их затрат в стоимости продукции.

Для оценки эффективности управления инфляционным процессом при этом будет представлять большой интерес вычисление той пропорции общего инфляционного давления издержек на рост цен продукции, которая компенсируется ростом производительности.

Это соотношение может стать в ближайшем будущем практически используемым критерием оценки успешности применения антиинфляционных мер.

Сэкономософических позиций изложенный подход может послужить подходящей концепцией для размышления об ответственности правительства РФ за проводимую макроэкономическую политику и изменение социальной структуры общества.

В основу правительственных программ по снижению инфляции положена ее монетаристская концепция, которая не только оказалась неадекватной экономической ситуации в стране, но и привела к грубейшим ошибкам при составлении прогнозных оценок инфляции. Причем эти ошибки систематически воспроизводились правительственными экономистами на протяжении всех 15 лет их реформаторской деятельности. Особо следует отметить, что прогнозные оценки снижения темпов инфляции оказались не только невыполненными, но и откровенно провальными. В отдельных случаях расхождения между фактом и прогнозом достигают 2–3 раза. И что самое интересное – до сих пор со стороны правительственных экономистов не было дано никаких объяснений причин таких громадных расхождений.

Сейчас мало кто вспоминает, что 10 лет тому назад в среднесрочной правительственной программе на 1997–2000 гг. планировалось снизить темпы инфляции к концу 2000 г. до 6%. В реальности к концу 2000 г. инфляция составила 20,2%, то есть налицо трехкратное расхождение с прогнозом правительственных чиновников. (Заметим, что подобные ошибки в расчетах Госплана СССР были просто немыслимы, хотя они и велись на более длительный период – 5 лет).

С точки зрения статистической науки такие громадные расхождения указывают на наличие систематической логической ошибки в расчетах, построенных на неправильном понимании природы российской инфляции.

В подготовленной МЭРТ программе социально-экономического развития на 2003–2005 гг., которую тогда в правительственных кругах называли “черновиком предвыборной программы президента”, несмотря на уроки сравнительно недавней экономической

истории, опять была поставлена задача дезинфляции, а именно: резкое двукратное снижение инфляции к 2005 г. до 6–8%, а к 2007 г. – до 4% при одновременном снижении безработицы до 7–8% от экономически активного населения и практически стабильных темпах роста ВВП.

Заметим, что к концу 2007 г. по самым оптимистическим оценкам фактическая инфляция ожидается в интервале 11–12%.

Проведенный анализ после публикации этого прогноза вызывает принципиальное сомнение относительно реальности правительственных установок на снижение темпов инфляции.

Почему, на наш взгляд, не могла быть так резко снижена инфляция?

В опубликованном в то время аналитическом исследовании особо выделались следующие аргументы.

Во-первых, и это главное, в программе на эти годы был заложен стабильный, приближающийся к его нормальному уровню показатель безработицы.

В этих условиях, согласно нашей теоретической концепции, инфляция вынуждена будет стремиться к своему равновесному, стабильному уровню и все попытки резкого ее торможения (снижению в 2 раза в течение двух лет) чреваты падением деловой активности и, как следствие, – ростом безработицы, чего вообще и не предусматривала эта правительственная программа.

Во-вторых, прогнозируемое снижение инфляции не оправдывалось значительным повышением темпов роста производительности труда, что является наипервейшим условием успешной борьбы с инфляцией.

То, что руководство экономического крыла правительства не поставило перед собой принципиального вопроса: какова реальная “цена” многолетней так называемой “борьбы” с инфляцией, объясняется не только индифферентно-

стью правительственных чиновников, но и тем, что их антиинфляционная доктрина, являясь, по сути, монетаристской, основывается на упрощенном подходе – будто инфляцию можно “обуздать” посредством кредитно-денежной политики безотносительно экономических издержек и социальных издержек, связанных с дезинфляцией.

Однако помимо объективных факторов устойчивости и неуправляемости инфляции, есть и менее заметные, глубоко скрытые (латентные) причины субъективного порядка, объясняющие “неподатливость” инфляции регулированию монетаристскими методами.

По своему происхождению и по своим результатам инфляция является феноменом социальным и политическим не менее, чем экономическим. А потому объяснять современную инфляцию только чисто финансовыми факторами неправомерно.

Инфляция должна быть понята как проявление в латентной форме конфликтов между различными слоями, между разными финансовыми группировками, в том числе олигархического типа, в процессе распределения национального дохода посредством инструментов кредитно-денежной политики.

Инфляция является симптомом глубоких противоречий не только в экономике, но и во всей политической системе, и движущими силами их разрешения, согласно нашей теоретической доктрине, в отличие от монетаристской позиции отечественных радикал-реформаторов являются поведение людей, их социальные взаимоотношения, а не “слепые” рыночные силы. Это означает, что в центре внимания должны находиться субъекты рынка, а не деньги.

Как заметил один видный экономист (Т.Веблен): “Не деньги совершают покупки, а люди, которые используют при этом деньги и кредит”.

Но есть и другая, помимо принятой радикал-реформаторами на вооружение монетаристской концепции инфляции, причина громадных ошибок в прогнозировании инфляции.

Общеизвестно, что инфляция вызывает перераспределение личных доходов от тех людей, которые получают относительно фиксированные доходы, к лицам, живущим на нефиксированные доходы (например, акционеры, биржевые спекулянты), которые могут выигрывать от повышения инфляции. Номинальные доходы этих людей могут обогнать уровень цен или рост стоимости жизни, в результате чего их реальные доходы увеличатся. Также выигрыш от инфляции могут получать управляющие фирм и другие получатели прибыли, если цены на готовую продукцию будут расти быстрее, чем цены на ресурсы.

С другой стороны, инфляция сокращает покупательную способность пенсий и выплат по социальному обеспечению, а также ухудшает положение землевладельцев и сельхозпроизводителей, получающих фиксированную ренту. Общеизвестно, что владельцы сбережений проигрывают от инфляции, так как стоимость сбережений будет падать, если уровень инфляции превысит процентную ставку.

В целом можно сделать вывод, что инфляция произвольно “облагает налогом” тех, кто получает относительно фиксированные денежные доходы и “субсидирует” тех, чьи денежные доходы непрерывно растут.

Именно по этой причине биржевики и владельцы больших состояний заинтересованы в инфляции как таковой.

Но самую большую (на макроэкономическом уровне) выгоду от инфляции, как это не парадоксально, получает правительство, поскольку номинальный национальный доход, а следова-

тельно, и налоговые сборы растут при непрерывной инфляции, а размеры же государственного долга не увеличиваются. Это означает, что инфляция облегчает правительству реальное бремя госдолга.

При том, что инфляция приносит такую выгоду правительству, некоторые экономисты прямо и недвусмысленно задаются вопросом: может ли общество рассчитывать на искренность намерений правительства “придавить” инфляцию?

На подобную “заинтересованность” правительственных экономистов в сокращении инфляции в свое время указывал еще и Дж.-М-Кейнс: “Правительство может жить долгое время за счет печатания бумажных денег. И оно может, благодаря

этому, получить в свое распоряжение реальные ресурсы просто так, как будто бы они получены с помощью налогообложения. Метод осуждаемый, но его эффективность следует признать”.

Кстати сказать, об этом же открыто говорили и наши правительственные экономисты, имевшие смелость утверждать в 2002 г., что “инфляция остается под контролем и ее сохранение на нынешнем уровне и даже некоторое повышение может оказаться выгодным для правительства, то есть поможет решить некоторые планово-бюджетные проблемы”.

Нам нечего добавить к этим открытиям чиновников из Рабочего центра экономических реформ при правительстве РФ*.

Таким образом, необходимо указать на более глубокие причины социальных последствий роста инфляции в стране.

Негативные результаты либеральных реформ в нашей стране были заранее предопределены отсутствием у реформаторов не только национально-патриотического самосознания, глубоких либеральных идеологий, которые получали бы моральный авторитет и вдохновляли. “Главная беда России, – как писал Н.А.Бердяев, – не в недостатке левости, а в плохой общественной клетке, в недостатке настоящих людей, которых история могла бы призвать для реального, подлинного радикального преобразования”. И как перекликается эта мысль с оценкой российских либералов, данной нашим великим поэтом-философом Ф.И.Тютчевым:

*Напрасный труд – нет, их не вразумишь.
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш
Но недоступна им ее идея.*

Примечания

¹ Львов Д.С. Миссия России (гражданский манифест). М., 2006.

² Чаянов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. М., 1989.

³ Львов Д., Чернов Ю. Стратегические направления политики доходов // Обозреватель–Observer. 2001. № 12.

* Б. Шоу в схожей ситуации рекомендовал следующее: “Нам приходится выбирать между доверием к стабильности золота и доверием к честности и интеллекту членов правительства. При всем уважении к указанным джентльменам, я советую вам, пока существует капиталистическая система, предпочесть золото”.

Украинские сепаратисты и спекуляции на истории

Владимир Галицкий,

доктор юридических наук, профессор,
действительный член Академии военных наук

В своем послании президенту Виктору Ющенко Президент России В.В.Путин обратил внимание украинского коллеги на то, что в последнее время между Украиной и Россией возникли существенные разногласия в гуманитарной области. “Речь идет прежде всего, как подчеркнул В.Путин, о своеобразной трактовке украинской стороной событий нашей общей истории, героизации сотрудничавших с нацистами военных преступников, связанной в ряде регионов Украины «войне» с историческими памятниками и захоронениями советских воинов-освободителей...”

Публикуемая ниже статья призвана показать правду о создании, месте и роли украинской дивизии “СС-Галиция” в деле защиты “самостийности” Украины.

От редакции

Опыт развала Советского Союза с его главной идеологической основой “дружбой народов” со всей очевидностью показал вред сокрытия исторической правды. К сожалению, до сих пор в современной России продолжают хранить секреты прошлых времен. А вот на Украине это делать не собираются и используют их для опорочения прошлых отношений между Россией и Украиной. Это относится, например, к проблеме “голодомора”, роли и месте Украинской повстанческой армии (УПА) и Организации украинских националистов (ОУН) в приобретении Украиной самостоятельности и т.п.

Соккрытие исторической правды в России лишает российских историков аргументов против очернителей и фальсификаторов нашей совместной истории, истории народов Советского Союза вообще и отношений с Украиной, в частности.

Соккрытие информации порождает незнание, а незнание – ведет к скрытому и открытому обману. Это касается в первую очередь участия представителей многих народов Советского Союза и, прежде всего, части украинского населения Западной Украины в войне на стороне фашистской Германии против собственной Родины.

За последнее время на Украине происходит переосмысление собственной истории, особенно того периода, когда она находилась в составе Советского Союза.

Дело это полезное, если не искажается правда. К сожалению, часто получается наоборот. Это касается, прежде всего, освещения истории украинского сепаратизма, роли его идеологов, вдохновителей и реализаторов этих идей при построении самостийной Украины.

Да, территория Украины многие века была разделена между Австро-Венгрией, Германией и Польшей. После добровольного вхождения в состав России по инициативе Богдана Хмельницкого и его сторонников часть так называемой казацкой Украины была подвержена ассимиляции в составе государства Российского, но это не был геноцид населения. В то же время нельзя забывать, что когда Украина была под Польшей, то ее огнем и мечом обращали в католическую веру, принуждали пользоваться только польским языком и т.д.

Однако вопреки историческим фактам, прошлые и нынешние украинские националисты, историки и публицисты, вина за парабощение западных украинцев возлагается на Россию и русских, а не на указанные выше государства. Наиболее активно и остро данные вопросы будируются на Западной Украине, которая как раз и была поработана Австро-Венгоией, Германией и Польшей, а не Советским Союзом (на Украине его отождествляют почему-то с Россией). При этом в вопросе защиты “самостийности” Украины возвеличивается роль, прежде всего, таких сепаратистских организаций как ОУН и ее вооруженных формирований: УПА, “СС-Галиция” и др. Указанные украинские националистические организации так и не решили свою историческую задачу – освобождения Западной Украины от Австро-Венгрии и Польши, хотя их роль и значение превозносится до небес.

Да, Советский Союз в сентябре 1939 г. принес Западной Украине освобождение от Австрии, Венгрии и Польши, создание единого Украинского государства, хотя и сопровождалось репрессиями против части населения. Это, безусловно, факт. Однако забывается, умалчивается то, что в результате событий осени 1939 г. Украина впервые за все свою тысячелетнюю историю стала самостоятельным государством в современных ее границах. И только благодаря Советскому Союзу, Западная Украина воссоединилась с Восточной.

После создания ООН Украина благодаря Советскому Союзу стала членом этой международной организации.

В то же время следует заметить, что РСФСР (нынешняя Российская Федерация) в тот период в ООН не входила. Таким образом, Украина в составе СССР имела в международном плане значительно больший статус, чем РСФСР. Из всех республик СССР такой статус был только у Белоруссии.

Так о каком ущемлении независимости, самостийности идет речь?

На этом фоне 14.10.2007 г., в соответствии с указом президента Украины Ющенко, Украина отметила 65-ю годовщину образования Украинской повстанческой армии (УПА), а одному из лидеров УПА Роману Шухевичу, посмертно присваивается звание Героя Украины, государственные награды (ордена князя Ярослава Мудрого, княгини Ольги и Богдана Хмельницкого) вручаются почти 40 участникам “национально-освободительного движения”.

А каких торжеств следует ожидать, когда в 2008 г. исполнится 65 лет со дня создания в составе немецко-фашистской армии украинской дивизии “СС-Галиция” или как часто ее называют “СС-Галичина”, памятники солдатам которой уже поставлены в Львове? Ведь эта дивизия давно считается “защитницей самостийности Украины”.

Экскурс в историю

В отношении дивизии “СС-Галиция” ходит много споров как среди историков, так и среди публицистов (особенно на Западной Украине), поэтому мы попытаемся изложить ее историю как через исторические факты, так и “устаи” ее бывших создателей и участников.

После начала Великой Отечественной войны украинские националисты, сотрудничавшие с фашистской Германией еще до Второй мировой войны, решили воспользоваться возможностью “освободить Украину от большевиков и москалей”. Поэтому не случайно, что вместе с германскими войсками на Украину пришли и четыре походные боевые группы ОУН:

1-я северная группа (командир Р.Шухевич), сформированная в районе г. Холм (Польша), шла в авангарде немецко-фашистских войск в направлении: Ковель – Луцк – Здолбуново – Житомир – Киев – Полтава – Харьков;

2-я северная группа, сформированная в районе Перемышля, двигалась в направлении: Львов – Тернополь – Проскуров – Винница – Казатин – Фастов – Киев. Предусматривалось, что после выполнения стоящих перед ней задач эта группа ОУН направит часть своих кадров в Донбасс, на Дон и в Краснодарский край;

3-я южная группа, сформированная в районе г. Санок (Польша), действовала в направлении Дрогобыч – Стрый – Львов – Тернополь – Винница – Кировоград – Кривой Рог – Днепрпетровск – Николаев;

4-я южная группа (командир Рико-Ярый), сформированная в основном из участников ОУН, обучавшихся в венских и пражских учебных заведениях, именовалась легион “Роланд” и включала около 200 чел. Маршрут ее движения начинался на территории Румы-

нии. Часть участников этой группы составила впоследствии ядро краевого “провода” ОУН “Транснистрия”, а другая – была проводниками и переводчиками в немецких и румынских воинских частях.

Группы Шухевича и Рико-Ярого принимали участие в боях против Красной Армии, а затем использовались в карательных операциях против мирного населения на оккупированной советской территории.

В июне 1941 г., когда все эти группы вступили на Украину, украинскими сепаратистами из “проводов” (штабов) этих групп были созданы на территории Украины краевые “проводы” ОУН (“осередних”, восточных, южных украинских земель и “Транснистрия”), а из “роев” – областные, окружные, районные звенья ОУН. Одновременно с созданием вооруженных формирований бандеровцы активно насаждали на оккупированной территории свои подпольные антисоветские организации не только в западных, но и в восточных областях Украины.

В частности, на территории восточных областей Украины бандеровцам удалось создать киевский и днепрпетровский краевые “проводы”, 14 областных и 30 окружных “проводов”, а также сеть низовых организаций, в которые вовлекались предатели украинского народа, уголовные и обработанные в националистическом духе элементы.

Вооруженные группы под названием УПА впервые появились в 1942 г.

Так, Тарас Боровец называл свои банды бывшей “Полесской сечи”, перешедшие по тактическим соображениям на нелегальное положение. Позже остатки этих групп Боровец переименовал в “Украинскую народно-революционную армию” (УНРА). И УПА Боровца, и его УНРА выступали под видом

патриотических сил, борющихся с оккупантами. В действительности же они выполняли задания по борьбе с советскими партизанами, устраивали погромы, грабежи, истребляли советских активистов.

Вооруженные группы пытались создавать и мельниковцы, но эти группы не сыграли заметной роли в событиях того времени.

С конца 1942 г. на Волыни, а затем в других западных областях Украины отряды УПА начали создавать и бандеровцы.

УПА комплектовалась как на добровольных началах, так и за счет насильственной мобилизации украинской молодежи. Основными методами вербовки в УПА были обман и угрозы. За основу идейно-психологической обработки украинской молодежи брали благородную идею борьбы за самостоятельность Украины, за освобождение народа от оккупантов, часто не давая разъяснений от каких.

Во главе УПА стояли "главное командование" и его "штаб".

Командующим УПА вначале был Клячковский (кличка "Клим Савур"), а затем член центрального "провода" ОУН бандеровец Шухевич.

УПА, как и ОУН, была разделена на четыре группы: северную, южную, восточную и западную.

Во главе каждой группы стояли "командующий" и его "штаб". Группы разбивались на полки, "курени" (батальоны), "сотни" (роты), "четы" (взводы) и "рои" (отделения).

На вооружении УПА имелись винтовки, автоматы, станковые и ручные пулеметы, минометы, пушки и другая боевая техника.

Следует напомнить, что на март-апрель 1945 г. ОУН и УПА имели почти 100 тыс. вооруженных членов.

Таким образом, на Украине ОУН имела достаточно стройную подпольную и полуподпольную вооруженную

организацию, которая могла бы быть мощной силой в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Однако ОУН заняла противоположную позицию.

Украинские националисты, объявляя себя в пропагандистских целях врагами фашистских захватчиков, создавали вооруженные отряды якобы для борьбы с оккупантами. На деле же эти отряды часто использовались в активной вооруженной борьбе против советских партизан и Красной Армии, терроризировали и грабили местное население, убивали мирных жителей, оказывали всяческую помощь оккупантам.

Арестованный советскими органами госбезопасности член центрального "провода" ОУН Степаняк на следствии показал: "...Проводившаяся ОУН антинемецкая пропаганда была рассчитана не на поднятие масс на борьбу против немцев, а на завоевание на этой почве масс украинского народа для борьбы против Советского Союза... Я лично могу полагать, что немцы имели в центральном "проводе" свою агентуру и, возможно, это являлось причиной, что центральный "провод" не проводил в жизнь своих же "антинемецких" решений... Позже, в 1943 г., были официальные приказы по УПА, запрещавшие нарушать немецкие коммуникации и уничтожать склады оружия и продовольствия, а также нападать на немецкие соединения даже в том случае, когда они обессилены и отступают с фронта...".

ЦК Коммунистической партии и Правительство Украинской ССР, разоблачая эти методы, в одном из своих воззваний к населению оккупированной Украины в 1943 г. писали: "...Немцы и их слуги – украинско-немецкие националисты хотят обмануть, сдержать борьбу украинского народа со своим заклятым врагом – немецкими захватчиками, создавая лжепартизанские отряды. Украинско-немецкие националисты делают это для того, чтобы украинцы, которые горят ненавистью к немецким захватчикам, не пошли в настоящие советские партизанские отряды, которые действительно ведут борьбу

бу с немецкими, итальянскими и венгерскими оккупантами”¹.

Параллельно с формированием УПА оуновцы не переставали убеждать немецко-фашистское руководство в необходимости создания украинских воинских частей в составе вооруженных сил Германии. Однако до 1943 г. украинские националисты такого разрешения не получили.

Разгром германской военной группировки на Волге в конце 1942 г. и начале 1943 г. стал переломным моментом в Великой Отечественной войне. Немецкое военное командование вынуждено было прибегнуть к тотальной мобилизации. В этих условиях украинские националисты пообещали фашистам выставить миллионную армию.

В распоряжении органов государственной безопасности имеется письмо оуновского руководителя Мельника гитлеровскому фельдмаршалу Кейтелю, написанное в Берлине 6 февраля 1943 г., то есть через

несколько дней после завершения Красной Армией операции по ликвидации волжской группировки германских войск.

В этом письме Мельник просил германские военные власти разрешить мельниковцам приступить к созданию “Украинской национальной армии”. Мельник при этом напоминал, что украинские националисты в период Гражданской войны вместе со старой германской армией боролись против большевиков. Он обращал внимание Кейтеля и Гитлера на то, что “русские части”, сформированные гитлеровцами из военнопленных, ненадежны и борются против Красной Армии не будут. Заверяя Гитлера в верности и готовности до конца бороться против Советской власти, Мельник просил поручить ему создание “Украинской национальной армии”.

Сложившаяся военно-политическая обстановка на советско-германском фронте вынудила немецко-фашистские военные власти дать согласие на формирование войсковых частей из украинских националистов.

История формирования дивизии “СС-Галиция”

Учитывая, что оуновцы всех мастей не пользовались полным доверием у немецко-фашистского руководства*, их желание сформировать украинскую армию лоббировалось высшими руководителями украинской униатской церкви епископами Шептицким и Слепым.

Епископ Слепой, лично знавший Гимлера и других высших руководителей

Германии, неоднократно ездил в Берлин с целью добиться разрешения на формирование украинской армии. Такое разрешение было получено.

В начале марта 1943 г. руководитель так называемого Украинского центрального комитета (УЦК) профессор Краковского университета В.Кубиевич приехал вместе с немцами во Львов и обратился к губернатору Галиции О.Вехтеру с просьбой

* В интересах исторической справедливости необходимо отметить, что ОУН не была однородной по своему социальному и идеологическому составу. Хотя всех их объединяло желание построить независимую, самостоятельную Украину, однако методы и пути достижения этой цели были разные: Часть стремилась достичь самостоятельности только своими силами, а другая предлагала использовать возможности (любые) государств, которые были враждебны России, то есть Австрии, Венгрии и Польши.

Однако обе части оуновцев считали Россию самым непримиримым врагом. Поэтому попытки представителей советской Украины в феврале-марте 1945 г. договориться с руководством ОУН и УПА о добровольной сдаче и переходе на сторону Красной Армии для участия в разгроме немецко-фашистской Германии не привели к положительному результату. ОУН и УПА выдвинули невыполнимое требование: ликвидации коммунистической партии на Украине и допуск к власти (долевое участие) представителей ОУН и УПА.

разрешить формирование украинской армии на территории Галиции из представителей украинских националистов.

Кубиевич и ранее обращался к немцам, но до конца 1942 г. – начала 1943 г. немцы в этом отказывали не только ему, но и националистам других стран.

Когда же немецко-фашистское руководство убедилось, что не сможет победить Красную Армию, то оно разрешило формирование воинских частей из антисоветских элементов в Норвегии, Прибалтике и других странах Европы, а предателю генералу Власову поручило создание РОА (так называемой Российской Освободительной армии).

Опираясь на этот факт Кубиевич снова обратился к Вехтеру с предложением о создании украинской армии.

Вехтер, имея уже устное согласие Гиммлера, разрешил приступить к пропагандистской работе по привлечению добровольцев в эту армию. В марте-апреле 1943 г. Гиммлер поручил генералу войск СС Бергеру решить все организационные и иные вопросы по формированию украинской национальной армии. Немцы и Кубиевич преследовали при этом две цели:

1. Дать немецкой армии пополнение за счет украинского народа;

2. Отвлечь украинских националистов (формирования УПА и др.) от возможной подпольной борьбы против немцев.

При этом Кубиевич надеялся, что создаст себе рекламу и авторитет среди других украинских националистических организаций, которые после этого объединятся вокруг него и УЦК. После получения разрешения на формирование в начале не украинской националь-

ной армии, а дивизии “СС-Галиция” Кубиевич обратился к руководителям всех националистических течений, в том числе мельниковцам и бандеровцам, с предложением принять участие в ее формировании.

В конце апреля 1943 г. была создана “Войсковая управа” (на украинском языке – “Військова управа”), которая занималась пропагандой идеи создания украинских войсковых частей в составе немецкой армии и вербовкой в них добровольцев. Бандеровцы официального участия в работе Кубиевича не приняли. Мельниковцы, наоборот, приняли активное участие и даже на первом заседании “Войсковой управы” (28.04.1943 г.) присутствовал их официальный представитель Роман Сушко.

Практически официальное формирование украинских войсковых частей в составе вооруженных сил Германии началось с приема (28.04.1943 г.), организованного губернатором Галиции О.Вехтером совместно с УЦК, на который было приглашено около 150 чел., представлявших разные слои украинского населения Галиции. На этом приеме было официально объявлено, что немцы разрешили формировать украинские воинские части и что для руководства этой работой создается “Войсковая управа” во главе с Бизанцом А.И.*. На этом заседании Кубиевич зачитал список из 13 человек – членов “Войсковой управы” и просил Вехтера утвердить представленные им соображения по ее персональному составу. Утвержденная “Войсковая управа” состояла из представителей разных слоев украинского населения и украинских националистических течений.

* Бизанц Альфред Иванович, 1890 г.р., уроженец г. Перемышля, немец австрийского происхождения, бывший полковник Украинской галицийской армии (УГА). С 1939 г. сотрудник “Абверштелле-Краков”. Арестован 09.03. 1946 г. опергруппой “Смерш” в Вене и по ст. 58-4 УК РСФСР осужден Военным Трибуналом войск МВД Киевской области 18-19.07.1947 г. на 25 лет.

После официальной части в соборе Святого Юра было проведено торжественное богослужение, на котором присутствовали все приглашенные на прием во главе с Вехтером.

Торжественное молебствие отслужил епископ Слепой совместно с представителями Станиславского, Перемышленского и других епископов. Епископ Шептицкий в богослужении не участвовал из-за своей болезни.

От церкви с речью к собравшимся выступил доктор теологии Василий Лаба, ставший впоследствии главным каноником и имевший чин майора-священника в дивизии “СС-Галиция”.

В своем обращении на украинском и немецком языках Василий Лаба поблагодарил “Фюрера Великой Германии” за предоставление “возможности создать стрелковую дивизию” и тем самым возродить “Украинскую галицийскую армию”. Он сказал: “Мы получаем возможность принять участие в этой тяжелой борьбе с оружием в руках”, а в конце заверил, что “украинцы как хорошие хлеборобы и рабочие покажут себя и как хорошие солдаты. В борьбе плечом к плечу с героическим немецким солдатом, украинский солдат будет участником добывания победы, которая принесет почетный мир для обоих народов”².

В тот же день УЦК обратился к украинскому населению Галиции и генерал-губернаторства с призывом вступать в украинские воинские части.

Факт состоявшегося собрания и богослужения по этому поводу был широко освещен в украинском еженедельнике “Краківські вісті” (“Краковские вести”) и в других изданиях.

Вскоре “Войсковая управа” выпустила обращение, в котором официально объявила о своем существовании и разъяснила населению, как практически надо оформлять свое вступление в украинские воинские части.

Губернатор Галиции Вехтер в свою очередь обратился к населению с призы-

вом вступать в дивизию “СС-Галиция” и сообщил о тех привелегиях, которые будут даны семьям вступивших в нее добровольцев.

После этого УЦК и “Войсковая управа” через свои периферийные органы начали вести активную пропаганду среди населения за вступление в украинские воинские части.

Отбирали людей ростом не ниже 165 см, украинской национальности, годных по состоянию здоровья служить в немецкой армии. Медосмотр проводили немецкие врачи. Предпочтение отдавалось лицам, придерживавшимся националистических воззрений, враждебно относившихся к советской власти и русским. Вступающие в украинские воинские части заполняли спецанкету.

При этом “Войсковая управа” вербовала, проверяла, оформляла документы, а после формирования дивизии обеспечивала семьи зачисленных в нее пособиями.

Для руководства пропагандой “Войсковая управа” имела спецотдел, возглавляемый руководителем пропаганды УЦК Кушником.

Офицеры немецкой армии и украинские националисты в городах и селах на временно оккупированной территории Западной Украины проводили собрания и митинги, на которых выступали с антисоветской клеветой и призывали украинцев, в особенности молодежь и лиц, состоявших в Украинской повстанческой армии (УПА), добровольно записываться на службу в немецкую армию, то есть дивизию “СС-Галиция”.

За службу в этой дивизии обещали создание “Независимой Украины”, денежное вознаграждение и наделение землей. При зачислении в дивизию “СС-Галиция” каждый доброволец должен был подать заявление, изготовленное типографским способом, и после принятия присяги на верность Германии зачислялся в немецкую армию.

Вопросами военной подготовки ведала приехавшая в мае 1943 г. во Львов группа немецких офицеров войск СС, которая взяла на себя руководство всеми вопросами, связанными с отбором людей и направлением их на учебу. В последствии численность ее достигла 60 чел.

Интересен состав руководящих работников "Войсковой управы", о котором было сообщено в газете "Краковские вести"², издававшейся на украинском языке в Кракове для населения Галиции. Помимо руководителя "Войсковой управы" Бизанца А.И., бывшего представителем немецких оккупационных властей, в нее входили:

1. *Бейгерт Северин* – зам. руководителя "Войсковой управы", 52 года, немец, агроном, бывший поручик австрийской и галичской армии.

До 1939 г. работал управляющим в ряде крупных имений в Польше. В 1939 г. был арестован поляками, содержался в Тернопольской тюрьме и был освобожден Красной Армией.

В 1939–1940 гг. работал в немецкой комиссии по переселению немцев из СССР и сам в последствии выехал в Германию. После оккупации Западной Украины Бейгерт приехал во Львов и являлся управляющим всеми фольварками. При отступлении немцев бежал и в марте 1945 г. оказался в Вене.

2. *Навроцкий Осип*, 52 года, инженер, украинец, бывший капитан австрийской армии и интендант 1-го корпуса Украинской галицийской армии (УГА). До 1939 г. жил во Львове и являлся редактором одного из военно-исторических бюллетеней. В 1939 г. бежал в Краков и до 1943 г. был зам. бургомистра г. Криница и председателем комитета УЦК. Один из приближенных профессора Кубиевича.

3. *Хроновят Михаил*, руководитель организационного отдела "Войсковой управы", инженер, украинец, бывший поручик австрийской армии, капитан УГА, где командовал куренем в 11 бригаде. После окончания Первой мировой войны выехал в Чехословакию, где получил высшее образование и, вернувшись в Западную Украину, длительное время работал зам. директора маслозавода. В 1939 г. через немецкую комиссию выехал в Краков и во Львов вернулся после оккупации его немцами.

В период оккупации Западной Украины был директором масломолочных заводов. При отступлении немцев вместе с Кубиевичем бежал в Германию.

4. *Пиндус Евгений*, зам. руководителя организационного отдела "Войсковой управы", 46 лет, украинец, инженер-строитель. В Польше работал директором какого-то украинского строительного общества.

После присоединения Западной Украины к СССР оставался в Западной Украине и работал инженером, а с оккупацией Украины немцами работал директором строительного общества и одновременно являлся зам. руководителя организационного отдела УЦК.

В феврале-марте 1943 г. находился в Берлине, куда он был послан Кубиевичем для оказания помощи в руководстве Берлинским филиалом УЦК. При отступлении немцев бежал с ними.

5. *Кушнир Михаил*, руководитель отдела пропаганды "Войсковой управы", он же руководил пропагандой в УЦК, 50 лет, поручик авиации австрийской армии, а после – капитан авиации галицийской армии.

Окончил Краковскую академию художеств, после работал в ряде украинских газет и одновременно являлся учителем в гимназиях, а также писал картины.

В 1939 г. выехал в г. Криницу, но вскоре по просьбе Кубиевича возглавил отдел пропаганды УЦК, а в 1943 г. руководил пропагандой в "Войсковой управе". После войны поселился где-то в Тироле близ швейцарской границы.

6. *Зеленый Зенон*, руководитель отделов молодежи в "Войсковой управе" и в УЦК, 45 лет, украинец, профессор философии, магистр, бывший лейтенант, а после поручик галицийской армии.

До 1939 г. работал учителем гимназии, а в 1939 г. бежал в Краков. С 1940 г. член УЦК.

7. *Палий Андрей*, руководитель отдела обеспечения семей, призванных в дивизию "СС-Галиция". Все время работал директором Маслосоюза.

8. Доктор *Макарушка Любомир*, заместитель Палия, 50 лет, доктор юридических наук, окончил австрийскую военную академию, служил поручиком австрийской и капитаном галицийской армии. Высшее юридическое образование получил в Югославии. Длительное время являлся секретарем УНДО в одно и то же время был депутатом украинцев в польском сейме.

В 1944 г. ушел добровольно в дивизию "СС-Галиция", где являлся политическим советником командира дивизии.

9. *Лаба Василий*, доктор теологии, профессор Львовского университета, приближенный митрополита Шептицкого, 60 лет, служил в австрийской армии в чине капитана-священника, а в галицийской армии в чине майора-священника.

В 1939 г. через немецкую комиссию выехал в генерал-губернаторство, принял германское подданство, в г. Львов вернулся после оккупации Украины немцами. Находился в резиденции Шептицкого. С созданием "Войсковой управы" был назначен Шептицким в ее состав и являлся там руководителем церковного отдела.

В последствии он ушел в дивизию "СС-Галиция" и служил в чине майора-священника.

10. *Рудницкий Иван*, адвокат.

11. *Крохмалюк Юрий*, инженер.

12. *Волынец Степан*, редактор.

13. *Билозор Владимир*, доктор.

Как видно из части приведенного списка "Войсковой управы", ее руководство состояло из двух немцев и 11 украинцев, которые получили чисто польское или австро-венгерское воспитание и образование. "Войсковая управа" находилась под пристальным контролем со стороны немцев.

Формирование дивизии "СС-Галиция" началось в мае 1943 г. в г. Нойгаммере. В сентябре 1943 г. командиром дивизии "СС-Галиция" был назначен генерал Фрайтаг. Его назначение состоялось тогда, когда уже все вопросы формирования дивизии и ее частичная военная подготовка в основном была закончена.

Всего для формирования дивизии "СС-Галиция" было отобрано около 50000 чел., из которых в дивизию было зачислено лишь около 20000.

Около 5000 чел. отправили на учебу во Францию в полицейские полки. В 1944 г. их возвратили в Западную Украину и использовали для немецкой полицейской службы.

Остальные добровольцы, не зачисленные в дивизию "СС-Галиция", использовались во

вспомогательных подразделениях немецкой и местной украинской администрации.

С ноября 1943 г. все добровольцы через призывные пункты по месту своего жительства направлялись в так называемый распределительный пункт в Гайдалагерь (близ г. Дембица, Польша), а оттуда – в 14 дивизию "СС-Галиция" в г. Нойгаммер, где получали немецкое эсесовское военное обмундирование и принимали присягу на верность германскому правительству.

Для добровольцев дивизии "СС-Галиция" немцами были организованы разведывательно-диверсионные школы в городах: Нойгаммере, Кобленце, Гамбурге, Карлсруэ, Ольденбурге, Тарбес (Франция), Оскабрюк (школа радистов-разведчиков) и в местечках Паржиц близ г. Бенешев (Чехословакия) и Иббенберн (особый лагерь 1750).

Разведывательно-диверсионные школы условно именовались "Артиллерийские школы", а в городах Гамбурге и Кобленце "Саперные школы".

Руководящий и офицерский состав в школах состоял из немецких офицеров. Младшие офицеры состояли в большин-

стве из бывших петлюровцев и галицийских офицеров. Общая подготовка осуществлялась в Галиции: полковые (сержантские) школы, отбирали лучших и направляли в офицерские школы.

Учеба длилась 3,5 мес. (первый выпуск 120 чел. состоялся в декабре 1944 г.).

Изучали пехотное дело, связь, артиллерию и саперное дело.

Курсы для бывших офицеров продолжались около 2-х месяцев. Солдаты набирались из галичан и западников, из тех, кто не хотел ехать на работу в Германию.

В каждой школе обучалось от 40 до 200 чел. За время пребывания в разведывательно-диверсионных школах агентуру обучали методам сбора шпионских сведений о Советской Армии и совершения диверсионных актов. В школе г. Оснабрюк готовились радисты-разведчики.

В школах также преподавалось строевое и стрелковое дело и производилось изучение материальной части оружия всех систем. Занятия проходили по взводам и группам. Обучавшиеся в школах затем направлялись в г. Нойгаммер и включались в состав формируемой 14-й добровольческой дивизии "СС-Галиция", где проходили практические занятия по пройденному курсу в школах.

Часть солдат дивизии группами до 10 чел. каждая забрасывались с разведывательно-диверсионными заданиями в тыл Красной Армии. Кроме этого, во время отступления немецкое командование выбрасывало в Львовскую и Тернопольскую

области УССР группы диверсантов из состава 14-й дивизии "СС-Галиция", которые проводили минирование и взрывы мостов, военных складов, крупных строений, домов и целых селений.

Немецкие офицеры призывали военнослужащих этой дивизии совершать в тылу Красной Армии диверсионные акты, терроризировать население и создавать вооруженные банды для борьбы за "Самостийную Украину".

Войсковые части дивизии "СС-Галиция" находились вместе с немецко-фашистскими гарнизонами в западных областях Украины, в Польше и Чехословакии. В августе 1943 г. дивизия "СС-Галиция" вела бои против партизанского соединения дважды Героя Советского Союза Ковпака, а затем участвовала в боях против Красной Армии.

В июне 1944 г. дивизия "СС-Галиция" была спешно переброшена из г. Нойгаммера на советско-германский фронт в район г. Броды-Злочев Львовской области для того, чтобы препятствовать быстрому наступлению частей Красной Армии.

15 июля 1944 г. 14-я дивизия "СС-Галиция" попала в окружение советских войск. При попытке вырваться из окружения 22 июля 1944 г. дивизия была разгромлена частями Красной Армии, а ее остатки пленены и направлены в спецлагеря НКВД СССР № 283 и № 0302.

Скитание по английским лагерям

Спасшиеся от плена и уничтожения военнослужащие дивизии "СС-Галиция" частично ушли в подпольные отряды ОУН и УПА, часть разошлись по домам и около 1500 чел. бежали в Германию вступили в новую дивизию "СС-Галиция", которая была сформирована в августе-сентябре 1944 г. Командиром оставался тот же генерал Фрайтаг

Эта дивизия участвовала в боях против партизан в Словакии.

В феврале 1945 г. в районе Марбурга (Югославия) действовала против югославских партизан.

В начале апреля 1945 г. дивизия находилась в районе г. Фельбах (Австрия), где участвовала в оборонительных боях против Красной Армии до самой капитуляции Германии.

После чего форсированным маршем ушла в сторону английских войск, где и сдалась в плен. Всего было около 10 тыс. чел.

После полной капитуляции Германии судьба у них сложилась по-разному: кто остался в Австрии, кто в Германии. Английские власти не вмешивались во внутренние дела дивизии.

Связными между дивизией и английской комендатурой были: поручик Елисей Навроцкий (контрразведчик), поручик Ляхоцкий и капитан Иосиф Виплицкий.

Поручику (затем стал майором) Елисею Навроцкому была разрешена связь с генералом Шандриком.

Связными между Римом, английским командованием и дивизией были два греко-католических священника: Белянин и Ваврик.

Существовали также и репатриационные комиссии, результатом деятельности которых было возвращение на Украину около 1 тыс. чел.

По окончании работы репатриационных комиссий осенью 1945 г. дивизия была переведена в лагерь "Римини" (Италия).

Английским комендантом, которому подчинялась дивизия, был бригадир Филине.

Он писал расхваливающие дивизию статьи в английских газетах. Руководил дивизией в это время полковник Генштаба Виктор Малец. Комендантом лагеря был майор Савелий Яськевич.

В дивизии работали хоры, оркестры, было две церкви (греко-католическая и православная), народный университет, средние и низшие учебные заведения и всякого рода курсы.

Около 14 студентов были направлены в Мадрид (Испания) в вузы, получали стипендии от Римского Папы.

Материальная помощь была от англичан и различных украинских, американских и канадских организаций.

В это время лагерь посетили епископ Бучко, президент Канадского украинского комитета, священник Кушнир, посол парламента Глинка.

Так прошел 1946 г.

В начале 1947 г., кто имел семьи уехал в Германию, другим желающим также была предоставлена возможность неофициально выехать в Германию.

В конце апреля и в начале мая 1947 г. дивизию передислоцировали в Великобританию.

Передислокация осуществлялась девятью железнодорожными эшелонами и транспортными кораблями (всего около 8 тыс. чел.). Первые три эшелона были направлены в Шотландию, остальные в Англию (г. Шефельд).

Комендантом лагеря в Шефельде был английский полковник Долир, но всеми делами руководил английский капитан Голдман.

В лагере была проведена перерегистрация.

Содержание и питание были хорошими.

Весь солдатский состав распределили и отправили в разные лагеря Англии на сельскохозяйственные работы.

Офицерский состав остался в Шефельде, получая месячное жалование.

В начале июля офицерский состав согласился на работы, для чего подписал соответствующие заявления.

Затем их направили в бывший лагерь летчиков в Шерибури.

Здесь комендантом лагеря был подполковник Роман Долинский, с ним были три английских сержанта, которые не вмешивались во внутренние дела дивизии.

На зиму офицеров отправили в лагерь Вулфокс, они там не работали.

В конце июля и начале августа 1948 г. их снова направили в лагерь Шефельд для освобождения из плена.

25.10.1948 г. всех, кто был на сельскохозяйственных работах, уволили и перевели в соответствующие артели, а остальных направили в промышленность.

При этом весь солдатский состав был переведен на гражданское положение в тех лагерях, где они содержались во время плена.

После этого все стали разъезжаться кто куда.

Некоторые уехали в Канаду. Некоторые остались в Англии.

Те, кто изъявил желание вернуться на Родину, через советское посольство возвратились домой.

Так была ли дивизия “СС-Галиция” эсэсовской или нет?

Э то весьма болезненный вопрос как в истории этой дивизии, так и для украинских историков и жителей Западной Украины. Большинство из них считают, что дивизия “СС-Галиция” никакого отношения к войскам СС не имела, а была обычным войсковым формированием “сечевых стрельцов”.

Так кем же были военнослужащие украинской национальности этой дивизии – сечевыми стрельцами или военнослужащими войск СС фашистской Германии? Попробуем ответить на данный вопрос.

Нынешние галичане считают, что аббревиатура “СС” не имеет никакого отношения к войскам фашистских СС. Они считают, что эту аббревиатуру следует раскрывать как “Сечевые стрельцы” (СС).

Однако это не так.

Формированием дивизии “СС-Галиция” занимались офицеры войск СС Германии, разрешение на ее формирование с благословения Гитлера давали Гиммлер и Розенберг. Примерно половина высшего руководящего и среднего офицерского состава состояла из немецких офицеров войск СС, а остальные – из числа активных украинских националистов, ранее служивших в петлюровской, польской, галицийской, австрийской и других армиях.

Немцы считали необходимым использовать дивизию в основном для карательных операций против партизан. Этим она в последствии занималась и в Чехословакии, и в Югославии и т.д.

Дивизия “СС-Галичина” в состав Вермахта не входила, а состояла на полном довольствии войск СС фашистской Германии, носила их форму, большинство ее солдат и командиров проходили специальную контрпартизан-

скую и разведывательно-диверсионную подготовку.

Многие военнослужащие дивизии “СС-Галиция” на внутренней стороне предплечья левой руки имели наколки синей тушью о группе крови, как и военнослужащие войск СС.

Такие наколки имели унтер-офицер этой дивизии Головка Степан Степанович, 1925 г.р., уроженец села Славское Дрогобычской области, в форме буквы “А”; Слюсарчук Станислав-Евгений Станиславович, 1923 г.р., в форме буквы “О” и другие.

В статье “Против совместного врага”, опубликованной в “Краковских вестях”, отмечалось: “Во Львове празднично объявлено о создании Галицкой стрелковой дивизии СС, предназначенной для украинских добровольцев, которое хотя воевать против главного врага Украины – большевизма. Так сбылись желания украинского населения, которое с первых дней войны с большевиками постоянно говорило устами своих представителей о своей наибольшей готовности принять в ней активную участь”².

В своем выступлении на торжественном собрании во Львове (28.04.1943 г.) губернатор Галиции О.Вехтер, после объявления манифеста Гитлера о создании дивизии “СС-Галиция”, сказал: “Эти искренние желания (создать украинскую армию в составе германских вооруженных сил. – Авт.), что их все галицкое украинское население, конкретно его компетентное представительство, Украинский Центральный Комитет, через Вас, господин профессор Кубиевич, неоднократно обращались к администрации Генерального Губернатора и Правительства Генеральной Губернии и еще дальше – к Штабу Германии довели это до успеха: на предложение Рехсфюрера СС Фюрер дал согласие на создание из галицких украинцев Войсковой отдел добровольцев”².

Еще более откровенным был председатель УЦК профессор Кубиевич, который в своем выступлении на этом же собрании

сказал: “Сегодня для украинцев Галичины действительно исторический день, потому что нынешним государственным актом совершается одно из найскреннейших желаний украинского народа – с оружием в руках принять участие в борьбе с большевизмом. Формирование Галицкой украинской дивизии в рамках структуры СС – это для нас не только почетно, но и обязывает продолжать активные действия по сотрудничеству с немецкими государственными органами... На основе этих условий Вы (имеется в виду губернатор Галиции О.Вехтер. – Авт.) взялись за инициати-

ву, чтобы украинцам Галиции предоставить почетную возможность бороться плечом к плечу с героическими немецкими солдатами СС против большевизма – нашего совместного врага”².

Таким образом, есть все основания утверждать, что стрелковая дивизия “СС-Галиция” являлась эсэсовской, создавалась руководством войск СС фашистской Германии и стояла на их полном довольствии. Да, это неприятно, но, такова Правда и это необходимо признать.

Правда о комплектовании дивизии “СС-Галиция” добровольцами

Процедура комплектования добровольцами дивизии “СС-Галиция” была довольно проста, но достаточно эффективна. Для этого использовались:

- представители организаций и групп ОУН, существовавших почти в каждом населенном пункте Западной Украины, направляли своих членов в ее состав и осуществляли вербовку из украинской молодежи;

- совместные с немцами разъездные агитационно-пропагандистские националистические группы, прибыв в населенный пункт, собирали митинг и

осуществляли одновременную агитацию и вербовку молодежи;

- националистически и пронемецки настроенная часть администрации местной власти, промышленных и других предприятий, учебных заведений;

- священнослужители униатской церкви.

Основными методами вербовки были опора на националистические и антисоветские чувства, убеждение, угрозы физической расправы, информационно-психологическое воздействие, а иногда и прямой обман. Часто эти методы применялись комплексно.

Рассмотрим это на конкретных примерах.

Винник Петр Иванович, 1922 г.р., украинец, уроженец и житель деревни Небылю Станиславской области на допросе (11.03.1946 г.) о своем поступлении в дивизию “СС-Галиция” рассказал: “В мае (1943 г. – Авт.) к нам в село Небылю один раз приезжал представитель Украинского комитета националистов, который выступил с заявлением, что немецкие войска прибыли на Украину не для того, чтобы поработить, а для того, чтобы помочь украинскому народу освободиться от большевиков и выгнать из Украины Красную Армию. При этом он призывал молодежь вступать добровольно в немецкую армию, чтобы вместе с немецкими войсками быстрее освободить Украину. Причем тут же предупреждал, если кто не пожелает из молодежи вступать в немецкую армию, тех будут отправлять на работу в Германию. Я, во избежание попасть на работу в Германию, записался добровольно на службу в немецкую армию, после чего это было оформлено соответствующими документами”.

Сенюк Владимир Тимофеевич, 1923 г.р., украинец, уроженец села Товстенко Чертовского района Тернопольской области, на допросе 06.03.1945 г. о своем вступлении в дивизию “СС-Галиция” рассказал следующее: “В ноябре 1943 г. молодежь 1923 г. р.

забрали на работу на строительство железной дороги, и увезли в Чертково. В селе Чертково нам объявили, что нас взяли не на работу, а в армию”.

Кубиевич Виктор Владимирович, 1923 г.р., украинец, уроженец г. Холм (Польша), житель г. Дрогобича на допросе (17.01.1949 г.) показал: “При немцах в г. Дрогобиче был создан Украинский национальный комитет, который по указанию немцев собирал украинцев и направлял их через биржу труда на работы в Германию... УНК активно проводил агитацию за вступление украинцев в воззвания расклеивались на всех площадях города, проводились собрания ... выступали с призывом вступать добровольно в немецкую армию 14 дивизию “СС-Галиция” и вместе с немцами участвовать в борьбе против Советской Армии за создание самостоятельного государства... В конце июля или начале августа 1943 г. я со своими друзьями – Кушнир Богданом Гильяровичем, 1925 г.р. и Черничевич Евгением, 1924 г.р. решили добровольно вступить в дивизию “СС-Галиция”, пошли в УНК и добровольно записались...”.

Наиболее показательным является признание бывшего военнослужащего дивизии “СС-Галиция” *Шмоголь* Михаила Алексеевича, 1917 г. р., уроженец села Гавриловка Ланчинского района Станиславской области, украинца, который на допросе (06.10.1945 г.) показал: “На службу в 14 дивизию “СС-Галиция” я поступил добровольно при следующих обстоятельствах: в апреле месяце 1943 г. в наше село Гавриловка из Надворня (18 км от села) приехали двое немецких военных, трое гражданских немцев и двое украинцев из Украинского национального комитета. Они вызвали всех родившихся в 1915,1916 и 1917 гг. в гимназ, устроили нам медкомиссию и всех признанных здоровыми записали на работу в Германию.

При этом на каждого была заполнена анкета с указанием фамилии, имени и отчества, года рождения, места жительства, состава семьи, количества имевшейся земли и записали также какое имеется хозяйство. После заполнения анкеты каждый расписался в анкете. Такая анкета была заполнена и на меня.

Примерно через месяц, после этого мы все были вызваны в г. Надворня, в повестке указывалось, что мы вызываемся для отправки на работу в Германию. Не имея желаний уходить из дома, я в Надворню не пошел, а в числе многих других односельчан скрывался в лесу. Дня через 2–3 в наше село приехало три немецких солдата и совместно с сельской полицией и со старостой отобрали коров у всех не пожелавших поехать в Германию.

Семьи наши были предупреждены, что если мы не вернемся, то они будут угнаны в Германию, а хозяйство будет сожжено. После таких мер со стороны немецких властей я вернулся домой, но, по-прежнему не имея желаний идти на работу в Германию, я пошел в село Глинка (в 3-х км от Гавриловки), где происходила запись в немецкую армию. Там я записался в немецкую армию, получил соответствующий документ о том, что я записался добровольцем, после чего мне корова была возвращена”.

Но были и такие, которые считали своим долгом служить в украинской национальной армии.

Так, *Григорах* Михаил Васильевич, 1920 г.р., уроженец г. Надворня Станиславской области, украинец, на допросе (20.08.1945 г.) показал: “Датой своего вступления в немецкую армию я считаю 23 мая 1943 г., когда с группой других молодых рабочих лесозавода явился к бургомистру Новодворниковской городской управы. Сюда мы были вызваны повестками существовавшей в то время националистической организации “Украинского центрального комитета”.

Нас было человек 15. Среди них были, как я помню сейчас – Мицкевич Николай, Иосипенко Ярослав, Кочержук Роман.

Принявший нас бургомистр выступил с речью и рассказал о значении формируемой немецким командованием войсковой части из украинцев Галиции. Он сообщил нам также

о том, кто из жителей Надворное уже вступил в эту часть. Помимо общего списка им были заполнены на каждого из нас анкеты, отпечатанные типографским способом на украинском и немецком языках.

Анкеты эти были озаглавлены: “Добровольческая Галицийская дивизия войск “СС”. Заполняемые анкеты с краткими автобиографическими данными были скреплены нами личной подписью”.

Из вышеприведенных и тысяч других протоколов личных показаний бывших военнослужащих дивизии “СС-Галиция” можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство их были зачислены в эту дивизию добровольно-принудительно, а значительная часть, особенно молодые украинцы в возрасте 18–20 лет националистически настроенные шли добровольно, считая, что тем самым внесут свой вклад в дело создания самостийной Украины.

Вместе с тем, все они были поставлены в безальтернативное положение: или идти служить в дивизию “СС-Галиция”, или ехать на работу в Германию.

Другого выбора не было.

С учетом этого не понятна позиция многих западных украинцев, пытаю-

щихся примкнуть к числу “освободителей Украины” и защищающих “честь” и “славу” дивизии “СС-Галиция”, которая кроме позора украинскому народу ничего другого не принесла, так как:

– *во-первых*, она была эсэсовской, что осуждено Нюрнбергским процессом;

– *во-вторых*, эта дивизия не внесла вклада ни в дело освобождения Украины, не прибавила славы немецкой армии, поскольку она вступила в строй осенью 1943 г., а в июле 1944 г. в первом же своем серьезном сражении была разбита в течение 4–5 дней;

– *в-третьих*, все они присягали не Украине и украинскому народу, а Германии и ее военному командованию, носили форму войск “СС”, содержались за счет Германии.

О чем может идти речь? Кроме как о позоре украинского народа за то, что несколько десятков тысяч его сынов с оружием в руках служили верой и правдой в войсках СС фашистской Германии, которые издевались над украинским народом, эксплуатировали его, уничтожали его и насильственно вывозили как рабов в Германию.

Неужели у украинских и российских историков и публицистов нет других интересных научных проблем по истории российско-украинских взаимоотношений, которые целесообразно объединенными усилиями решить во имя блага наших народов, кроме как возвеличивать то, что не может быть возвеличено по своей сути.

Примечания

¹ Обращение к населению оккупированных районов Украины. Киев: Укриздат ЦК КП (б) У, 1943. С. 13.

² Краківські вісті. 1943 рік. 1 травня. № 89 (827). л. 1, 2, 3. (перевод автора).

Региональные измерения превентивной дипломатии

Эркин Рахматуллаев,
кандидат политических наук,
Государственный советник
Президента Республики Таджикистан
по внешней политике

Окончание “холодной войны” в силу ослабевших пут двухполюсного мира стало началом периода интенсификации проявления локальных конфликтов как межгосударственного, так и внутригосударственного характера при превалировании последнего типа.

Возникновение целого ряда концепций предотвращения и разрешения конфликтов стало естественной реакцией человеческой мысли на новые реалии. Но раз главным критерием действенности концепций оставалось их практическое применение, то сама жизнь должна была подтвердить или опровергнуть их, исходя из генезиса, структуры и движущих сил этих конфликтов.

Представленный в 1992 г. Генеральным секретарем ООН Бутросом Гали Совету Безопасности доклад “Повестка дня для мира”¹ представлял собой всеобъемлющую концепцию поддержания мира на пороге XXI в. Здесь были обоснованы не только уже известные виды деятельности по обеспечению мира: миротворчество и поддержание мира, но и прозвучали новые идеи – превентивная дипломатия и миростроительство, каждая из которых олицетворяла как бы совершенно новые типы миротворческих усилий Организации Объединенных Наций.

Признанное Советом Безопасности ООН как бы в качестве приоритета словосочетание “**превентивная дипломатия**” стало впоследствии определяющим термином при оценке всей дея-

тельности ООН в области обеспечения мира и безопасности.

Бутрос Гали **определил превентивную дипломатию как “действия, направленные на предупреждение возникающих споров между сторонами, недопущение перерастания существующих споров в конфликты и ограничение масштабов конфликтов после их возникновения”¹.**

Нацеленная на урегулирование споров до того, как происходит вспышка насилия, превентивная дипломатия, по его определению, “требует осуществления мер, направленных на установление доверия, она нуждается в раннем предупреждении, основанном на сборе информации и установлении фактов неофициальным или официальным путем”¹. Все эти меры предпринимаются для того, чтобы предупредить разра-

стание латентного конфликта до кризисной фазы и, если оно уже произошло, принять меры по его ликвидации.

С постепенным расширением теоретических основ превентивной дипломатии и активизацией практической деятельности по ее применению в орбиту этого вида деятельности стало вовлекаться все большее количество международных и региональных организаций.

Масштабы и интенсивность резко возросших после окончания “холодной войны” локальных конфликтов стимулировали поиск наиболее оптимальных путей их разрешения. Предотвращение конфликтов, а не их разрешение после достижения ими кризисной фазы, стало желанной целью региональных структур.

Именно в это время Содружество Независимых Государств принимает концепцию предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств-участников СНГ, главным инструментом реализации которой выступает превентивная дипломатия².

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) образует Региональный форум, а также Совет по сотрудничеству в области безопасности (ССОБ), основу деятельности которых составляет концепция превентивной дипломатии³.

Организация Африканского единства (ОАЕ) создает специальный Механизм по предупреждению, регулированию и разрешению конфликтов, который стал активным проводником идеи превентивной стратегии⁴.

Таким образом, стратегия предотвращения конфликтов в конце XX в. стала более активно пробивать себе путь не только в универсальной системе безопасности – ООН, но и в деятельности региональных организаций и соглашений. Превентивность стала их основным подходом в вопросах поддержания мира и безопасности.

Если взглянуть с этой точки зрения на деятельность такой региональной структуры, как Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), то можно отметить, что руководители государств, собравшиеся на саммит СБСЕ 19–21 ноября 1990 г., провозгласили в Парижской Хартии для новой Европы, что “существенным дополнением к обязанности государств воздерживаться от угрозы силой или ее применения является мирное урегулирование споров, причем эти факторы являются существенными для поддержания и укрепления мира и безопасности”. Они взяли на себя обязанность “не только искать пути предотвращения возможных конфликтов политическими средствами, но и определять в соответствии с международным правом, соответствующие механизмы широкого урегулирования любых споров, которые могут возникнуть”⁵. В подтверждение этого было принято решение создать в Вене Центр по предотвращению конфликтов, основной задачей которого определялось оказание содействия в деле уменьшения опасности возникновения конфликтов.

Ряд европейских экспертов в 90-е годы XX в. отмечали эволюцию, как самого Совещания, так и его институтов, занимавшихся этнической и превентивной проблематикой, которая отразилась в документах СБСЕ за период 70–90-х годов XX в.⁶

Сравнительный анализ реализации стратегий превентивной дипломатии, имеющихся в распоряжении ОБСЕ, позволяет выделить две ключевые структуры:

- долгосрочные миссии;
- Верховный комиссариат ОБСЕ по делам национальных меньшинств (ВКДНМ).

В рамках первой в 1993–1994 гг., СБСЕ/ОБСЕ пыталось с разной степенью эффективности реализовать долговремен-

ную политику деятельности своих миссий на Балканах и постсоветском пространстве.

Первая структура – *долгосрочные миссии СБСЕ* возникли под давлением настоятельной необходимости предотвращения и разрешения конфликтов в зоне ответственности Организации. Как известно распад Югославии и СССР как федеративных государств вызвал целый ряд этнополитических и этнотерриториальных конфликтов на их территориях, нуждающихся в срочном урегулировании при содействии третьей стороны. В дополнение к усилиям ООН такие меры предпринимались и ОБСЕ, взявшей также на вооружение стратегию превентивных действий.

Начав с организации двух долгосрочных миссий в бывшей Югославии в 1992 г., СБСЕ продолжала создание подобных “посольств” хотя и на *ad hoc* основе в течение всего десятилетия, так что к 1998 г. уже имелось 10 таких миссий.

К тому времени 6 из них (в Грузии, Молдове, Таджикистане, Чечне, Боснии и Хорватии) выполняли смешанные функции, включающие миротворчество и то, что можно было бы назвать “косвенным” поддержанием мира.

4 других (в Македонии, Эстонии, Латвии и Украине) имели, если можно так выразиться, “чистый” мандат превентивной дипломатии.

При всем разнообразии мандатов главные задачи миссий включали:

- снабжение руководящих, принимающих решение органов ОБСЕ постоянной, своевременной, “из первых рук” информацией, служа в качестве страновых точек индикации в системе раннего предупреждения;

- предоставление технической и правовой помощи правительствам принимающих государств по их просьбе или в качестве своих рекомендаций. В основном эти задачи касаются человеческого измерения с акцентом на права человека, свободу прессы и защиту национальных меньшинств;

- предоставление добрых и посреднических услуг. Создание и укрепление доверия, своего рода мостов между сторонами, представляет собой краеугольный камень превентивной дипломатии.

Таким образом, роль действующих миссий на практике состояла из:

- превентивного посредничества при угрозе возникновения конфликтов (например, в Эстонии, Латвии, Хорватии и Украине);

- функции управления кризисом – наблюдение за идущими переговорами, содействие и оказание добрых услуг (например, в Таджикистане на раннем этапе межтаджикского конфликта);

- функции постконфликтной стабилизации и строительства демократических структур (например, в БиГ, Хорватии, Молдове и Таджикистане – на более позднем этапе конфликта).

Миссии могут выполнять и другие специфические задачи, исходя из конкретики страны пребывания.

Создаются они по решению Комитета старших должностных лиц или Постоянного Совета ОБСЕ. Руководитель миссии назначается действующим Председателем, а административную и снабженческую поддержку оказывает Центр по предотвращению конфликтов (ЦПК).

Вторая структура – *Верховный комиссар по делам национальных меньшинств (ВКДНМ)* – будучи отчасти важным дополнением миссий,

* Под “косвенным” мироподдержанием имелся ввиду мониторинг “поддержания мира третьей стороной” – например, Россией в Грузии и Молдове.

имел свою специфику. Они были вызваны тем, что если сначала вопрос о национальных меньшинствах рассматривался в самой упрощенной формулировке, то постепенно он стал привлекать к себе более пристальное внимание, став одним из основных пунктов дискуссий этой организации.

Вместе с тем, в Заключительном акте Хельсинского совещания была принята расплывчатая и мало к чему обязывающая формулировка, наподобие формулировки о праве народов на самоопределение. Она не давала определения понятия национального меньшинства, предоставляя это самим государствам, из чего следовало, что этот текст может относиться только к признанным, а не ко всем существующим меньшинствам. Заключительный акт Хельсинского совещания свидетельствовал о крайней осторожности стран-участниц ОБСЕ в том, что касается признания национальных меньшинств, и еще большей осторожности в том, что касается их возможных коллективных прав.

Специально созданный пост Верховного Комиссара по делам национальных меньшинств абсолютным большинством специалистов рассматривается как инструмент, имеющий ярко выраженную превентивную направленность.

ВКДНМ имел (и имеет) достаточно высокую степень самостоятельности, набор полномочий, предоставленной ему мандатом ОБСЕ. Деятельность ВКДНМ является неотъемлемой частью механизмов ОБСЕ по обеспечению безопасности. Фактически, его (верховного комиссара) функция состоит в том, чтобы посадить представителей правительств и национальных меньшинств за стол переговоров, стимулировать диалог, продвигать принципы “человеческого измерения”

ОБСЕ и способствовать установлению доверия между правительством и национальным меньшинством, давая рекомендации по проведению политических, образовательных, правовых, экономических и административных реформ.

Специфика реализации политики превентивной дипломатии Верховного комиссара заключалась в том, что он сконцентрировал свое внимание на ситуациях, в которых статус национальных меньшинств потенциально мог стать проблемой не только с точки зрения прав человека, но и с точки зрения безопасности: Балтийские государства (в особенности Латвия и Эстония), словацко-венгерские отношения, Румыния, Македония, Албания и цыгане.

При решении данных проблем был сформулирован ряд новых принципов, которые в настоящее время могут быть различно интерпретированы:

- необходимость постоянно действующего диалога между всеми действующими лицами, особенно между департаментом, специально занимающимся вопросом национальных меньшинств, и омбудсменом или посредником, выполняющим такие же функции;
- развитие открытых демократических институтов;
- интеграция меньшинств в более широкое общество в рамках государства на основе признания их права на самобытность;
- законные права национальных меньшинств не должны приводить к пересмотру государственных границ;
- активная кооперация с ЕС по реализации превентивной дипломатии⁷.

Особенностью деятельности Верховного комиссара является то, что от него, по сути, не требуется заблаговременного предупреждения насилия. Первый комиссар Макс ван дер Стул и последующие избегали форсированных

и чрезвычайно публичных ранних предупреждений по разным причинам.

Например, с точки зрения ван дер Стула ранее предупреждение могло стать помехой улучшению позиций конфликтующих сторон и носило характер некоего судебного "приговора", поскольку сам факт вмешательства Верховного комиссара в спорные ситуации уже являлся достаточным для того, чтобы насторожить государства-члены ОБСЕ по поводу возникающих разногласий.

Возможно, что подобная тактика первого комиссара была чересчур мягкой и демократичной. Часть экспертов ОБСЕ считала, что его методы в тех, достаточно сложных условиях полыхавшего балканского кризиса и ряда других, только зарождавшихся тогда, были неадекватны ситуации⁸.

С другой стороны, в рамках раннего предупреждения мандат Верховного комиссара предоставлял ряд новых средств и возможностей, достаточно успешно использованных М. ван дер Стулом и другими.

Так, ВКДНМ пользуется согласием всех государств-членов ОБСЕ на свободное перемещение для проведения тех или иных превентивных мероприятий (встреч, консультаций, текущего мониторинга и пр.). Еще никогда представитель третьей стороны от многосторонней организации не обладал такой свободой.

Анализируя специфику подходов ОБСЕ и института ВКДНМ, следует отметить и их достаточную радикальность. Так, в их документах подчеркивается, что в условиях реализации превентивной дипломатии интересы и ожидания сторон при споре могут согласовываться не только с принципом государственной независимости, но и с децентрализованными моделями демократии. Правительства, осуществляющие сегодня демократические рефор-

мы, должны содействовать местному самоопределению посредством частично ограниченного самоуправления и некоторые формы автономии.

Если суммировать документы начала 90-х годов, то можно сказать, что:

– *во-первых*, интересы прав человека ставились выше требований абсолютного суверенитета, хотя при этом подразумевалось сохранение правового статуса государства;

– *во-вторых*, государства-члены СБСЕ согласились на это лишь в обмен на установление полного контроля над кризисом в военной сфере и в области безопасности и, в особенности, над кризисами, связанными с проявлениями терроризма на их территории;

– *в-третьих*, пункт о наделении политическими правами отдельных национальных групп внутри государств вызвал в СБСЕ разногласия.

Так, на переговорах о мандате ВКДНМ в 1992 г. многие страны (включая Великобританию, Францию, США, Грецию и Турцию) не хотели обсуждать международные права отдельных национальных групп населения⁹.

Особое внимание уделялось двум другим органам ОБСЕ, играющим важную роль при реализации превентивной дипломатии. Речь идет о Центре по предотвращению конфликтов (ЦПК) и Форуме по сотрудничеству в области безопасности.

Центр по предотвращению конфликтов учрежден в соответствии с решениями Парижской встречи глав государств СБСЕ в 1990 г. и призван оказывать Совету ОБСЕ содействие для уменьшения опасности возникновения конфликтов.

В круг выполняемых им функций входили разработка механизмов консультаций и сотрудничества, ежегодный обмен военной информацией государствами-участниками СБСЕ, уста-

новление сети связи, сотрудничество в отношении опасных инцидентов военного характера¹⁰.

Ответственность за деятельность ЦПК перед Советом несет его Консультативный комитет.

При поступлении просьбы государств о начале осуществления СБСЕ операций по поддержанию мира ЦПК по запросу Руководящего комитета рассматривает вопрос о том, какие мероприятия могут быть наиболее подходящими в конкретной ситуации.

Однако, в целом, оставляющая желать лучшего деятельность ЦПК по собственному предостережению конфликтов дала возможность некоторым исследователям окрестить его «потемкинской деревней, несмотря на его цветистое название»¹¹.

Для усиления ЦПК Хельсинскими решениями 1992 г. было предусмотрено учреждение *Форума СБСЕ* по сотрудничеству в области безопасности.

В структуру Форума входили два комитета: специальный и консультативный. Заседания специального комитета проводились для проведения переговоров по контролю над вооружениями, разоружению и мерам укрепления доверия и безопасности либо для рассмотрения, разработки или согласования предложений по укреплению безопасности и сотрудничеству. Консультативный комитет призван оказывать помощь ЦПК по решению его существующих и будущих задач.

Проводя сравнительный анализ реализации превентивной дипломатии ООН и ОБСЕ, следует отметить, что в первом случае для получения санкции Совета Безопасности на проведение превентивной акции требуется согласие стран-членов ООН на участие в ней. Но, как показывает опыт 90-х годов XX в. почти всегда правительства не проявляли желания оказываться вовлеченными во внутренние дела дру-

гих государств, несмотря даже на то, что конфликт может вылиться в кровопролитие, создать угрозу безопасности в регионе.

Трудности с реализацией на практике концепции превентивной дипломатии связаны также с различной интерпретацией превентивной дипломатии крупными державами в контексте своих геополитических интересов.

Одновременно, существуют и чисто технические трудности: громоздкость, неповоротливость структур международных организаций, прежде всего Совета Безопасности ООН, призванных по определению быть гарантами международной безопасности; забюрократизированный аппарат; отсутствие материального и военного обеспечения для сбора необходимой информации и проведения превентивных акций.

Если в Европе (в Македонии) мировому сообществу удалось осуществить превентивную операцию по поддержанию мира, то в других регионах оно пока не может занести в свой актив ни одной успешной акции такого рода.

С другой стороны, в планах превентивных действий ООН также пытается отслеживать возможные источники напряженности внутри и среди государств для сдерживания и урегулирования возможных конфликтов. При этом уделяется первостепенное внимание анализу коренных причин.

Существенными элементами превентивной дипломатии, имеющимися в арсенале ООН, является установление фактов, соответствующий мониторинг и анализ, раннее предупреждение и политическая воля к тому, чтобы предотвратить перерождение конфликтов во вспышки насилия. В то же время ООН исходит из того, что превентивная дипломатия должна быть внешне неброской и сдержанной с учетом риска непреднамеренной эскалации из-за того, что к потенциальному конфликту при-

влечено постоянное международное внимание¹².

Резюмируя можно подчеркнуть, что в отличие от ООН, где применение принципов превентивной дипломатии в конкретных случаях, в основном, осуществляется *ad hoc*, имплементация ее методов в системе ОБСЕ приобрела более систематизированный и упорядоченный характер, ибо превентивная деятельность сейчас уже является повседневной и рутинной в работе долгосрочных миссий Организации и Верховного Комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств. Модель ОБСЕ не только доказывает “приземленность” и приспособленность практики Организации к особенностям региона ответственности Организации, но и является лишним подтверждением жизнеспособности концепции.

Опыт несколько иного порядка имеется в других регионах Земного шара.

Многообразие *Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)* и наличие объективно существующих и подчас трудно разрешимых противоречий между расположенными здесь государствами делают процесс создания структуры региональной безопасности и разработку мер превентивной дипломатии весьма непростым делом. Тем не менее, одной из первых региональных структур, взявшей на вооружение концепцию превентивной дипломатии была *Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)*.

Активный экспертный и политический диалог по широкой проблематике превентивной дипломатии, который не первый год идет в рамках Ассоциации и *Регионального Форума АСЕАН (АРФ)*, свидетельствуют о существовании некоего политического “заказа” со стороны стран АТР на дальнейшее

продвижение и реализацию политики превентивной дипломатии.

В первой половине 90-х годов XX в. была и разработана концепция превентивной дипломатии с учетом специфики АТР и, в частности региона Юго-Восточной Азии.

По определению известного специалиста в этой области канадского профессора А.Ачария, превентивная дипломатия – “политическая, военная и гуманитарная акция, предпринимаемая правительствами, многосторонними организациями (ООН, региональные группы) и международными агентствами (включая неправительственные организации) с целью предотвращения возникновения крупных межгосударственных и внутригосударственных споров и конфликтов, предотвращения эскалации таких споров и конфликтов в вооруженную конфронтацию, ограничения интенсивности насилия, возникающего в результате таких конфликтов”¹³.

Важным является то, что А.Ачария сумел “привязать” общие определения и различные дефиниции превентивной дипломатии к региональной специфике АТР, выделив *двухступенчатую систему* реализации превентивной дипломатии в азиатском регионе.

Первая ступень содержит, так называемую реакцию “мирного времени” (*peace-time responses*), куда входят меры доверия между государствами, диалог по проблеме безопасности, раннее предупреждение конфликтов.

Вторая ступень предполагает реакцию в “кризисный период” (*crisis-time responses*), куда входит сбор фактических данных, имеющих прямое отношение к данной конфликтной или кризисной ситуации, организация миссий “добрых услуг”, превентивное развертывание вооруженных отрядов (*preventive deployment*) для недопущения дальнейшего разрастания вооруженных конфликтов¹³.

В самом АСЕАН в начале 90-х годов так же шла активная экспертная

работа по созданию концепции превентивной дипломатии в юго-восточной Азии.

Ведущие аналитики Ассоциации отмечали, что в ЮВА не существует прямой угрозы со стороны крупных региональных и внерегиональных держав, переводя их на более низкий уровень конфликтности – на сферу двусторонних отношений между самими странами ЮВА. К таковым они относили: взаимные территориальные претензии, проблемы неурегулированности границ и их неудовлетворительной демаркации – контроля и охраны границ, и связанная с ними контрабанда и незаконная разработка полезных ископаемых или природных ресурсов. Перечисленные проблемы и были предметом собственно превентивной дипломатии¹⁴.

В итоговых резолюциях АРФ обычно фигурировали наиболее общие (компромиссные) положения и подходы к превентивной дипломатии в АТР.

Например, постоянно подчеркивался примат международного права, уважение принципов суверенитета и невмешательства во внутренние дела, включая принципы суверенного равенства и территориальной целостности.

Под мерами превентивной дипломатии понимались переговоры, расследование, посредничество и примирение. Речь шла в основном о дипломатических мирных методах. Некоторые положения и принципы перекликались с уже наработанным опытом европейских организаций и структур (например, ОБСЕ). В частности, тезис о необходимости соблюдения принципа своевременности акций превентивной дипломатии, методов, которые могут быть наиболее эффективны только на ранней стадии любого спора или конфликта.

Результаты экспертизы “второй дорожки” плавно перетекли в известный

проект “*Концепции и принципы превентивной дипломатии*” для АТР, итоговый рабочий вариант которого был подготовлен Сингапуром от имени АСЕАН к ноябрю 1999 г.

Принципиально важным в данном документе были 8 ключевых принципов превентивной дипломатии (ПД), получившие, с учетом европейского опыта некое обобщение:

1. Превентивная дипломатия касается только сферы дипломатии и полагается на дипломатические и мирные методы, такие как переговоры, расследования, посредничество и примирение.

2. Превентивная дипломатия представляет собой ни в коем случае не военную и не принудительную деятельность. Ситуации, урегулирование которых требует военных действий или использования силы, находятся вне компетенции ПД. Принудительные меры, такие как санкции, также находятся вне сферы ПД.

3. Имплементация ПД основывается на уважении суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства и касается только межгосударственных проблем. Это включает в себя принципы суверенного равенства и территориальной целостности государств.

4. ПД действует методом консультаций и достижения консенсуса. Любые шаги ПД могут предприниматься на основе консенсуса после внимательных и длительных консультаций между всеми членами АРФ.

5. ПД реализуется на добровольной основе и может быть использована только по просьбе сторон, непосредственно вовлеченных в спор или с их согласия.

6. ПД может реализовываться только на основе доверия и эффективно действовать только в тех случаях, когда оно достигнуто между всеми заинтересованными сторонами.

7. ПД основывается на международном праве, поэтому любое действие должно соответствовать его основным принципам.

8. ПД требует своевременности. Действия должны быть скорее превентивными, нежели карательными. Методы ПД реализуются наиболее эффективно на ранних стадиях споров или кризисов¹⁴.

Таким образом, **были даны общие компромиссные определения понятия превентивной дипломатии в азиатской проекции**, а также с учетом накопленного мирового опыта.

В качестве важной составной части работы над принципами превентивной дипломатии в проекте была отмечена целесообразность разработки *“кодекса поведения”* в регионе для урегулирования межгосударственных отношений между участниками АРФ. Эта идея стала созвучной инициативе России конца 90-х годов о принятии странами АТР специальной Декларации, которая бы определяла соответствующие нормы и принципы *“поведения”*. Первоначально российская инициатива, как известно, называлась *“Тихоокеанское согласие”* и обсуждалась представителями государств АТР на международной конференции во Владивостоке в апреле 1999 г.¹⁵.

Современное обсуждение сингапурского проекта (за последние 5 лет) превентивной дипломатии на сессиях АРФ подтвердил тенденцию конца 90-х годов.

Страны юго-восточной Азии, а также Россия, КНР и ряд других с большой настороженностью относятся к западным интерпретациям *“внутреннего превентивного посредничества”*. Эту настороженность еще больше усилили акции США и НАТО по реализации односторонних *“гуманитарных интервенций”* на Ближнем Востоке и Балканах (Югославии). Действия стран Запа-

да в АСЕАН достаточно часто рассматривают и как вполне возможные сценарии для отдельных районов АТР. Отражением таких разногласий и скрытых опасений стали итоговые формулировки VII министерской сессии АРФ (июль 2000 г.). В них было подчеркнуто значение консенсуса при принятии любых решений, связанных с реализацией превентивной дипломатии.

Суммируя позитивные и негативные тенденции, накопившиеся в настоящее время в АРФ по проблеме дальнейшего развития концепции и практики превентивной дипломатии, следует выделить следующий ряд проблем, которые составляют суть современного дискурса:

– *Во-первых*, нужно отметить внутренний смысл, который вкладывается в понятие превентивной дипломатии в условиях азиатской (регионов ЮВА и СВА) региональной специфики. В любом случае страны АСЕАН вряд ли пойдут на радикальные трактовки теории и практики ПД, предполагающие вмешательство во внутренние дела того или иного государства.

– *Во-вторых*, вопрос касается создания реальных механизмов реализации ПД в регионе.

В экспертной литературе существуют разные трактовки данных проблем.

Интересной, в этой связи, представляется версия российского политолога и дипломата М.А.Конаровского, который считает, что сутью превентивной дипломатии в АТР должно стать тесное политическое и экономическое сотрудничество между членами АРФ, включая сотрудничество в области безопасности для создания условий по предотвращению военных конфликтов¹⁶.

Таким образом, азиатский региональный *“срез”* теории и практики ПД (на примере деятельности АСЕАН), показывает достаточно сильное отличие его от аналогичного среза в Европе.

В юго-восточной Азии можно говорить пока о предварительном этапе реализации ПД без того разностороннего (позитивного и негативного) опыта, который демонстрирует ОБСЕ, другие западные институты и организации. К сожалению, сингапурский проект превентивной дипломатии, как наиболее продвинутый, не перешел в иное качество обязательной и официальной доктрины АРФ и других международных структур региона ЮВА.

Рассмотрим ситуацию с реализацией концепции превентивной дипломатии в другом районе планеты.

Распад Советского Союза привел к возникновению целого ряда конфликтных ситуаций на постсоветском пространстве, что вызвало естественную необходимость разработки превентивных стратегий.

Совершенно естественно, что превентивная дипломатия стала предметом пристального внимания как государств-членов Содружества, так и соответствующих структур СНГ. Сейчас по прошествии определенного времени рассмотрение вопроса роли и значения концепции превентивной дипломатии в деятельности СНГ и его планах представляет значительный интерес.

19 января 1996 г. в Москве решением Совета глав Содружества Независимых Государств (СНГ) была принята *Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств-участников Содружества Независимых Государств*¹⁷.

Принятие странами СНГ концепции превентивной дипломатии в качестве основы для предотвращения конфликтов на постсоветском пространстве имело большое политическое значение. Исходя из реалий постсоветского пространства, Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств-участников СНГ

имела все возможности стать примером практического применения концепции превентивной дипломатии.

Согласно принятой Концепции, были определены общие подходы государств-участников СНГ к вопросам предотвращения и урегулирования конфликтов, возможности реализации совместных шагов по разрешению возникающих споров и разногласий. Было подчеркнуто, что вовлеченность международного сообщества в урегулирование конфликтов должна быть более значительной и адекватной той угрозе, которая либо уже существует, либо потенциально может возникнуть.

В документе также было прописано, что превентивная дипломатия может осуществляться специальными представителями СНГ. Она охватывает комплекс мероприятий, направленных на выяснение причин и предупреждение споров между сторонами и недопущение перерастания их в конфликты, включая добрые услуги и посредничество в организации консультаций, переговоров между сторонами в споре; оказание им содействия в поисках взаимопонимания и достижения договоренности по урегулированию разногласий¹⁷.

Концепция достаточно четко прописывала отдельные случаи, когда может быть предпринято и превентивное (упредительное) развертывание полицейского (милицейского), гражданского и военного персонала государств-участников Содружества в районе возможного противостояния в целях предотвращения эскалации напряженности, перерастания споров, разногласий и кризисов в вооруженный конфликт. Превентивное развертывание и создание демилитаризованных зон должно предприниматься по просьбе государств, безопасности и суверенитету которых создается угроза, и с согласия сторон в споре.

Решение по превентивному развертыванию и санкциям принимается Советом глав государств Содружества Независимых Государств, который определяет характер и сроки действия санкций, утверждает Мандат на развертывание, определяющий, в том числе полномочия, состав Коллективных сил по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств (КСПМ), задачи и сроки пребывания такого персонала государств-участников Содружества.

Оценивая Концепцию СНГ, следует отметить несколько моментов:

– *во-первых*, в отличие от Устава СНГ и первых установочных документов СНГ, в Концепции речь идет о “конфликтах” на территории государств-участников Содружества”, что предполагает активное участие СНГ в урегулировании и проведении миротворческих операций как в отношении межгосударственных, так и внутренних конфликтов.

При этом деятельности по предотвращению и урегулированию этих конфликтов отводится весьма важная роль в общем спектре усилий Содружества. Прямо подчеркивается, что участники Содружества “рассматривают совместную деятельность по предотвращению и урегулированию конфликтов, в том числе и проведение миротворческих операций, как важнейшую составную часть своей политики по укреплению национальной безопасности, сохранению территориальной целостности и независимости своих государств”¹⁷.

Отмечается, что наиболее предпочтительным путем разрешения споров и предотвращения конфликтов является использование превентивных мер и превентивной дипломатии. Последние предпринимаются на основе обращения государства, безопасности которого создается угроза.

Особое внимание в Концепции обращается на привлечение к деятельности по урегулированию и предотвращению конфликтов на территории стран СНГ ООН и ОБСЕ. Рекомендуются, в частности, “при осуществлении операций по предотвращению и урегулированию ...исходить из наличия на это мандата Совета Безопасности ООН и ОБСЕ”¹⁷. Подчеркивается, что принуждение к миру может происходить только с согласия и на основе мандата СБ ООН.

Однако, как справедливо отмечают некоторые российские эксперты¹⁸, в СНГ так и не удалось, несмотря на приложенные усилия, в середине 90-х годов создать эффективную систему коллективной безопасности, основанную на сочетании превентивных мер и миротворческих операций. Это связано с тем, что межгосударственные разногласия на постсоветском пространстве слишком сильны и потому приемлемый уровень доверия, необходимый для объединения государств, для создания некоего надгосударственного органа, контролирующего безопасное развитие, в 90-е годы не был создан.

В этой ситуации представляется, что в условиях существования пока все еще относительно тесных связей между странами постсоветского пространства, сравнительно одинаковой системы политической власти и схожести политической культуры, наиболее предпочтительным и целесообразным для разрешения разногласий и проблем реанимировать и задействовать превентивные механизмы, предусмотренные решениями Совета глав государств Содружества Независимых Государств.

Целый ряд политико-правовых документов, в том числе Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств-участников Содружества Независимых Государств, создают достаточную пра-

вовую базу для проактивных действий Содружества в этом направлении.

Предусмотренные в этих документах меры взаимодействия и координации усилий с ООН, ОБСЕ и другими международными и региональными структурами расширяют возможности маневра у субъектов превентивной дипломатии на базе международно признанных норм и правил, причем принимаемые Содружеством или другими общими структурами постсоветского пространства меры в силу обозначенных выше причин и факторов были бы более приемлемыми и реаль-

ными, нежели решения других организаций, членами которых состоят эти страны, но с которыми имеют менее тесные связи.

Другим возможным, но более ограниченным вариантом была бы проекция этих задач на структуры Организации Договора о коллективной безопасности, членами которой являются ряд стран СНГ. Обеспечение общей безопасности стран-участниц, в чем заключается главная задача Организации, в том числе за счет применения превентивной стратегии, было бы в русле ее компетенции.

Проведенный анализ в региональном разрезе показывает суть теории и практики превентивной дипломатии как целостной концепции предотвращения и урегулирования конфликтов, ее достаточную эффективность и рациональность.

Целый спектр методов и инструментов ее реализации – укрепление мер доверия, установление фактов и раннее предупреждение – уже давно стали предметом повседневной деятельности субъектов превентивной дипломатии и доказали свою состоятельность и результативность на практике.

Деятельность официальных миссий добрых услуг или посредничества, работа наблюдателей по правам человека, предоставление адресной экономической помощи, принятие новых государств в члены международных и региональных организаций, меры по развитию демократии, применение при необходимости санкций и мер давления дали возможность оказать поддержку конструктивно настроенным силам, оставить открытыми каналы для переговоров, контролировать назревающие акты насилия и предлагать варианты урегулирования конфликтов.

Все это позволило и позволяет избежать ненужных человеческих жертв и излишних материальных расходов. При этом часть инструментов и методов превентивной дипломатии имеет весьма эпизодичное применение и вопрос их востребованности и эффективности все еще остается предметом дискуссий.

Примечания:

¹ Бутрос-Гали. Б. Повестка дня для мира. Изд. 2-е. Нью-Йорк, 1995. С. 99, 11.

² Действующее международное право. М., 1997. Т. 2. С. 280–286.

³ Review of Preventive Diplomacy in the Asia-Pacific Region. Prepared by CSCAP Singapore for the CSCAP Working Group on CSBMs/ Workshop on Preventive Diplomacy. Bangkok. Thailand, 28 February – 2 March 1999; *Конаровский М.А.* Превентивная дипломатия в Азии: проблемы и перспективы // Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий. М., 2004. С. 82–90.

⁴ *Gutto, Shadrock B.O.* The OAU's new mechanism for conflict prevention management and resolution and the controversial concept of humanitarian Intervention in International Law. African Society of international and Comparative Law. 1996 Annual conference. 7th August 1995. P. 348–357; *Salim, Salim Ahmed* Preventive Diplomacy Among African States Disarmament. Vol. 13. № 13. 1990. P. 174–189.

- ⁵ Общевропейская встреча в верхах. Париж 19–21 ноября 1990 г. М., 1991. С. 13.
- ⁶ *Ermasoga F.* Rights of Minorities and Self-Determination in the Framework of the CSCE // Bloed A., Van Dijk P. (eds.). The Human Dimension of the Helsinki Process. The Vienna Follow-up Meeting and its Aftermath. Dordrecht/Boston/London: Martinus Nijhoff, 1991. P. 197–206.
- ⁷ *Ремакль Э.* Предупреждение конфликтов и права национальных меньшинств. Опыт СБСЕ // www.poli.vub.ac.be/publi/enti-3/remacle.htm; *Stoel M. van der.* The Role of the CSCE High Commissioner on National Minorities in CSCE Preventive Diplomacy // The Challenge of Preventive Diplomacy. The experience of the CSCE. Ed. By Staffan Carlsson. Stockholm, 1994. P. 33–55 .
- ⁸ *Rottfeld A.D.* Preventive Diplomacy and the OSCE: Some Lessons from the Past and Suggestions for the Future // Preventive Diplomacy: The United Nations and the OSCE. Ed. By Dr. Daniel Warner. PSIO Occasional Paper. Geneva, Switzerland. Number 1/1996. P. 69–83; *Ремакль Э.* Предупреждение конфликтов и права национальных меньшинств. Опыт СБСЕ // www.poli.vub.ac.be/publi/enti-3/remacle.htm
- ⁹ *Gurr T.R.* Early – Warning Systems: From Surveillance to Assessment to Action // Preventive Diplomacy. Stopping wars before they start. Ed. By Kevin M. Cahill M.D. N.-Y., 2000. P. 243–250.
- ¹⁰ Дополнительный документ об осуществлении определенных положений, содержащихся в Парижской хартии для новой Европы. Действующее международное право. М., 1997. Т. 2. С. 227.
- ¹¹ *Gheballi V.-Y.* Preventive Diplomacy as Visited from the OSCE. The Limits of Preventive Diplomacy // 3rd International Security Forum and 1st Conference of the PFP Consortium of Defense Academies and Security Studies Institutes “Networking the Security Community in the Information Age”, 19-21 October 1998, Switzerland. P. 4–5.
- ¹² Preventive Diplomacy: The United Nations and the OSCE. Ed. By Dr. Daniel Warner. PSIO Occasional Paper. Geneva, Switzerland. Number 1/1996. P. 118, 120.
- ¹³ *Acharya A.* Preventive Diplomacy. Issues and Institutions in the Asia – Pacific Region // In: Managing Security and Peace in the Asia Pacific. Malaysia, Kuala Lumpur, 1996. P. 238–239, 22–23; 30–35.
- ¹⁴ АСЕАН и проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Восток / Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А.Д.Воскресенского. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2002. С. 463, 479.
- ¹⁵ ASEAN Regional Forum (Track Two Conference). Summary Report. Vladivostok. 27.04.1999. P. 6–7.
- ¹⁶ *Конаровский М.А.* Превентивная дипломатия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы // Восток. 2001. № 5. С. 52.
- ¹⁷ Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств – участников Содружества Независимых Государств // Дипломатический вестник. 1996. № 2. С. 38–42.
- ¹⁸ *Мальшева Д.* Проблемы стабильности на Кавказе и международный опыт урегулирования и разрешения конфликтов // www.nns.ru/press-file/dagestan/expert.

НАТО в миротворческом процессе

Владимир Штоль,
доктор политических наук, профессор

В связи с вооруженными конфликтами как в Европе, так и за ее пределами НАТО в 90-е годы прошлого столетия стала разрабатывать планы своего участия в миротворческих действиях.

В этой связи возникла, по мнению натовских аналитиков, необходимость дополнения действующей системы коллективной безопасности новыми элементами для “миротворческой деятельности”. При этом основные задачи формулируются следующими образом:

- своевременное предотвращение конфликтов и разрешение их до начала их интенсивной эскалации;
- вооруженное вмешательство для принуждения к миру и восстановления безопасности.

Отсюда делается вывод: для выполнения этих задач НАТО необходимы более совершенный механизм принятия решений и гибкая структура командования вооруженных сил.

Считается, что НАТО в новых условиях должна более тесно взаимодействовать с другими членами Североатлантического договора, а также другими государствами под мандатом ООН или ОБСЕ. При этом НАТО претендует на особую роль в международном управлении кризисами. Более того, новые структуры должны быть приемлемы для европейских стран, входящих в ЗЕС, что позволит избежать дублирования при развертывании ВС.

Политическая база для обоснования роли НАТО в миротворческих операциях была заложена на министерской сессии Североатлантического совета (июнь 1992 г., Осло). Тогда министры иностранных дел стран НАТО объявили о своей готовности оказывать поддержку – на разовой основе – миротворческой деятельности под эгидой Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ/ОБСЕ). Это включало предоставление сил, средств и опыта НАТО для проведения миротворческих операций. Позднее (декабрь 1992 г.) Североатлантический союз выразил готовность оказывать поддержку миротворческим операциям под эгидой Совета Безопасности ООН.

Поэтому в натовской стратегической концепции 1999 г. указывается, что “НАТО в сотрудничестве с другими организациями будет содействовать предотвращению конфликтов, а в случае возникновения кризиса – участвовать в его эффективном урегулировании в соответствии с международным правом, ... обеспечивать в зависимости от конкретного

случая и в соответствии с собственными процедурами проведение миротворческих и иных операций под эгидой Совета Безопасности ООН или под ответственность ОБСЕ, в том числе путем предоставления своих ресурсов и опыта”.

Правовой основой для решения подобных вопросов является гл. VIII Устава ООН и Вашингтонский договор (1949 г.), подтверждающий приверженность Североатлантического союза основополагающим принципам ООН.

Если говорить об иерархии такого рода акций, то очевиден приоритет ООН, прежде всего в силу ее универсального характера. Все члены Организации Объединенных Наций, в том числе члены регионального соглашения НАТО, приняли на себя обязательства и по гл. VIII Устава ООН, который обязывает участников договоров регионального уровня приложить все усилия для достижения мирного разрешения споров, относящихся к поддержанию мира и безопасности, до передачи их в Совет Безопасности. Именно СБ ООН, согласно Уставу ООН, должен быть всегда информирован о миротворческих действиях, предпринятых или намечаемых на основе региональных соглашений или региональными органами.

“Совет Безопасности использует, где это уместно, также региональные соглашения или органы для принудительных действий под его руководством. Однако никакие принудительные действия не предпринимаются, в силу этих региональных соглашений или региональными органами, без полномочий от Совета Безопасности” (Ст. 53 Устава ООН).

Руководство НАТО считает, что за последние годы альянс участвовал в трех операциях НАТО по поддержанию мира в Европе – Боснии и Герцеговине, в Косово и в бывшей югославской Республике Македония, а также в действиях в Афганистане, Ираке и Дарфуре (Судан).

Стоит рассмотреть натовское миротворчество более подробно.

Республика Босния и Герцеговина

На основе принятого в 1945 г. Устава, приоритет ООН в отношении применения принудительных действий любыми региональными организациями незыблем. Однако события, связанные с инспирированной Западом войной, в ходе которой распалась Югославия, показали, что страны, входящие в НАТО, отнюдь не привержены этому принципу. ООН, в частности ее Совет Безопасности, приняла немало резолюций в связи с этими событиями сначала по Югославии, а затем по входившим в нее территориям, прежде всего по Республике Боснии и Герцеговине.

Начиная с 1992 г., ряд резолюций Совета Безопасности ООН уже давал полномочия НАТО, но так, что этого почти никто не понимал. Чаще всего

НАТО скрывалась за словами “региональные организации или союзы”.

Так, например, в резолюции № 776 от 14.09.1992 г. о расширении мандата UNPROFOR (Силы ООН по охране) предлагалось “региональным организациям или союзам” оказать генеральному секретарю финансовую или другую помощь...

Резолюция № 781 от 9.10.1992 г. призывала “государства на национальном уровне или через региональные организации или союзы предпринять все необходимые меры для обеспечения помощи UNPROFOR на базе специального наблюдения и других возможностей...”.

Резолюция № 787 от 16.11.1992 г. “...призывает государства в национальном плане или через региональные организации или союзы использовать... меры... для безопасности всех морских поручений

при входе и выходе к цели контроля, проверки товара, а также обеспечения приведения в жизнь резолюций № 713 и № 757". Резолюция 816 от 31.03.1993 г. "Обязует государства-члены... самим или через региональные организации или союзы... предпринять все необходимые меры в воздушном пространстве республики БиГ в случае дальнейших нарушений...".

С 12 апреля 1993 г. по просьбе генерального секретаря ООН полеты в воздушном пространстве Боснии и Герцеговины осуществляли самолеты НАТО для соблюдения режима "бесполетной зоны". С этого времени роль UNPROFOR ограничивалась наземным наблюдением, а "все меры, связанные с принуждением, осуществлялись НАТО".

В июне 1993 г. в Резолюции № 836 об употреблении воздушных сил в Боснии и Герцеговине было принято решение о том, "чтобы государства-члены..., действуя на национальном плане или через региональные организации или союзы, предприняли на основе полномочия Совета Безопасности и в тесной координации с генеральным секретарем и UNPROFOR все необходимые меры с применением воздушных сил... как поддержка UNPROFOR в осуществлении его мандата".

В июне же 1993 г. министры иностранных дел стран НАТО приняли решение о предоставлении защиты с воздуха силам обороны ООН на территории Югославии. Уже в июле самолеты НАТО начали проводить учебные полеты для обеспечения непосредственной авиационной поддержки.

Таким образом, конфликт на территории Югославии достаточно быстро и серьезно стал обсуждаться в НАТО, причем с военных позиций.

Уже на декабрьской сессии (1992 г.) Комитета военного планирования НАТО на уровне министров обороны было принято решение, которое, с различными оговорками, тем не менее

предусматривало возможность прямого военного вмешательства в югославский конфликт.

Надо заметить, что не все официальные деятели Запада разделяли подобный подход.

В качестве примера можно процитировать министра иностранных дел Англии Дугласа Хэрда: "НАТО – это не международная полиция. И это, конечно, не армия крестоносцев, которые выступают, чтобы с помощью силы разъединить воюющие войска или водрузить знамя на чужой земле. В ее полномочия не входит навязывать странам, не являющимся элементами НАТО, западные представления о ценностях или улаживать споры между другими государствами. НАТО не может заменить ООН, СБСЕ или Европейское сообщество. Прежде всего, ООН с ее особым правовым авторитетом не имеет себе равных".

Несмотря на подобную позицию ряда европейских стран, НАТО с июля 1992 г. приступила к выполнению резолюции Совета Безопасности ООН по Югославии: корабли, входящие в постоянное соединение ВМС НАТО в Средиземноморье, осуществляли в Адриатическом море контроль за соблюдением торгового эмбарго против Сербии и Черногории и эмбарго на поставку оружия всем бывшим республикам Югославии (согласно резолюциям Совета Безопасности № 713 и № 757).

Был начат также контроль над воздушной зоной Боснии и Герцеговины, запрещенной для полетов (резолюция № 836).

Как отмечалось в докладе генерального секретаря ООН, после отказа сербов принять план Вэнса-Оуэна, Организация Североатлантического договора "в рамках регионального договора" приступила к проведению предварительных исследований о возможности участия военных групп НАТО "в планировании широкой оперативной концепции осуществления мирного плана

для Боснии и Герцеговины” или осуществления задач военного характера в рамках мирного плана. НАТО предложила провести наземную разведку и связанные с этим мероприятия, а также “рассмотреть возможность предоставления ключевой штабной структуры, предусматривающей возможность взаимодействия других стран, которые могут направить свои воинские контингенты”.

Итак, вполне конкретные военные цели прикрывались миротворческой фразеологией, но со временем это прикрытие становилось все тоньше и тоньше. Постепенно все отчетливее обозначалась триединая задача сил НАТО в так называемой миротворческой концепции ООН:

- военно-морские операции;
- военно-воздушные операции;
- операции по защите персонала ООН.

Так вот, последняя задача, так необходимая миротворцам, практически натовцами игнорировалась.

Начиная с августа 1993 г., в UNPROFOR уже были созданы оперативные механизмы предоставления НАТО военно-воздушных сил для обеспечения охраны персонала ООН. Как отмечал генеральный секретарь ООН Б.Бутрос-Гали, эти механизмы прошли проверку в ходе ряда учений и целиком были готовы для использования, были также подготовлены и планы военных операций.

С начала 1994 г. США приняли решение использовать в бывшей Югославии не только ВВС и ВМС, но и сухопутные силы НАТО: проводилось оперативное планирование, собиралась информация и анализировалась обстановка на театре военных действий, осуществлялась подготовка расквартированных в Европе подразделений, в Хорватию и Боснию были направлены американские военные специалисты.

Постепенно ООН переходит на роль “политического прикрытия” для действий военного блока.

Тенденция перехода к новой концепции миротворчества в ООН проявлялась отчетливо. Б.Бутрос-Гали в начале 1994 г. приветствовал тесное сотрудничество ООН и НАТО.

С 10 января 1994 г. между НАТО и ООН продолжились уже открытые дискуссии об участии Североатлантического союза в миротворческих операциях в бывшей Югославии. Согласно полномочиям, полученным по резолюциям № 836 и № 913, все планы применения силы в БиГ отныне разрабатывались совместными усилиями НАТО и UNPROFOR. Присутствие оперативных представителей НАТО в штабе UNPROFOR в Загребе значительно увеличилось.

Итак, с самого начала НАТО уделяла большое внимание активной проработке планов непосредственных силовых акций.

Особенно активно она занялась в январе–феврале 1994 г. обсуждением возможностей ударов с воздуха по боснийским сербам, окружившим Сараево. Ситуация значительно обострилась после взрыва (5 февраля 1994 г.), от которого в городе погибли 68 чел. и около 200 получили ранения.

Напомним, что еще в августе 1993 г. Совет НАТО принял решение о начале немедленной подготовки к авиационным ударам. В этой связи военное руководство НАТО разработало несколько оперативных вариантов бомбардировок.

Один из вариантов предусматривал ограниченные бомбардировки позиций сербской артиллерии и танков, обстреливавших Сараево.

Другой – предполагал осуществление налетов на центры управления, дороки и склады в районе Сараево. Наиболее жесткий вариант предусматривал

бомбардировки широкого круга сербских объектов на территории Боснии.

“Эти варианты, – писал Майкл Гордон в “Нью-Йорк тайм”, – позволяя НАТО постепенно усилить военный нажим... Конкретные цели будут предложены американским генералом Джереми Бурда, главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в Южной зоне Европы, потребуются также одобрение генерала Жака Кота, который командует силами ООН по охране на Балканах”.

Тогда же (август 1993 г.), генеральный секретарь НАТО Манфред Вернер заявил: “С 22 июля (1993 г. – Авт.) НАТО готова задействовать свою авиацию на основе резолюции Совета Безопасности № 836”.

12 августа 1993 г. Совет НАТО одобрил “Оперативные варианты ударов с воздуха в Боснии и Герцеговине”, представленные Военным комитетом альянса.

Однако ознакомление с резолюцией № 836 (принята Советом Безопасности 4 июня 1993 г.), на которую сослался М.Вернер, приводит к выводу, что она не дает никаких полномочий НАТО на бомбардировку целей вокруг Сараево. Резолюция ограничилась лишь подтверждением ранее установленного запрета на военные полеты в воздушном пространстве Республики Боснии и Герцеговины и указанием в п. 10 на то, что государства-члены ООН, действуя на национальном уровне или через региональные организации или соглашения, могут принимать под руководством Совета Безопасности и при условии координации с генеральным секретарем и СООНО (Силы ООН по охране. – Авт.) все необходимые меры путем применения военно-воздушных сил.

Ссылка в резолюции на необходимость руководства действиями авиации со стороны Совета Безопасности ООН **исключает возможность проведения** без решения этого органа конкретных операций любых ВВС.

Из этого совершенно ясно, что удары военной авиации НАТО по Сараево и его окрестностям могли быть осуществлены только на основе специальных резолюций Совета Безопасности.

Тем не менее, НАТО от своего имени предъявила ультиматум боснийским сербам отвести в десятидневный срок (до 1 часа ночи 21 февраля 1994 г.) на 20 км от Сараево свое тяжелое вооружение. Ультиматум был подкреплён угрозой нанести удар с воздуха. Это сделало реальной возможность прямого военного вмешательства в межобщинный конфликт в Боснии.

Таким образом, готовилась действительно большая военная операция, чреватая непредсказуемыми последствиями.

После объявления ультиматума генеральный секретарь ООН Б.Бутрос-Гали на встрече представителей стран НАТО в Брюсселе поддержал идею нанесения воздушных ударов по боснийским сербам. Он утверждал даже, что для этого не требуется специального решения Совета Безопасности, а достаточно лишь положительного решения Совета НАТО.

“Я наделен полномочиями, – заявил он, – нажать кнопку” относительно воздушной поддержки... но для воздушных ударов необходимо будет решение Совета НАТО...”. При этом он сослался на ежедневные контакты с официальными лицами США и НАТО.

Заявление генерального секретаря ООН напомнило претензии некоторых его предшественников в годы “холодной войны”, весьма “расширительно” истолковывавших свои полномочия.

Поэтому комментарий главы дипломатического ведомства Египта А.М.Муса выглядит вполне закономерно: “Все прекрасно знают, что он (то есть Б.Бутрос-Гали – Авт.) является то соучастником, то исполнителем стратегии и тактики США”.

Лишь решительная позиция России позволила миру избежать резкого расширения конфликта. Кроме того, российский воздушно-десантный батальон, входящий в состав “голубых касок” ООН, вступив в Грбавицу (пригород Сараево), разделил сербов и мусульман, что и обеспечило прекращение огня.

После подписания Мирного соглашения по Боснии (Париж, 14 декабря 1995 г.) Североатлантический союз создал и возглавил *Многонациональные силы по выполнению соглашения (ИФОР–IFOR)*, перед которыми была поставлена задача выполнения военных аспектов соглашения.

В соответствии с приложением 1А Мирного соглашения операцию “*Джойнт индвор*” возглавляла НАТО под политическим управлением и контролем Североатлантического совета. Система военного управления ИФОР строилась по принципу единоначалия. Общее военное руководство осуществлял Верховный главнокомандующий объединенных вооруженных сил НАТО в Европе.

Передовая оперативная группа обеспечения развертывания прибыла в Боснию и Хорватию 2 декабря 1995 г. для организации штаб-квартиры, установления связи и налаживания работы тыла, необходимых для принятия основных сил выполнения соглашения (численностью в 60 тыс. чел.).

Развертывание основных сил началось 16 декабря 1995 г. после окончательного утверждения оперативного плана (ОПЛАН) Североатлантическим советом и резолюции Совета Безопасности ООН № 1031 от 15 декабря, дающей полномочия на проведение операции ИФОР.

Передача полномочий от командующего миротворческими силами ООН командующему ИФОР проводилась 20 декабря, после утверждения Советом НАТО развертывания основных сил. В этот день все силы НАТО и войска стран, не входящих в

НАТО и участвующих в операции, перешли под командование и/или управление командующего ИФОР. При этом ИФОР обеспечили условия для безопасного, упорядоченного и своевременного вывода оставшихся сил ООН, не переходивших под командование и/или управление НАТО.

К 19 января 1996 г., через 30 дней после передачи полномочий ИФОР от СООНО, стороны, подписавшие соглашение, вывели свои войска из зоны разделения с обеих сторон согласованной линии прекращения огня. На 3 февраля все войска были выведены из подлежащих передаче районов. Передача территорий между боснийскими образованиями была завершена к 19 марта и вдоль пограничной линии между образованиями была установлена новая зона разделения.

По условиям Мирного соглашения, все тяжелое оружие и войска должны были к 18 апреля быть собраны в районах расквартирования или демобилизованы.

Это было последним этапом выполнения военного приложения к Мирному соглашению.

По техническим причинам стороны, подписавшие мирное соглашение, не смогли завершить вывод и демобилизацию или сбор в районах расквартирования тяжелого оружия и войск к установленному сроку. Однако к пересмотренному сроку, установленному ВГК ОВС НАТО в Европе на 27 июня 1996 г., сбор тяжелого оружия в районах расквартирования был завершен.

После проведения выборов в Боснии (сентябрь 1996 г.) считается, что ИФОР завершили выполнение своей задачи.

Однако в то время уже было ясно, что предстояло еще провести большую работу в гражданской области, и общая обстановка будет оставаться потенциально неустойчивой и опасной. Поэтому министры обороны стран НАТО на неофициальной встрече (г. Берген, Норвегия) приняли решение о том, что Североатлантическому союзу необходимо рассмотреть возможности и после истечения мандата ИФОР (декабрь 1996 г.) оказывать поддержку для создания условий безопасности.

В ноябре и декабре 1996 г. в Париже был утвержден двухлетний план укрепления мира, который затем был доработан в Лондоне под эгидой Совета по выполнению мирного соглашения, созданного в соответствии с Мирным соглашением.

На основе этого плана и изучения в НАТО вариантов обеспечения безопасности министры иностранных дел и министры обороны стран НАТО приняли решение о том, что для обеспечения стабильности требуется присутствие в стране меньших по численности военных сил, – *Сил стабилизации (СФОР-SFOR)* – которые должна была организовать НАТО.

По резолюции Совета Безопасности ООН № 1088 от 12 декабря 1996 г., Силам стабилизации как законному приемнику ИФОР было поручено выполнение военных аспектов Мирного соглашения в соответствии с Главой VII Устава ООН (принуждение к миру). СФОР получили аналогичную ИФОР установку на жесткое применение силы, если это потребуется для выполнения поставленной задачи и самообороны.

На основе общего соблюдения условий Дейтонского соглашения меньшие по численности СФОР могли сосредоточить свои усилия на выполнении всех положений Приложения 1А Мирного соглашения.

Планами НАТО предусматривалось проведение операции СФОР в срок 18 месяцев при пересмотре численности войск по истечении 6 и 12 месяцев для перенесения центра тяжести с задач стабилизации на задачи сдерживания и завершения операции к июню 1998 г.

По результатам анализа (июнь 1997 г.) был сделан вывод о том, что

за исключением некоторых корректировок состава сил в период муниципальных выборов, значительных изменений в численности и потенциале СФОР не потребуется до тех пор, пока Североатлантический совет после консультаций со странами, не входящими в НАТО и выделившими свои воинские контингенты в группировку, не проведет тщательную оценку военного положения в БиГ после выборов.

В декабре 1997 г. министрами иностранных дел и министрами обороны стран НАТО был принят ряд дополнительных решений, связанных с выполнением Мирного соглашения по Боснии и Герцеговине.

Североатлантический совет провел рассмотрение операции СФОР и подтвердил, что при продолжении выполнения силами своего мандата их численность будет оставаться на прежнем уровне (при осторожной корректировке). При этом Североатлантический совет наметил переходную стратегию, предполагающую регулярный пересмотр численности сил и их постепенное сокращение, а также передачу их обязанностей компетентным общим институтам, гражданским органам власти и международным органам после создания необходимых для этого условий.

По мере стабилизации ситуации в Боснии и Герцеговине НАТО проводила структурную перестройку Сил по стабилизации и уменьшала их численность.

К началу 2002 г. первоначальная численность 32 тыс. чел. была сокращена приблизительно до 19 тыс. военнослужащих из 17 государств-членов НАТО и 15 государств, не входящих в НАТО*, включая российский воинский контингент.

* В разное время войска выделяли Австрия, Албания, Аргентина, Болгария, Египет, Иордания, Ирландия, Латвия, Литва, Марокко, Румыния, Словакия, Словения, Украина, Швеция, Финляндия и Эстония.

К январю 2003 г. численный состав СФОР был еще больше сокращен и составил 12 тыс. военнослужащих.

Они могли быть при необходимости усилены за счет сил стратегического резерва. Их мандат не изменился – содействовать поддержанию безопасной обстановки в соответствии с Дейтонским мирным соглашением.

Улучшение общей обстановки в сфере безопасности в Боснии и Герцоговине в 2003 г., в том числе в результате успешных действий подразделений по обезвреживанию боеприпасов, уничтоживших большое число гранат, мин, боеприпасов к винтовкам, пистолетам и т.п., позволило НАТО к середине 2004 г. еще больше сохранить численность СФОР.

Оставшийся контингент сил сдерживания насчитывает приблизительно 7 тыс. военнослужащих.

Руководители Североатлантического союза на основе анализа обстановки в Боснии и Герцоговине отмечали прогресс, достигнутый после развертывания в 1995 г. Сил по выполнению мирного соглашения под руководством НАТО, и позитивную роль СФОР. Они договорились о завершении операции СФОР к концу 2004 г. и передаче Европейскому союзу миссии по обеспечению

нию безопасности в Боснии и Герцоговине.

На стамбульском саммите (июнь 2004 г.), учитывая положительное развитие обстановки в сфере безопасности в Боснии и Герцоговине, руководители стран Североатлантического союза подтвердили свое решение завершить миротворческую миссию НАТО и приветствовали готовность Европейского союза принять на себя ответственность за новую миссию – операцию “*Алтея*”, для проведения которой ЕС развернул в Боснии и Герцоговине новые силы *ЕСФОР*.

Хотя роль НАТО как главного “поставщика” безопасности в Боснии и Герцоговине с завершением миссии СФОР закончилась, но НАТО своими обязательствам в БиГ придала новые формы.

В порядке остаточного военного присутствия Североатлантический союз 2 декабря 2004 г. создал там штаб для содействия национальным органам власти при проведении военной реформы и подготовки к возможному будущему участию в программе “Партнерство ради мира”. Этот штаб также выполняет и другие задачи: борьба с терроризмом и обмен разведанными с Европейским союзом.

Афганистан: миротворчество или оккупация?

К миротворческой операции НАТО можно, хотя и с натяжкой, отнести присутствие сил блока в Афганистане.

После разгрома талибов, осуществленного США под видом антитеррористической операции, афганские лидеры при международной поддержке провели встречу в Бонне (Германия), чтобы начать процесс восстановления страны. Была создана новая государственная структура – Переходная администрация Афганистана.

Для обеспечения приемлемых условий безопасности работы Переходной администрации и Миссии содействия Организации Объединенных Наций в Афганистане в Кабуле и прилегающей местности в соответствии с решением Совета Безопасности ООН (20 декабря 2001 г.) были созданы *Международные силы содействия безопасности (ИСАФ)*.

В задачу Международных сил содействия безопасности входило:

– содействие Переходной админи-

страции в установлении контроля на всей территории страны;

– восстановление стабильности и безопасности во взаимодействии с подразделениями Афганской национальной армии и полиции;

– оказание технической и материальной помощи при реформе силового сектора.

Первоначально Международные силы содействия безопасности возглавлялись Великобританией, а затем Турцией.

В феврале 2003 г. Германия и Нидерланды совместно приняли на себя руководство ИСАФ и обратились к Североатлантическому союзу за поддержкой.

В августе 2003 г. ИСАФ перешли под непосредственное руководство Североатлантического союза.

Таким образом, **впервые за 54-летнюю историю своего существования Североатлантический блок возглавил военные операции, проводимые вне Европы.**

Персонал НАТО должен был вести работу под флагом ИСАФ и в рамках мандата ООН и действовать в соответствии с резолюциями ООН.

Кроме этого, к НАТО перешло и политическое руководство ИСАФ, которое стало осуществляться Североатлантическим советом по согласованию с не входящими в НАТО странами, выделившими свои воинские контингенты.

В октябре 2003 г. НАТО создала должность Главного гражданского представителя, чтобы представлять политическое руководство блока в Кабуле, для развития политических и военных аспектов деятельности Североатлантического союза.

Главный гражданский представитель должен был:

– тесно взаимодействовать в своей работе с командующим ИСАФ;

– находиться в контакте с афганским правительством и Миссией содействия ООН в Афганистане, а также с представителями международного сообщества, других международных и неправительственных организаций в Афганистане.

Общее стратегическое командование и управление ИСАФ осуществляется Верховным главнокомандующим Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе через Командование ОВС НАТО по операциям, тогда как Командование объединенных сил НАТО в Брюсселе (Нидерланды) выступает в качестве штаба оперативного уровня, осуществляющего координацию между штабом ИСАФ в Кабуле и стратегическим командованием (Монс, Бельгия) и отвечающего за укомплектование, развертывание и обеспечение операции.

Как уже указывалось, первоначально задачи Международные силы содействия безопасности ограничивались обеспечением безопасности в Кабуле и его окрестностях.

Однако в октябре 2003 г. резолюция № 1510 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций санкционировала расширение деятельности ИСАФ за пределами Кабула, чтобы помочь правительству Афганистана взять под контроль остальную часть территории страны и обеспечить укрепление безопасности в регионах, поддержку реформы сектора безопасности и использование имеющихся сил и средств для содействия восстановлению провинций.

Помимо задач силового миротворчества (*“миротворчества по принуждению”*) на силы ИСАФ были возложены также функции по реконструкции инфраструктуры страны. Для этого в рамках ИСАФ были созданы так называе-

мые “Группы восстановления провинций” (ГВП)*.

В декабре 2003 г. Североатлантический совет уполномочил Верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе приступить к расширению группировки. Это происходило поэтапно и параллельно с созданием под началом НАТО во всей стране Групп восстановления провинций (ГВП).

Начавшись с Кабула и прилегающих территорий, расширение операций ИСАФ проходило в начале на север страны (2003–2004 гг.), затем на запад (2005 г.) и, наконец, в 2006 г. – на юг и восток Афганистана.

Первый этап начался в декабре 2003 г. с приказа ВГК ОВС НАТО в Европе генералу Джеймсу Джонсу начать расширение сферы деятельности ИСАФ, приняв под командование ГВП в Кундузе, которой прежде руководила Германия.

На стамбульской встрече в верхах (27–28.06.2004 г.) Североатлантический союз объявил о своем намерении создать еще 4 ГВП на севере страны (Мазари-Шариф, Мейман, Файзабад и Пули-Хумри) и базу тылового обеспечения недалеко от Мазари-Шарифа. Работы были завершены в октябре 2004 г. и на этом закончился первый этап расширения ИСАФ. В результате район действий ИСАФ составил около 3,6 тыс. кв. км в самом Кабуле и его

окрестностях и примерно 185 тыс. кв. км на севере страны, тем самым укрепив безопасность в 9 северных провинциях Афганистана.

31 мая 2005 г. в район действий ИСАФ были включены западные территории Афганистана – ГВП в Фарахе и Герате, ранее действовавшие в рамках операции “Эндюринг Фридом”**.

Кроме вышеупомянутых баз, в сентябре 2005 г. ИСАФ учредили ГВП в Калех-Нове и Чахчанаре, а также центр тылового обеспечения – базу обеспечения передовых частей в Герате.

В результате под началом ИСАФ оказались уже 9 ГВП, содействовавших обеспечению безопасности на половине территории Афганистана. К 9 октября 2004 г. общая численность контингента НАТО в Афганистане составила свыше 10 тыс. военнослужащих.

Расширение операции ИСАФ помогло обеспечить безопасность во время президентских (октябрь 2004 г.) и парламентских (сентябрь 2005 г.) выборов. НАТО оказала дополнительное содействие, развернув специальную Группу поддержки выборов, которая совместно с Афганской национальной полицией и Афганской национальной армией обеспечивала безопасность на избирательных участках и прилегающей местности.

Третий этап расширения ИСАФ начался летом 2006 г.

* “Группы восстановления провинций” состоят из международного гражданского персонала и военнослужащих. Их военные компоненты подчинены ИСАФ.

Главная задача этих групп – помочь правительству Афганистана утвердить свою власть в провинциях и содействовать обеспечению безопасности в регионах.

Это включает налаживание отношений с местными органами власти, упрочение безопасности в районах проведения операций, поддержку реформы сектора безопасности, содействие восстановлению провинций. Состав и географический охват ГВП определяется руководящими военными органами НАТО при активных консультациях с Миссией ООН по оказанию помощи в Афганистане и афганскими властями.

** “Эндюринг Фридом” (“Несокрушимая свобода”) – контртеррористическая операция в Афганистане, возглавляемая Соединенными Штатами Америки.

В район действий руководимого НАТО контингента ИСАФ вошли 6 провинций на юге Афганистана и еще 4 ГВП в Кандагаре, Лашкар-Гахе, Тарин-Ковте и Калате.

31 июля командующий ИСАФ принял руководство данными территориями от командования возглавляемой США контртеррористической операции “Эндюринг Фридом”.

Таким образом, всего в составе ИСАФ оказалось 13 ГВП на севере, западе и юге, охватывая примерно три четверти афганской территории.

Все эти мероприятия сказались и на численном составе контингента НАТО. Он увеличился вдвое и составил 20 тыс. военнослужащих.

В октябре 2006 г. ИСАФ провели заключительный этап расширения – в район действий были включены 14 провинций на востоке Афганистана. Это произошло при передаче под начало ИСАФ подразделений, ранее действовавших в составе коалиционных сил “Эндюринг Фридом”. Одновременно под руководство НАТО поступили еще 11 ГВП и база обеспечения передовых частей.

Теперь операция НАТО охватывает всю территорию Афганистана. В состав ИСАФ входит свыше 30 тыс. военнослужащих из 35 стран и 24 ГВП.

Кроме расширения района действий, для повышения роли ИСАФ как фактора безопасности было проведено прикрепление к подразделениям Афганской национальной армии на различных уровнях военного управления специальных групп ИСАФ (в составе представителей офицерского и сержантско-старшинского состава), в задачу которых входили инструктаж и курирование этих подразделений, а также обеспечение взаимодействия.

В 2006 г. руководство НАТО предприняло очередной шаг для “оптими-

зации структуры и функций ИСАФ в Афганистане”.

Было решено разделить территорию страны на четыре относительно равные части – оперативные регионы и отдельно – столичный или центральный регион, каждый из которых подчинить одной из ведущих стран НАТО с назначением от этой же страны регионального командующего, облеченного полной, фактически оккупационной властью:

- в центре (г. Кабул) – Франция (затем Турция);
- на западе – Италия;
- на юге – Великобритания (затем Канада и в самое последнее время – Нидерланды);
- на востоке – США;
- на севере – Германия.

Когда США и НАТО осенью 2001 г. объявили о победе над талибами, командование в Афганистане утверждало, что для полного подавления сопротивления экстремистов потребуются от трех до пяти лет. Считалось, что проправительственные силы и заново создаваемая афганская армия будут держать страну под контролем, а ИСАФ только в особых случаях станут оказывать поддержку.

В первый период так оно и было. Но затем все пошло иначе.

Спустя 6 лет после начала военной кампании США и союзников, ситуация в Афганистане не только не улучшилась, но за последнее время стала серьезно ухудшаться. Сопротивление талибов оказалось гораздо сильнее, чем изначально предполагалось.

Правительство Х.Карзая не контролирует ситуацию на всей территории страны: на юге фактически идет гражданская война и только за последний год (2006 г.) в Афганистане погибли более 3 тыс. чел., большинство из которых мирные жители. На этом фоне уси-

лия 32-тысячного контингента ИСАФ, проводящего военную операцию под командованием НАТО, и работа так называемых групп восстановления провинций, чья деятельность направлена на постконфликтное урегулирование, оказались совершенно недостаточными.

Только для проведения военной операции, по словам бывшего Верховного главнокомандующего ОВС НАТО генерала Дж.Джонса, по состоянию на сентябрь 2006 г. требовалось дополнительно 2,5 тыс. солдат, боевые вертолеты, транспортные самолеты.

Всего в распоряжении блока имелось 85% военного потенциала из обещанного странами НАТО. Более того, большинство из 37 стран-членов и не членов НАТО, чьи контингенты задействованы ИСАФ, установили жесткие ограничения на использование своих сил в военных действиях.

Так, например, канцлер ФРГ Ангела Меркель на сессии совета НАТО в Риге (конец 2006 г.) заявила о том, что подразделения бундсвера могут быть направлены в южные районы Афганистана лишь при крайней необходимости для оказания экстренной помощи союзникам, а в остальных случаях место германских миротворцев – на севере.

Как отметил генерал Дж.Джонс, члены альянса определили около 50 условий, которые серьезно ограничивали возможности их использования. Эти условия касались районов дислокации, возможности участия в открытом бою, в ночных операциях и ряда других аспектов. Вот и получается, что у командующих НАТО войска вроде бы и есть, но в то же время воевать некому.

К тому же американский контингент до октября 2006 г. находился под независимым от НАТО командованием и был задействован в антитеррористической операции “Эндюринг Фридом” на юге страны.

Анализ проведения операции в Афганистане показал, что там практически обозначились два подхода к применению военной силы: *с одной стороны*, США, Канада, Великобритания и Дания вели активные боевые действия, а *с другой* – европейские союзники по НАТО сконцентрировали усилия на стабилизационной фазе операций. Это серьезно сказывалось на эффективности миссии ИСАФ, поскольку такое разделение формально не признавалось и стало источником постоянной напряженности между союзниками как на оперативном-тактическом, так и на политическом уровне.

Оказалось, что **правительства, армии и народы европейских стран не готовы к серьезной войне и сколько-нибудь серьезным жертвам.**

Об этом свидетельствует характер действий европейских армий в Афганистане. Европейские члены НАТО не способны “наскрести” хотя бы 10 тыс. чел. для афганской операции, а для контингентов, которые все-таки отправлены в Афганистан, главной задачей является уклонение от боестолкновений.

Летом 2006 г. сопротивление талибов значительно возросло и, по сути, на юге страны начались открытые бои. Бои, в которых вместе с американцами участвуют также англичане, румыны, голландцы и эстонцы, пока не приводят к позитивному перелому обстановки.

В этой связи на рижском саммите НАТО в центр обсуждения был поставлен вопрос о положении в Афганистане, чтобы решить возникшие проблемы на самом высоком уровне. Ибо операция в Афганистане, по словам самих натовцев, является серьезным испытанием альянса на состоятельность, там решается его дальнейшая судьба.

Нарастающие трудности и потери в контингентах натовских стран предо-

пределили сложные дискуссии как вокруг программных установок, так и в отношении обеспечения ресурсами и использования военнослужащих стран блока. После сложных переговоров на уступки пошли и европейцы, и американцы:

– США соглашались передать большую часть американского контингента – 11 тыс. чел. – под командование ИСАФ, оставив под прямым командованием Пентагона лишь 8 тыс. военных.

– Европейские страны-союзники обещали предоставить необходимые боевые вертолеты и совместно закупить транспортные самолеты С-130.

– О готовности послать в Афганистан дополнительные воинские подразделения заявили Болгария, Испания и Македония.

– Румыния согласилась отправить в Афганистан мотопехотный батальон, а Польша увеличить свой контингент до 1 тыс. чел.

– Германия удовлетворила просьбу НАТО и направила в Афганистан разведывательную эскадрилью ВВС в составе 6 самолетов “Торнадо” и 500 военнослужащих для их обслуживания.

С тем чтобы гарантировать эффективность и гибкость сил и ресурсов для обеспечения успеха миссии в Афганистане, лидеры стран-участниц НАТО согласились с тем, что в определенных условиях по указанию командующего ИСАФ все контингенты будут приходить на помощь друг другу вне зависимости от возможных ограничений, установленных национальными правительствами по использованию их сухопутных войсках.

Однако полностью вопрос комплекции ИСАФ решить не удалось. По

словам военных, для эффективного проведения операции необходимы еще как минимум 1 тыс. солдат, дополнительные транспортные средства и техника. Кроме того, союзники так и не смогли согласовать определение “чрезвычайных ситуаций”, в которых могут быть задействованы союзнические контингенты. Это в итоге грозит существенно затруднить их использование в боевых операциях.

Различия в подходе союзников к решению афганской проблемы проявились также и на военно-политическом уровне.

Если США отдавали приоритет военным средствам и акцент в своих действиях делали на эффективность военной операции “Эндюринг Фридом”, то их союзники сосредоточили свои усилия на ГВП, в работе которых наряду с военными используются элементы гражданского кризисного урегулирования, при этом роль последних, как признают военные, за последние 3 года существенно возросла. Но при этом появилась необходимость более четко осуществлять контроль и координацию между военными и гражданскими компонентами ГВП.

Следует подчеркнуть, что в целом успех действий НАТО в Афганистане будет зависеть не только от проведения самой операции, но и от того, насколько быстро пойдет процесс восстановления страны.

Многие участники ИСАФ признают, что военного решения проблемы Афганистана не существует. Хотя руководимые альянсом контингенты ИСАФ* продолжают прилагать значительные усилия для обеспечения стабилизации в Афганистане, но их деятельность не подкрепляется реальным улуч-

* В операции участвуют более 32 тыс. военных из 37 стран, и она охватывает в настоящее время всю афганскую территорию.

шением социально-экономического положения населения, которое, с точки зрения афганцев, оправдывало бы пребывание в стране иностранных сил. Их ожидания во многом оказались нереализованными. И, таким образом, в войне за “умы и сердца” реального перелома не произошло.

Отсюда – нарастание недовольства натовским присутствием, рост влияния талибов.

В результате в 2006 г. резко участились нападения на военные контингенты ИСАФ (с 900 до 2500). При этом число терактов с участием смертников выросло в 6 раз (с 18 до 116), диверсий с самодельными взрывными устройствами – почти в 3 раза (с 530 до 1300).

И хотя талибы понесли в 2006 г. существенные потери, их боевой потенциал быстро восстановился.

Не увенчались успехом и попытки передачи под гарантии местных племенных старейшин районов в ряде провинций страны. Так называемые “договорные зоны” превращены талибами в опорные пункты, где создаются запасы вооружений и продовольствия, формируются и обучаются новые отряды экстремистов. Все более заметным становится деструктивное влияние на афганскую ситуацию из Пакистана.

Несмотря на предпринимаемые меры, в Афганистане растут объемы наркопроизводства.

2006 г. – рекордный для наркоиндустрии в стране – общее производство опиатов составит 6100 т (4100 т в 2005 г.).

На 45% увеличилось число хозяйств, выращивающих опийный мак. Попытки переклечь их на альтернативные культуры не дали результатов.

Сегодня НАТО в Афганистане преследует следующие военно-политические цели:

1. Разгром основных вооруженных группировок “Талибана”, контролирую-

ющих южные и восточные провинции Афганистана, физическая ликвидация наиболее авторитетных военных и политических лидеров талибов.

2. Выход на афганско-пакистанскую границу и создание по ее периметру зоны безопасности.

3. Обеспечение условий для проведения форсированных мероприятий по социально-экономической реконструкции территорий, освобожденных от талибов.

4. Достижение договоренностей о сотрудничестве с лидерами пуштунских племен, проживающих в афганско-пакистанском приграничье (в долгосрочной перспективе – либо уничтожение “Талибана”, либо его трансформация в более умеренное политическое движение с новыми лидерами во главе, готовыми вести переговоры с официальным Кабулом).

Для достижения этих целей требуется развертывание активных боевых действий на юге Афганистана и переход к НАТО задачи по обеспечению охраны афгано-пакистанской границы.

Представители штаб-квартиры НАТО, официальные лица в Вашингтоне заявили, что 2007 г. станет годом перелома в Афганистане. Однако если проанализировать в целом деятельность миссии НАТО в Афганистане в прошедшем году, то ее трудно назвать успешной. Происходит фактически топтание на месте как в борьбе с “Талибаном”, так и в социально-экономической реконструкции страны.

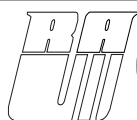
Не случайно генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер заявил, что Североатлантический союз рассчитывает подавить силы движения “Талибан” в Афганистане в течение следующих 3 лет, но он подчеркнул, что после 2009 г. НАТО следует сохранить свои войска в Афганистане.

Однако следует учесть, что проблема Афганистана – это не только вопросы, связанные с деятельностью талибов и террористов, не только наркоугроза, но и главная, пожалуй базовая, проблема – социально-экономическое положение в стране. Пока в Афганистане не будут созданы нормальные условия экономического развития и жизнедеятельности населения, вряд ли на афганской земле окончательно наступит мир.

Для этого необходима долгая и кропотливая работа не только самих афганцев, но и помощь иностранных специалистов.

Из анализа ситуации можно сделать вывод, что успешно решать задачи постконфликтного восстановления в одиночку нереально, сколь влиятельной или мощной не была бы та или иная организация.

НАТО, оставаясь, прежде всего, военным альянсом, не располагает потенциалом для оказания экономической помощи или технического содействия. Не предназначена она и для проведения полицейских мероприятий (изъятие оружия, поддержание правопорядка и др.), которыми натовские военные вынуждены заниматься.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

На сайте Вы найдете информацию о печатных и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2007 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2007 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Запад и “исламский терроризм”

Александр Вавилов,
доктор исторических наук, профессор

Мутация исламизма

В современных взрывоопасных условиях развитый мир должен был бы со всем пониманием и осторожностью подойти к насущным проблемам мира развивающегося, вместе с ним искать оптимальные пути их решения. На деле же этого нет. Эти проблемы игнорируются, но, кроме того, провоцируются новые.

Под влиянием такого отношения Запада происходит мутация исламизма. Учитывая мощную волну антизападных, антиколониальных настроений в период подъема национально-освободительных революций, исламское движение было направлено, главным образом, “вовне”, в сферу международных отношений, выступая за устранение в них несправедливостей, сложившихся в период колониальной и полуколониальной зависимости мусульманских стран.

В современном подъеме исламского движения во многом находят своеобразное преломление поиски государств “третьего” мира новых ориентиров и идеалов. Они ищут свой путь и место в качественно иной обстановке, сложившейся на международной арене после

поражения социализма и ухода в небытие одной из великих держав – СССР.

Многие десятилетия вся политическая структура мусульманских стран формировалась и развивалась в достаточно жесткой системе глобальных геополитических координат. Под ее воздействием складывался политический менталитет мусульманского истеблишмента, его взгляды на внутреннее, региональное и международное положение, перспективы его эволюции. Сегодня, когда исчез один из балансов прежнего мирового равновесия, и вся система международных отношений претерпевает глубокую эволюцию, в мусульманских странах вынуждены пересматривать привычное мировоззрение, отказываться от прежних стереотипов, определяться, искать свои модели развития.

Мусульманские страны на рубеже 70–80-х годов, утратили возможность извлекать политическую и немалую материальную выгоду из глобальной и региональной конфронтации великих держав. К этому добавились внутренняя нестабильность, стагнация экономики, падение уровня жизни, и как

* Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2007. № 12.

следствие – обострение социальных противоречий в большинстве из этих стран, приведшее к нарастанию радикальной составляющей в деятельности исламистов.

При этом многие традиционные лидеры из числа “братьев-мусульман” образуют умеренное, эволюционное крыло движения, уступая активную роль молодым радикалам, приверженцам силовых, в том числе и террористических методов. Поэтому с реальной точки зрения было бы правильным различать умеренных исламистов или сторонников реформистских методов борьбы за идеалы мусульманства и радикалов-экстремистов как более воинственно настроенных поборников верования.

На Западе этой дифференциации особого значения не придают, отказываясь вести серьезный и систематический диалог с представителями умеренного крыла этого движения.

Ряды боевиков-исламистов существенно пополнились за счет добровольцев и наемников, прошедших школу афганской войны. Этот специфический контингент, отличающийся неплохой боевой и в частности диверсионной выучкой, преданностью исламскому делу, вливался в ряды движения по убеждению или под влиянием социально-экономических трудностей, с которыми участники афганской войны столкнулись после возвращения из Афганистана в свои страны.

По некоторым оценкам, численность только арабских “афганцев” достигала в 80-е годы около 20 тыс. чел.

Весьма типична в этом контексте судьба одного из соучастников террористического взрыва в саудовской столице – г. Эр-Рияде (1995 г.).

Отвоевав в Афганистане на стороне моджахедов, после вывода советских войск он вернулся на родину. Однако без

образования и специальности хорошо устроиться не смог. Отец помог сыну открыть мелочную лавчонку. Но торговля у него, умевшего только стрелять и метать гранаты, не пошла.

Его молодая вдова рассказала корреспонденту “Интернэшнл геральд трибюн”, раскопавшему всю эту историю, что ее муж в результате жизненных неурядиц ударился в религию и большую часть времени проводил в мечети или в долгих беседах с такими же, как он исламистами.

Этот частный пример подтверждает суждение российского политолога А.В.Малашенко, отмечавшего, что “повсеместно контролируемые исламистами мечети выполняют функции политических центров, дискуссионных клубов, социальных очагов, притягивающих к себе людей, разочарованных своим положением, жаждущих почувствовать себя защищенными и одновременно обрести покой и уверенность в себе”¹.

Отметим, что “афганцы” с их виднейшим представителем У. бен Ладеном, которые по оценке египетского президента Х.Мубарака, представляют “главную террористическую опасность для стабильности правительства” и для западных интересов в арабском регионе в целом, были в свое время подготовлены в антисоветских целях и финансировались на деньги ЦРУ.

На эти цели было израсходовано, по разным оценкам, от 3,5 до 6 млрд. долл.

Из “борцов за свободу афганского народа и против советских безбожников” они превратились в лютых врагов Запада во главе с США.

Бумеранг исламизма, запущенный в свое время американцами в советскую сторону, наносит ныне ощутимый ущерб его создателям.

Иракская авантюра и в этом плане принесла свои горькие плоды. Ирак наряду с Афганистаном превратился в международную школу и поставщика

боевиков-террористов во все конфликтные регионы планеты.

След "иракцев" был обнаружен, к примеру, при расследовании взрывов, прогремевших в марте – апреле 2007 г. в Марокко и Алжире.

Этими терактами заявила о себе новая региональная организация "Аль-Каида в странах исламского Магриба". Ее деятельность развивалась по нарастающей.

Только в июне 2007 г. в результате терактов исламистов в Алжире погибло полсотни граждан, включая 28 военнослужащих².

Новые кровавые преступления были совершены ею в Алжире в сентябре 2007 г.

Политизация и радикализация ислама в наши дни, становится современным искаженным проявлением все той же национально-патриотической идеи, бывшей мотором освободительного движения в 50-е – 60-е годы. В Ближневосточном регионе исламизм является "новой редакцией" панарабизма, идеи арабского единства, попытки воплощения которой в жизнь в рамках светского национализма и арабского социализма успехом не увенчались.

Если в период 50-х – 60-х годов главный вектор национально-патриотической идеи был направлен на поиски путей возрождения и прогресса, то теперь исламисты вольно или невольно предлагают в основном программы "ретро", призывая вернуться к ранне-средневековым истокам ислама, его нормам и постулатам, независимо от их соответствия потребностям сегодняшнего дня, отгородиться от иностранного влияния, пойти на добровольную национально-религиозную самоизоляцию, обособиться от новых веяний в мире, объявляя такие идеи, как демократия, права человека и гражданина, свобода личности и совести и др., "дьявольским порождением Запада", от которого необходимо срочно очиститься правозверным.

Вспоминается известная парадигма С.П.Хантингтона, полагающая, что после окончания "холодной" войны обстановка в мире уже будет определяться не ушедшей в прошлое конфронтацией великих держав, а столкновением различных цивилизационных укладов.

Однако объяснение современного подъема исламистского движения исключительно столкновением цивилизационных различий при всей его кажущейся простоте и доказательности было бы неполным.

Причины этого явления лежат, по нашему мнению, значительно глубже. Они уходят корнями в социально-экономические напластования времен колониальной и полуколониальной зависимости. Поэтому фундаменталисты основной огонь критики и терактов за пределами своих стран направляют, прежде всего, против ведущих западных держав. Их считают главными виновниками трудного и беспросветного положения, в котором находится большинство мусульманских государств в настоящее время.

Умонастроения исламистов четко сформулировал бывший посол США в Ираке, а ныне их представитель в ООН З.Халильзад (кстати, этнический афганец).

По его мнению, приверженцы движения считают, что "дела в мусульманском обществе «пошли не так» потому, что оно сошло с верной дороги, а Запад, будучи жестоким и аморальным, столкнул мусульман с пути истинного".

Только вернувшись на праведный путь, можно вновь достигнуть величия, а для этого потребуется вышвырнуть Запад вон".

Отстаивание исламистами религиозной самобытности и чистоты от разлагающего влияния западной потребительской "масс-культуры", ее аморальности и чуждых Востоку этических вольностей можно было бы понять под углом зрения национальных чаяний и устремлений. Однако выдвигание ре-

лигиозного фактора в качестве панацеи от всех бед, проповедь национально-религиозной самоизоляции, а часто и нетерпимости, и тем более террористические методы достижения поставленных целей не соответствуют новому климату, складывающемуся сейчас в мире, логике и практике современной политической борьбы.

В эпоху глобализации хозяйственной жизни, бурного развития разнообразных средств массовой информации и коммуникаций закрыться от остального мира невозможно в принципе. Противиться этому процессу, отгораживаться от него мусульманским занавесом значило бы плыть против течения международной жизни. Наоборот, важно использовать этот процесс в интересах развития каждой нации, каждой страны, чтобы его влияние, а оно неизбежно, не приобрело нежелательные, искаженные формы, прежде всего в виде падения нравов.

Запретительные меры тут вряд ли помогут, а скорее дадут обратный результат.

Здесь нужен осторожный и сбалансированный подход, так как уже накопленный в наше время опыт, в том числе и российский, показывает, что безоглядное перенимание зарубежных образцов, часто далеко не лучшего качества, без учета местных условий, существующих традиций и других особенностей вредно для нации, ведет к ее моральной деградации и вырождению.

Поэтому задача, на наш взгляд, состоит не столько в поисках “своего особого пути”, сколько в нахождении своего достойного места, ниши в общемировой структуре, в гармоничном вхождении в современное сообщество наций, в оптимальном совмещении и соотношении этнических, религиозных, морально-этических и прочих особенностей и традиций, проверенных всей историей нации, с подлинными цен-

ностями, выработанными человечеством за всю его весьма драматичную историю.

На этом пути можно быстрее всего добиться достижения двуединой цели: сохранить свое национальное лицо без слепого “подравнивания” под не всегда приемлемые образцы и нормы так называемой мировой, а на деле – западной цивилизации и в то же время не оказаться в изоляции от остального мира.

Заметная переориентация исламистского движения “вовнутрь” с сохранением прежнего налета ксенофобии, приобретение им в некоторых случаях антигосударственных форм подрывает устойчивость существующей власти, усиливает внутреннее брожение и нестабильность мусульманского общества.

Главную опасность для правящей верхушки представляют обвинения (и часто далеко не безосновательные) со стороны исламистов в отходе от постулатов Корана и шариата, в nepoтuзмe, коррупции и личном обогащении, в неспособности найти верный путь развития нации, решить насущные проблемы низов, избавить их от беспросветной нужды и вопиющей социальной несправедливости.

Вскормленный на американские деньги в Афганистане лидер “Аль-Каиды” У. бен Ладен начал свою деятельность с атак на правящий режим в Эр-Рияде и за это был лишен саудовского подданства.

“Традиционные арабские режимы, – констатирует Р.Н.Хаасс, – не смогли противостоять привлекательности исламского радикализма. Выбирая между далекими и коррумпированными политическими лидерами и пламенными религиозниками многие предпочли последних”¹³.

Апелляция к массам под знаменем ислама, их активная и все расширяющаяся благотворительная деятельность в каждом городском квартале, в каждой деревне и кишлаке находят в широких слоях мусульманского населения

сочувственный отклик. Вольно или невольно они следуют завету Мао-дзедун, который считал, что “партизан должен двигаться среди людей как рыба в воде”⁴.

Главная сила исламистов состоит, очевидно, в том, что на фоне нарастания внутренних и внешних трудностей и отсутствия альтернативы, предлагаемой официальными властями, они вселяют в людей надежду на лучшее будущее, на избавление от гнета бедности и беспорядка в случае возврата к истокам веры. Неслучайно, партия ливанских шиитов (традиционно обездоленной части населения) носит название “Аль-Амаль” – “Надежда”. Эта надежда имеет особую привлекательность в современной обстановке, когда традиционный путь развития в качестве капиталистической периферии не дает выхода из сложного положения, в котором находится большинство мусульманских стран.

В этих условиях, как отмечает С.Рид, исламистские организации главную ставку в своей деятельности делают на молодых разочаровавшихся людей среднего класса, а также безработных, не видящих перспектив улучшения своего положения.

В условиях заметного повышения внутривосточной активности фундаменталистов и ощутимой радикализации исламистского движения в целом отношение к нему официальных властей ощутимо меняется. Если раньше само движение и его лозунги использовались (например, в свое время А.Садатом) как альтернатива левым силам, как выпускной клапан для ослабления социального давления, то теперь оно в своих крайних формах становится на пути даже умеренных, происламских и исламских режимов.

К концу 90-х годов угроза распространения терроризма и экстремизма под религиозной личиной выходит на пер-

вый план не только внутренних, но и региональных озабоченностей арабских и других исламских государств.

Саудовская Аравия была инициатором разработки и подписания в апреле 1998 г. межарабского соглашения по борьбе с терроризмом, которое уже вступило в силу. Саудовское руководство последовательно выступает за придание этому документу панисламского, а затем и международного характера.

В 2004 г. в саудовской столице состоялся Международный антитеррористический конгресс, в решения которого было записано предложение КСА о создании в Эр-Рияде под эгидой ООН Международного антитеррористического центра.

Однако мировое сообщество до настоящего времени не смогло выработать общепринятого правового определения *понятия “международный терроризм”* во многом из-за огульного включения в него американцами и их союзниками национально-освободительных и патриотических движений.

Примечательно, что в подписанном в Каире (1998 г.) межарабском антитеррористическом соглашении содержится указание на то, что “любая (выделено – *Авт.*) вооруженная борьба против иностранной оккупации, за независимость и территориальную целостность не должна рассматриваться как проявление терроризма” (1998 г.)⁵.

Исламисты, как свидетельствует парламентский опыт “Хизбуллы” в Ливане и “Братьев-мусульман” в Египте и Иордании, не отказываются от политических методов деятельности, участвуя для расширения своих позиций и влияния в различных объединениях и коалициях.

Поэтому было бы наивным упрощением изображать исламистов в виде бородатых фанатиков и головорезов, готовых взорвать мир ради торжества исламских постулатов.

“Вопреки западным стереотипам, пишет американский ближневосточник

Л.Т.Хадар, – многие исламские лидеры не являются фигурами из средневековья. Судя по примеру Исламского фронта спасения Алжира (весьма характерное название, присущее многим исламистским организациям – Авт.), они – образованные профессионалы, инженеры, врачи, адвокаты и люди науки, которые контролируют такие современные учреждения, как госпитали, школы и сферу бизнеса. Они не столько заинтересованы в возвращении своих государств в прошлое, сколько в трансформации их политических и экономических структур”.

Таким образом, исламизм с его экстремистскими крайностями как религиозно-политическое движение в настоящее время во все большей мере превращается в долговременный структурный фактор, во многом формирующий обстановку как в мусульманском мире, так и на мировой арене в целом.

Политика Запада в мусульманской зоне мира, игнорирующая, по большей части, глубинные корни фундаментализма, приводит к активизации его экстремистской составляющей.

Ответы на многие вопросы, связанные с эскалацией террористических акций, следует искать и в американской ближневосточной политике, и в отношении Запада к арабам и мусульманам в целом.

Как отмечает проф. Л.Фридман в опубликованной Лондонским международным институтом стратегических исследований книге “Трансформация стратегических вопросов” “США (и их израильские союзники) так и не нашли подходящего ответа на вопрос, почему вполне разумные мужчины и женщины готовы жертвовать своей жизнью, чтобы противостоять им? Атаки камикадзе, будь то в Ираке или Израиле, – это стратегия, а не идеология. Эти люди орудие в борьбе слабых против сильных”⁶.

Это суждение западного ученого вполне дополняет и подкрепляет рито-

рический вопрос одного из основателей Хамаса И.Абу Шанаба: “Что нам еще остается под натиском танков, самолетов F-16, ракет, вертолетов “Апач” и оккупационной армии, кроме как отправлять наших детей на теракты в Израиль?”⁷.

Феномен нарастания исламистских настроений в арабских и других мусульманских странах и их все большую антизападную заостренность многие политологи склонны преимущественно трактовать с точки зрения ухудшения социально-экономического положения в этой зоне мира. Конечно, беспросветная нужда и нищета являются мощным катализатором экстремистских настроений в мусульманском обществе, особенно в его молодежной среде.

Однако, как показывает исследование, проведенное газетой “Аш-Шарк аль-Аусат”, подавляющее большинство шагидов не могли пожаловаться на свое материальное положение, были выходцами из небогатых семей и имели то или иное образование. Значит, корни нарастания экстремизма и его все большей переориентации “вовне” надо искать не только в социально-экономической, но и политической, духовной сфере.

Известный палестинский поэт М.Дервиш в интервью газете “Монд” утверждал, что арабский мир “живет с глубоким чувством несправедливости, ответственность за которую возлагается на Запад... Арабы и мусульмане, сталкиваясь с “всемирным деспотизмом американцев” и с местными деспотами, потеряли ориентиры. Они чувствуют себя вытолкнутыми из истории. Отсутствует и приоритет права, так как в их зоне международное право не действует. Израиль его уже так давно узурпировал и ничего не происходит”.

В этих условиях, по мнению поэта, “если бы в арабо-мусульманском мире

прошли свободные выборы, исламисты повсюду бы одержали победу”⁸.

Арабская молодежь, особенно образованная, яснее отдает себе отчет в нетерпимости более чем полувековой экспансионистской политики Израиля, не желает сносить национальное унижение, которому подвергались еще их отцы и деды.

Показательно в этой связи мнение обозревателя весьма умеренного парижского журнала “Жен Африк” З.Лимама: “Палестинцы в той или иной мере вот уже почти 60 лет живут под оккупацией. Более трех миллионов из них (то есть большинство – Авт.) – беженцы, брошенные в лагеря. Их судьба никого или почти никого не интересует (включая арабов).

Резолюции ООН постоянно игнорируются или подвергаются глумлению...

Израильские прожекты по созданию разорванного палестинского пространства нежизнеспособны. Это лишь надолго продлит войну в других формах. Палестинцы публично и в большинстве своем признали право Израиля на существование. А от Израиля все еще ждут торжественного заявления о праве палестинцев на самоопределение”⁹.

В западном обществе были бы восприняты как дикость слова Мариам Фархат, проводившей в свое время на смерть всех трех своих сыновей и ставшей после победы на выборах Хамас депутатом палестинского парламента: “Будь у меня сто сыновей, я была бы счастлива отправить их всех на смерть за нашу Палестину”¹⁰.

Для западных политиков и политологов, да и для широких слоев населения эту готовность к самопожертвованию ради блага своего народа трудно даже себе представить, поскольку они обитают и работают в постиндустриальном мире, во многом лишенном духовных идеалов и устремлений в условиях повседневной гонки за личным комфортом и обогащением. Отсюда частое непонимание истоков и причин экстремизма и терроризма, порожда-

емых во многом высокомерным и пренебрежительным отношением Запада и, прежде всего США, к мусульманскому миру.

В этой связи можно вспомнить не совсем продуманные заявления бывшего итальянского премьера С.Берлускони о “превосходстве западной цивилизации над исламской” и Дж.Буша-младшего о “крестовом походе” против терроризма. Мусульмане Ближнего Востока, предки которых в далеком средневековье немало страдали от крестоносцев, отнесли слова американского президента на свой счет.

Отнюдь не случайно в этом контексте в риторике бен Ладена и его соратников появились призывы к мусульманам освежить историческую память и отразить всеми силами и средствами натиск новых крестоносцев на мир ислама.

О сохраняющемся предвзятом отношении Запада красноречиво свидетельствовал “карикатурный скандал”, вспыхнувший весной 2006 г. после публикации в одной из датских газет оскорбительных для мусульман сатирических рисунков, персонажем которых был пророк Мухаммед. Мусульманский мир, как и следовало ожидать, не остался равнодушным и ответил на эту провокацию волной массовых демонстраций и погромов западных представительств.

За ним уже в середине сентября 2006 г. последовал новый скандал, на этот раз вызванный неосторожным цитированием Папой Бенедиктом XVI высказывания византийского императора Мануила II Палеолога о том, что пророк Мухаммед своей идеей “священной войны” привнес в мир “злое и бесчеловечное”.

В России к вновь осложнившейся взрывоопасной ситуации отнеслись со всей серьезностью.

Президент В.В.Путин призвал лидеров всех мировых религий к ответственности и сдержанности. “Уверен, – заявил он, – что у лидеров основных конфессий будет достаточно сил и мудрости, чтобы избежать каких бы то ни было крайностей в отношениях между конфессиями”.

А Совет муфтиев России расценил высказывания Бенедикта XVI как "неудачную и неуместную для современной действительности иллюстрацию". Он призвал Папу Римского "принять верное решение и принести свои извинения", а власти и народы мусульманских стран – "сделать все, чтобы пожар конфронтации не разгорался".

Понтифику пришлось публично объясняться, чтобы сбить волну протестов и беспорядков, нараставшую в мусульманском мире. Однако сделал он это весьма неловко, чем вызвал еще большее недовольство мусульман.

"Реакция Папы, – нелицеприятно отмечала в те дни лондонская "Гардиан", – на волну возмущения в мусульманском мире, вызванную его словами, была еще более оскорбительной, чем сами эти высказывания. Он извинился не за свои слова, а фактически за мусульман, которые, дескать, не смогли понять, что он имел в виду.

Высказывания Папы служат для мусульман от Танжера до Джакарты убедительным свидетельством того, что против них в открытую ведется война – причем сразу на трех фронтах: политическом, военном и религиозном. Понтифику не стоит удивляться, что его слова вызвали столь мощную реакцию в исламском мире: мусульман до глубины души возмущают попытки отбросить их назад, в эпоху колониализма и "цивилизаторской миссии" Запада"¹².

Папскому престолу пришлось пойти еще дальше: 25 сентября 2006 г. Бенедикт XVI впервые в истории Римско-Католической Церкви принял в своей летней резиденции представителей мусульманских общин. Однако и этот беспрецедентный шаг не снял напряженности, возникшей в результате неосторожных аллюзий понтифика.

В ноябре 2006 г. впервые в истории в обстановке протестных демонстраций мусульманского населения облаченный под суаной в бронезилет Папа посетил Турцию. Его совместная с местным верховным муфтием служба в главной мечети Стамбула должна была сгладить прежние обиды, открыть новую страницу в отношениях католиков и мусульман. Чтобы еще в большей степени понравиться принимаю-

щей стороне папа на 180 градусов изменил свою прежнюю негативную позицию и высказался за прием Турции в Евросоюз.

Отрицательная реакция в исламском мире на антимусульманские выверты Запада, как и в целом, уроки истории, никого и ничему не научила. В июле 2007 г. случился новый скандал, на этот раз вокруг посвящения Елизаветой II в рыцарское звание С.Рушди – автора провокационных "Сатанинских стихов", опубликованных еще в конце 80-х годов и преданных анафеме тогдашним руководителем Ирана аятоллой Хомейни.

Реакция в мусульманском мире не заставила себя долго ждать. С протестами выступили Иран и Пакистан. Второй человек в "Аль-Каиде" А. аз-Завахири в Интернет-обращении пригрозил королеве и Т.Блэру "точным ответом" на такой провокационный шаг. Ссылаясь на вызванные их политикой "катастрофы в Афганистане, Ираке и даже в центре Лондона он назидательно заявил, что "если вы не усвоили урока, мы, с помощью Аллаха, готовы повторить его, пока не убедимся, что вы его полностью уразумели"¹³.

Урок вновь, как показали последующие события, оказался не впрок. В конце августа 2007 г. в одной из шведских газет был напечатан новый сатирический рисунок, на этот раз изображавший пророка в виде собаки, считающейся у мусульман нечистым животным. Такой провокационный выпад, подбрасывая дополнительный выигрышный пропагандистский материал исламским радикалам.

Представители "Аль-Каиды в Ираке" назначили за голову художника-святоотатца приз в 100 тыс. долл. и потребовали от правительства Швеции официальных извинений, пригрозив в противном случае терактами в присутственных местах и официальных учреждениях. Извинений потребовал и совет мусульман Швеции.

Лаконично корни терроризма и подходы к нему Запада определил президент Сирии Б.Асад в интервью немецкому журналу "Шпигель" после предотвращения сирийскими спецслужбами теракта против посольства США

в Дамаске: “Терроризм сегодня- это состояние духа, которое ... уходит корнями в отчаяние, связанное с политической ситуацией, которое рано или поздно принимает форму мести... Госпожа Райс поблагодарила нас...за нашу

реакцию на теракт. Но он случился именно из-за политики, проводимой Америкой в нашем регионе... Они (американцы) способствуют распространению чувства безысходности, угасанию диалога между культурами”¹⁴.

Просчеты Запада

Одним из главных недостатков Запада в практике антитеррористической борьбы являются старые подходы к такому принципиально новому явлению, как международный терроризм.

На рубеже веков в движении сопротивления западной экспансии появляется качественно новый интернациональный элемент – “Аль-Каида” (по-арабски, база) – глубоко законспирированная, разветвленная и, главное, децентрализованная организация, ставящая своей основной задачей бесконечную “войну с крестоносцами и евреями”. Эта война, по видению руководителей Базы, бескомпромиссна и будет вестись до победного конца.

На основе высказываний ее руководителей и пропагандистско-агитационных материалов можно в первом приближении выделить три круга противников “Аль-Каиды”:

– первый и самый близкий – местные коррумпированные и “продавшиеся шайтану” режимы,

– второй – Израиль и мировой сионизм,

– третий вселенское зло, олицетворяемое “главным дьяволом” – США.

С течением времени акценты в стратегии “Аль-Каиды” меняются: потерпев поражение в попытках свергнуть “продажные режимы” Саудовской Аравии, Египта, Иордании и др., к середине 90-х годов прошлого века она переключается на вселенский уровень, объявляя войну Западу во главе с США.

О глобальном замахе “Аль-Каиды” свидетельствует, к примеру, ее призыв нанести удары по основным странам, снабжающим нефтью США – Канаде, Мексике и Венесуэле, опубликованный в середине февраля 2007 г. в ежемесячнике “Саут аль-Джихад” (“Голос джихада”), а также по арабским центрам нефтедобычи.

От слов руководители организации перешли к делу: в 2006–2007 гг. в Саудовской Аравии, к примеру, было арестовано около 170 заговорщиков, готовивших взрывы на крупнейших нефтепромыслах.

Основное отличие и оперативное преимущество этой организации – идейная преданность ее сторонников, весьма высокая степень децентрализации, фактически горизонтальная, “плоская” оргструктура, трудно уловимая для спецслужб.

“По началу, в 90-е годы, – отмечает лауреат Пулитцеровской премии, обозреватель журнала *“New Yorker”* Л.Райт, – большая часть новобранцев “Аль-Каиды” происходила из средних и высших классов, почти все они были из благополучных семей. Многие обучались в высших учебных заведениях, специализируясь в основном в естественных и инженерных науках. Лишь немногие учились в религиозных школах, а некоторые даже получили образование в Европе и США и говорили на 5–6 языках. Никто не выказывал признаков умопомешательства. Многие даже не были слишком религиозны, когда оказались вовлечены в джихад”¹⁵.

Что же оказалось побудительным мотивом для этих, казалось бы, светских людей и для “Аль-Каиды” в целом?

После распада Советского Союза и социалистического содружества резко возросли гегемонистские аппетиты США, что привело к негативным для мирового сообщества последствиям. В таких условиях популярность этого движения как дающего “достойный ответ западным неокolonизаторам” в мусульманской среде стремительно нарастает. Исчезновение социалистической альтернативы кажется делает “исламский путь развития”, то есть возвращение к постулатам веры как ориентирам в движении в изменившемся мире, все более привлекательным для широких масс.

На этой волне “элитарность” “Аль-Каиды” постепенно сходит на нет, ее ряды пополняются разномастным и далеко не всегда преданным высоким духовным идеалам людьми. Организация все в большей мере оправдывает свое название – она становится широкой организационно-идейной базой для обширного спектра разноликих групп и отрядов, объединяемых общими целями борьбы с “глетворным влиянием Запада” и разъединяемых стремлением обеспечить свои узкие, часто меркантильные интересы.

Эта своеобразная размытость организационно-политического лица “Аль-Каиды” добавляет трудностей в противостоянии ей. “Как вообще иметь дело, – задает вопрос Э.Руло, – с разношерстным сбродом, окопавшимся где-то в афганских и пакистанских горах, не имеющим ни единой структуры, ни национальных корней, но призывающим своих сторонников к вылазкам против американской империи и ее местных приспешников? Как найти “подход” к боевым ячейкам, которые рассеяны по всему свету, действуют автономно и движимы различными мотивами в разных странах?”¹⁷.

В свою очередь движения, ставящие перед собой национально-освободительные и патристические цели (Ха-

мас, Хизбулла, Фатх, группировки в Ираке), активно берут на вооружение популярные исламские лозунги. Они качественно отличаются от “Аль-Каиды” и примыкающих к ней движений тем, что, прибегая к исламской риторике как наиболее доходчивой для населения своих стран, не ставят перед собой глобальных целей, не выдают себя за спасителей всех мусульман. Их задачи остаются по-прежнему вполне определенными: справедливое решение палестинской проблемы, избавление от израильской оккупации, изгнание захватчиков из Ирака. И самое главное – эти партии и движения открыты к политическому диалогу, готовы договариваться о компромиссах и взаимоприемлемых развязках спорных проблем.

В интервью кувейтской газете “Ар-Рай аль-Ам” в начале февраля 2007 г. лидер “Хизбуллы” шейх Х.Насрулла заявил, что он далек от панисламских и панарабских амбиций: “В моей повестке дня, лишь одна цель – избавиться от угнетения и несправедливости, от которых страдают шииты в Ливане, превратить их в настоящих партнеров в создании и управлении государством и устранении израильской угрозы”¹⁶.

Показательна в этой связи и весьма прохладная и скептическая реакция руководства Хамас на распространенный через Интернет в июне 2007 г. призыв “Аль-Каиды” к мусульманам всего мира оказать этому движению всемерную помощь в противостоянии блокаде и угрозе вторжения крестоносцев и “предательских арабских режимов”.

“Движение исламского сопротивления Хамас, – заявил один из его руководителей И.Хания в июле 2007 г. в интервью итальянскому телеканалу, – не поддерживает связей с «Аль-Каидой». Его философия, взгляды и политика другие. Оно делает акцент на борьбе против израильской оккупации на захваченных палестинских землях и не выходит за их пределы”¹⁷.

Линия Запада в Ираке, Ливане и в отношении палестинцев, а также ближневосточного урегулирования в целом наглядно показывает, что там решили с исламистами не церемониться, свалив их в одну кучу и объявив всех террористами (во многом с подачи Израиля).

Чего стоит, к примеру, причисление Дж.Бушем всех этих движений в выступлении 7 августа 2006 г. к стану "исламо-фашистов".

Серьезные исследователи исламизма (например, статья С.Дюран, в ноябрьском номере "Монд дипломатик" за 2006 г.) не только раскрыли теоретическую несостоятельность этого терминологического "изобретения" американского президента, но и смогли разглядеть его политическую подоплеку.

"Исламский фашизм", — отмечает в этой связи С.Дюран, — особенно удобен своим эмоциональным зарядом. Он помогает посеять страх. В нем якобы кроется одна из главных опасностей.

Продвигая тезис, что Запад сражается с новым фашизмом и новым Гитлером, общественное мнение готовит принять мысль о том, что война может и должна быть "превентивной". Отсюда массивный ответ на "фашистскую угрозу" оказывается оправданным, какими бы ни были его последствия с точки зрения человеческих жизней¹⁸.

Транснациональная "Аль-Каида" набирает к середине 90-х годов популярность и мощь на фоне отказа национальных религиозных организаций от силовой оппозиции местным режимам и их все большей интеграции в гражданскую политическую жизнь. Подавляющее большинство этих организаций по всему миру осудили варварские акты 11 сентября 2001 г. и терроризм в целом как в корне противоречащий постулатам ислама.

Однако в США и других западных странах, развернувших борьбу с "исламским терроризмом", этого диссонирующего с их новой доктриной крае-

угольного факта заметить не пожела-ли.

Такой недифференцированный подход привел к обратным результатам: вместо ослабления "Аль-Каиды" и других экстремистских движений трансисламского характера происходит их усиление, лидеры радикалов зарабатывают на ошибках западников и страданиях мусульманских масс политический капитал.

В феврале 2007 г. второе лицо в "Аль-Каиде" А. аз-Завахири с триумфом объявил по телеканалу "Аль-Джазира" о вступлении в эту организацию египетской "Джамаа исламийя", организовавшей в 1981 г. показательную казнь А.Садата на военном параде. Сам аз-Завахири начинал свою политическую карьеру в рядах этой организации, став в последствии ее духовным лидером.

При этом объявленная США война с терроризмом воспринимается в мусульманском мире во многом в результате активной работы пропагандистов "Аль-Каиды" как "война Запада с исламом" и ему объявляется джихад.

Показателен в этой связи комментарий руководителя департамента переговоров ООП С.Урейката в период очередной вспышки военных действий в регионе летом 2006 г.: "Я всегда говорю, что насилие не принесет пользы никому, что оно обернется против палестинцев, ливанцев или израильтян. Но как растолковать эту точку зрения людям, которые уже давно потеряли всякую надежду на мир? Слишком поздно. Хамас представлен в правительстве. И все, что происходит на юге Ливана, лишь усиливает эту тяжелую тенденцию"¹⁹.

По мнению сотрудника американского университета в Париже М.Башары, "превращение американцами классических антиколониальных движений и светских режимов в цели "всемирной борьбы с терроризмом" наравне с "Аль-Каидой" и другими криминальными сетями — больше, чем ошибка, это — катастрофа"¹⁹.

Игнорирование генезиса и качественного различия между двумя антизападными течениями в мусульманском мире обрекает на провал поиски политических развязок конфликтных узлов, в том числе и ближневосточного во всех его ипостасях, толкает готовые к компромиссам умеренные элементы и целые группировки в лагерь экстремистов.

Игнорирование США и их союзниками разноликого характера современных исламских движений и организаций привело с одной стороны к их дальнейшей антивестернизации, а с другой – рост исламофобии на Западе.

Дезориентированное СМИ и целенаправленной официальной пропагандой западное общественное мнение, как отмечает Э.Руло, “склонно ставить знак равенства между исламом, исламизмом, фундаментализмом, джихадизмом и терроризмом”⁷.

Еще одна новая проблема, порожденная подъемом радикального ислама и по большей части проигнорированная на Западе, – “*асимметричные войны*”, в которых регулярным войскам приходится сражаться с мобильными отрядами партизан-боевиков и террористами-одиночками. Человек-“бомба” практически неуязвим для “профилактики” со стороны антитеррористических подразделений спецслужб. Он может появиться в любой момент и в любой точке для приведения в действие своей адской машины. Он весьма экономичен: для его подготовки не нужны специальные базы и вполне достаточно “курса молодого бойца”.

Как показывает опыт **Вьетнама, Афганистана, Чечни, а в последние годы и Ирака**, такая “асимметрия” сводит на нет техническое, технологическое и организационное преимущества регулярных армейских контингентов, выдвигая на первый план боевика, “че-

ловека-невидимку”, часто босого, но с “калашниковым” в руках или перепопсанного поясом шагида.

Как неоднократно заявлял лидер “Хизбуллы” шейх Х.Насрулла, “мы не стремимся цепляться за ту или иную территорию. Мы не хотим, чтобы все наши бойцы, наша молодежь погибла, обороняя тот или иной пост, холм или деревню”. Тактика “летучей войны”, молниеносных ударов и отходов в безопасное место, заманивания противника в населенные пункты для его последующего уничтожения в уличных боях летом 2006 г. в Ливане оказалась весьма эффективной.

Еще одно новшество, с которым познакомились и наши военные в Чечне, – предоставление широкой оперативной самостоятельности полевым командирам, строгое соблюдение режима радиомолчания в эфире. В результате в “асимметричной” войне в Ливане израильтяне противостояли “террористам” нигде и повсюду, ожидая ударов со всех сторон и по всем направлениям.

Важное значение для эффективности антитеррористических операций имеет и место их проведения. Дома, как известно, и стены помогают, исламисты за исключением представителей мусульманской диаспоры на Западе, действуют на родной или близкой к их странам земле, пользуясь, как правило, сочувствием, если не прямой поддержкой местного населения.

Войска же “демократизаторов” являются чужеземными пришельцами, окруженными неприязнью, а по большей части и открытой враждебностью. Отсюда, как показывает иракский опыт, невысокое моральное состояние и боевой дух “борцов с терроризмом”.

Технологическая революция в средствах массовой коммуникации во многом решила проблему связи и координации действий отдельных разрозненных и глубоко законспирированных групп боевиков.

Они, к примеру, с немалой пользой для себя использовали американскую поисковую систему *Google* для получения спутниковых фотографий большого разрешения отдельных военных объектов на территории Ирака, в том числе и в столице.

Развитие электронной коммерции и платежей не осталось без внимания исламистов. Они взяли на вооружение методы хакеров, поставив перед собой качественно новую задачу – парализовать мировую экономику, нанести западному миру удар в самое чувствительное место.

Неслучайно поэтому, по инициативе России, ООН стала вплотную заниматься проблемами борьбы с кибертерроризмом, приняв на 61-й (2006 г.) сессии Генассамблеи специальную резолюцию по проблеме обеспечения информационной безопасности.

Эта же проблема была поставлена РФ и на текущей 62-й сессии.

Широкомасштабный технологический прогресс в средствах массовой коммуникации дал идеологам исламизма мощное средство для рекрутирования и подготовки новых приверженцев, в том числе и через Интернет, в котором в 2002 г. появилось подробное пособие для будущих шагидов – “Энциклопедия джихада”.

По данным российского исследователя Д.А.Нечитайло, к середине первого десятилетия нашего века насчитывалось уже более 3000 радикальных исламистских Интернет-сайтов, 70 из которых можно было назвать “виртуальным университетом джихада”²¹.

Как было установлено следствием, бомбисты в Мадриде и Лондоне почерпнули инструкции из Интернета для самостоятельного изготовления взрывных устройств.

Показательно и включение в программу подготовки камикадзе обязательного выступления смертника перед видеокамерой: таким образом, достигаются сразу две цели: на исполнителя будущего теракта накладывается моральное обязательство довести пору-

ченное дело до конца и пополняется запас весьма убедительного пропагандистского материала для привлечения и психологической обработки новых шагидов.

Информационная и телекоммуникационная революции открыли перед исламистами невиданные ранее возможности для агитации и пропаганды. Ведь страдания мусульманского населения можно ежедневно видеть в режиме “*on line*” в прямых репортажах СМИ во всех уголках планеты.

В Ираке, к примеру, создалась парадоксальная ситуация – армия, разгромившая противника, в то же время явно проиграла войну информационную из-за недооценки этого важного аспекта идеологической борьбы.

Как отмечает в этой связи российский исследователь А.В.Галота, “у американского командования практически отсутствовал какой-либо четкий план действий по заполнению информационного вакуума, который неминуемо должен был образоваться после свержения режима С.Хусейна”²². Этот вакуум был незамедлительно заполнен “Аль-Каидой” и экстремистскими группировками всех мастей.

Не имея конкретной программы контрпропаганды, американцы пошли по самому легкому, но мало продуктивному пути запретов отдельных органов СМИ, которые лишь повысили их популярность в народе.

Согласно исследованию госдепа, проведенному осенью 2003 г., 63% иракцев отдавали предпочтение двум общеарабским каналам “Аль-Джазира” и “Аль-Араби”, тогда как американские программы (судя по вероятно все-таки несколько завышенным данным) смотрели лишь 12% телезрителей²².

Более того, повстанцы ловко использовали в своей пропаганде информационные запреты оккупационных властей против самих США, обвинив их в “антидемократизме” и “подавлении свободы слова в Ираке”.

Израильские бесчинства на оккупированных территориях и в Ливане ежедневно и ежечасно подбрасывали дополнительный материал для исламистских пропагандистов.

“Видеокадры из ливанского городка Каны, отмечала специалист по антитеррору Гарвардского университета Дж.Стерн, – где десятки женщин и детей погибли в результате бомбового удара Израиля, душераздирающе. Эти сюжеты – подарок террористам, которые стремятся распространить ложную идею о том, что Запад умышленно хотел бы разрушить исламский мир, намеренно горячо желая нанести вред и унижить мусульман”²³.

Значение аудиовизуальной пропаганды для исламистов становится еще более понятным, если учесть, что значительное число мусульман в век научного и технического прогресса остаются неграмотными.

В этом свете размещенные, к примеру, в Интернете видеозаписи горящих и падающих на землю американских вертолетов, сбитых иракскими боевиками, имеют не виданную ранее пропагандистскую отдачу.

Достижимый таким образом “эффект присутствия” не идет ни в какое сравнение с опаздывавшими по времени репортажами СМИ с театра военных действий на Ближнем Востоке (1973 г. и 1967 г.). Правдивую информацию становится все труднее утаить или “подредактировать” в желательном ключе.

“В конечном счете, – констатирует Р.Н.Хаасс, – глобализация изменила регион. Сейчас радикалам легче достать деньги, оружие, идеи и привлечь добровольцев. Взлет новых СМИ и, прежде всего, спутникового телевидения превратил арабский мир в “региональную деревню” и политизировал ее. Большинство демонстрируемых сюжетов – сцены насилия и разрушений в Ираке, дурное обращение с иракскими и мусульманскими заключенными, страдания населения в Газе, на Западном берегу Иордана, а

теперь и в Ливане – вызвали еще большее отчуждение многих на Ближнем Востоке от Соединенных Штатов. В результате правительствам на Ближнем Востоке сейчас труднее открыто вести дела с Соединенными Штатами и американское влияние в регионе пошло на спад”²³.

Серьезное влияние на позиции Запада оказало и неверное определение целей и методов антитеррористической борьбы.

Как отметил обозреватель газеты “Аш-Шарк аль-Аусат” А.В.Аба, американцы не отказались от традиционной стратегии “сдерживания”, применявшейся еще в годы “холодной” войны в борьбе с коммунизмом. Эти приемы были механически перенесены в новую эпоху – эпоху “асимметричных войн”, и борьба с терроризмом превратилась в череду ударов по неугодным Вашингтону режимам. А ведь **терроризм – это не определенный враг, а тактика борьбы**, которая используется различными политическими группами, а не какими-то определенными государствами. Террористические организации, которые угрожают Израилю не те, что угрожают США. Если они нападают на Америку, то только потому, что она затронула их интересы, как это было в Ливане в 1982 г.

Комиссия, расследовавшая события 11 сентября, пришла к обоснованному выводу, что причина террористических ударов по Америке – ее многообразная поддержка экспансионизма Израиля. Она помогает бен Ладену и иже с ним черпать силы в народной среде”²⁴.

Именно поэтому действия антитеррористической коалиции в свержении режимов в Афганистане и Ираке породили для нее новые проблемы: террористическая активность в этих странах не только не уменьшилась, но и многократно возросла.

Подобный вывод был вынужден сделать и самый главный поборник глоба-

лизма – президент Дж.Буш, который в своих выступлениях не устает повторять, что террористы готовят новые атаки на США.

Искусственно нагнетаемой на Западе атмосферой алармизма не замедлили воспользоваться исламисты, которые ради повышения своего престижа и значимости стали подбрасывать в мировые СМИ явно преувеличенные “утечки” о своей деятельности.

К ним американские специалисты по разведке отнесли распространенную американской телекомпанией ABC в июне 2007 г. информацию о том, что “Аль-Каида” и “Талибан” якобы направили около 300 террористов-смертников в США, Великобританию, Германию и Канаду.

Политика “демократизации” арабского мира по-американски, главным полигоном которой стал Ирак, приводит к обратным результатам – к исламизации региона как ответной реакции арабов.

“За годы правления Хусейна, – отмечает А.В.Малашенко, – ислам как политический фактор перестал действовать. Однако после падения режима исламизм обрел второе дыхание. Сопротивление американцам начало исламизироваться почти с самого начала, и борьба против них легко и естественно обрела подзабытую форму джихада”¹.

В оккупированном Ираке крепнет тенденция к перестройке всей государственной жизни на религиозный лад. А ведь при ненавистном американцам Саддаме Ирак был вполне светской страной, о чем свидетельствует и опыт автора в общении с иракцами на самых разных уровнях. Иракцы гордились своим межконфессиональным единством, смешанные браки шиитов и суннитов не были редкостью. Американская оккупация привела к распаду семей, к резкому, зачастую кровавому размежеванию по конфессиональному признаку.

Положение, сложившееся в Ираке к середине 2006 г., весьма наглядно описал

в одном из своих репортажей спецкор газеты “Монд” П.Клод: “Государство-призрак, которое ничего не контролирует в иракской столице, выживает в сверхукрепленной “зеленой зоне” площадью в 5 кв. км в центре Багдада.

Люди в масках хозяйничают в городе, который погружается в хаос. В каждом квартале есть свой “эмир”, военный главарь, мировой судья и религиозный шейх. Каждый месяц убивают по тысяче, ни за что, за то, что в шортах играли в футбол... Женщины больше не выходят без покрывала и не водят машины. Мало-помалу идет “талибанизация” страны”²⁵.

Показательна в этой связи и миллионная демонстрация в поддержку “Хизбуллы” в ее борьбе против Израиля, прошедшая в начале августа 2006 г. в Багдаде.

В городе, ежедневно сотрясаемом взрывами, на пути следования этого шествия не произошло ни одного инцидента. Порядок обеспечивали не армия и силы безопасности, а шиитские боевики. Иракское руководство было вынуждено присоединиться к этому массовому порыву в защиту Ливана, а с ним и “Хизбуллы”.

Как отмечал З.Бжезинский, “резкая критика действий Израиля в Ливане со стороны иракского премьер-министра Н.аль-Малики – это примета будущих процессов. Представление, будто у Соединенных Штатов получится создать гибкий, демократический, стабильный, проамериканский и любящий Израиль Ирак, оказалось мифом, который стремительно рушится”²⁶.

Даже в таких вполне светских (конечно, по местным меркам) странах, как Египет, Сирия и Тунис, любому внимательному наблюдателю бросается в глаза все большее число женщин и особенно девушек, одетых в традиционные мусульманские одежды, толпы мусульман молодого и среднего возраста, выходящие из мечетей по окончании молитв.

Вспышка палестино-израильского, а затем и шиитско-израильского противостояния летом 2006 г., варварские удары по Газе и Ливану израильской

военной машины, наносимые при явной поддержке Вашингтона, имели один “долгоиграющий” результат – усиление религиозного фактора в политической жизни арабского мира, героизацию в широких слоях населения

исламистских радикалов – членов Хамаса и “Хизбуллы” как последовательных единственных борцов с израильской агрессией и оккупацией, защитников народных интересов перед наступлением Запада и глобализацией.

В этой обстановке ставка западных стратегов на приход к власти в арабских странах, подвергшихся “демократизации”, прозападных элит, взращенных в недрах гражданского общества, оказалась безнадежно далекой от реальности.

Прошедшие к середине 2006 г. свободные или полусвободные выборы в Палестинской национальной автономии, Кувейте, Египте, Саудовской Аравии и на Бахрейне привели к заметному усилению позиций и влияния исламистских движений и партий, выступавших с отчетливо антизападных позиций.

Одновременно политика Запада со всей ее непоследовательностью приводит ко все большему разочарованию среди сторонников подлинной демократии в арабских странах, отдавая, таким образом, перспективы соответствующих преобразований в регионе.

Примечания

¹ Arabia Vitalis. Арабский Восток, ислам, древняя Аравия. М., 2005. С. 233, 231.

² Arab News. 12.07.2007.

³ Foreign Affairs. Nov./Dec. 2006. P. 5.

⁴ The International Herald Tribune. 26.10.2005.

⁵ Современные международные отношения и мировая политика. М., 2005. С. 903.

⁶ *Freedman L. The Transformation of Strategic Affairs. L., 2006.*

⁷ Le Monde diplomatique. 2007. Mai.

⁸ Le Monde. 13.02.2006.

⁹ Jeune Afrique. 23–29.04.2006.

¹⁰ Цит. по: Независимая газета. 21.02.2006.

¹¹ Известия. 18.09.2006.

¹² The Guardian. 20.09.2006.

¹³ Washington Post. 10.07.07; Le Monde. 10.07.2007.

¹⁴ Der Spiegel. 26.09.2006.

¹⁵ *Wright L. The Looming Tower. N.Y. Cit.: Le Monde diplomatique. Май. 2007.*

¹⁶ Cit: Haaretz. 04.02.2007.

¹⁷ Washington Post. 10.07.2007.

¹⁸ Le Monde diplomatique. Nov. 2006. P. 11.

¹⁹ Le Monde. 01.08.2006.

²⁰ Le Monde diplomatique. Oct. 2006. P 4.

²¹ *Нечитайло Д.А.* Культура смерти и вселенский джихад // www.iimes.ru. 2007. Апрель.

²² *Голота А.В.* Некоторые аспекты информационной войны в Ираке // www.iimes.ru. 2007. Июль.

²³ The International Herald Tribune. 02.08.2006.

²⁴ Asharq Alawsat. 07.04.2006.

²⁵ Le Monde. 06.07.2006.

²⁶ Die Welt. 07.08.2006.

Проблемы регулирования использования водных ресурсов

Виктор Литувев

Межгосударственное регулирование использования водных ресурсов имеет достаточно длительную историю.

На высоком международном уровне эти проблемы были подняты во время Венского конгресса 1815 г. и закреплены в его Заключительном Генеральном акте. В специальных статьях устанавливались правила сбора пошлин и судоходства по пограничным и международным рекам Мозылю, Маасу, Рейну и Шельде. Определены принципы свободного судоходства.

Создание Центральной комиссии навигации по Рейну в 1815 г. отразило тенденцию к интернационализации многих сторон общественной жизни. С этого времени все международные организации стали наделяться собственной компетенцией и полномочиями.

Защите международных пресноводных бассейнов посвящен также ряд современных международных договоров:

– Конвенция о защите реки Рейн от загрязнения химическими веществами (1976 г.);

– Договор о навигации и экономическом сотрудничестве между государствами бассейна реки Нигер (1963 г.);

– Договор о сотрудничестве в бассейне реки Амазонка (1978 г.);

– Соглашение о плане действий по экологически рациональному использованию общей системы р. Замбези (1987 г.) и др.

Под эгидой Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК) в 1992 г.

в Хельсинки была заключена *Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (ЕСПУТ)*.

Конвенция является документом регионального значения. Ее члены – 56 государств Европы и СНГ.

Она устанавливает лишь самые общие правила, затрагивает преимущественно экологические проблемы и в меньшей степени проблемы управления водными ресурсами.

Конвенция имеет рекомендательный характер, в ней практически отсутствует механизм разрешения международных споров. Соответственно, такие споры могут решаться лишь на основе национального законодательства,

а также двусторонних и многосторонних соглашений по каждому конкретному водоему.

Сторонники правового регулирования водной проблемы надеются, что *ЕСPUTW* станет не региональным, а глобальным соглашением. Для этого требуется, чтобы ее подписали 23 страны, не являющиеся членами Европейской экономической комиссии ООН. Сейчас только 4 такие страны подписали данный документ.

Принципы совместного использования воды были закреплены в 1997 г. в *Конвенции ООН о несудоходных видах использования международных водоемов*, базирующейся на положениях о равной и обоснованной утилизации, непричинении существенного ущерба и предварительном уведомлении о производстве работ. Но только 14 стран являются участниками данной Конвенции. Отсутствие полноценной правовой базы мешает государствам решать спорные проблемы в инстанциях международной юстиции.

Например, более чем за полвека Международным судом вынесено только одно решение по вопросам международного использования рек.

На основе правового и экологического подхода создаются и структуры сотрудничества в бассейнах трансграничных рек.

Еще в 1950 г. Франция, Западная Германия, Люксембург, Нидерланды и Швейцария создали Международную комиссию по защите Рейна. А к маю 1987 г. был выработан Рейнский план действий.

В 1994 г. была организована Международная комиссия по защите реки Дунай.

Как правило, заключение соглашений по совместному использованию водных ресурсов требует достаточно длительного времени. Вероятно, это определяется не только масштабом проблемы, но и разнообразием воз-

можных сфер использования водных ресурсов.

Из 145 имеющихся межгосударственных договоров о трансграничных водных ресурсах 37% касаются использования воды, 39% – гидроэнергетики, 9% – контроля над наводнениями, 6% – промышленного использования воды, по 4% – вопросов судоходства и загрязнения, 1% – рыболовства¹.

Если сферы сотрудничества обозначены довольно полно, то с географической точки зрения масштаб сотрудничества в водной области весьма ограничен. Из 263 международных бассейнов в 157 сотрудничестве вообще не развивается¹.

Не потеряла актуальности и *доктрина Хармона*, названная по имени генпрокурора США Джадсона Хармона, выдвинувшего еще в 1895 г. идею об абсолютном территориальном суверенитете. Согласно этой доктрине, каждое национальное государство может использовать воды международных рек, текущих по их территории, по собственному усмотрению, не обращая внимания на последствия для других государств и не вступая с ними в консультацию.

Но не эта проблема вызывает наибольшую тревогу.

Самым сложным вопросом остается неравенство в доступе к воде. Причем решить проблему водного дисбаланса, как ее можно решать применительно к нефти или газу невозможно, поскольку вода не поддается транспортировке в значительных объемах. До сих пор фактически отсутствует единый свод международных законов, устанавливающих общие для всех принципы пользования трансграничных водных потоков и водоемов. В то же время при обсуждении проблемы регулирования использования водных ресурсов все больше речь идет не толь-

ко о простом дефиците воды, а о воде, пригодной для потребления. “Улучшенный” источник воды, согласно определению ЮНИСЕФ, обеспечивает удовлетворительное количество и качество воды (водопровод, защищенный колодец, вода в бутылках).

В странах Африки к югу от Сахары такой доступ есть только у 57% населения, а в целом по странам с низким уровнем человеческого потенциала – у 62 % населения².

Надо учитывать, что для этих стран характерны самые высокие темпы роста населения. А если помнить, что половина их жителей проживает на уязвимых, в первую очередь засушливых землях, то становится понятной необходимость разработки мер по обеспечению водой этих территорий.

С нарастанием дефицита воды обнаруживается тенденция появления формальных и неформальных, легальных и нелегальных форм водопользования. Они могут формироваться на базе традиционной системы пользования водными ресурсами или дополнять сложившуюся практику. В засушливых районах к югу от Сахары права водопользования более важны, чем права на землю.

Эксперты ООН предлагают три принципа регулирования использования воды на уязвимых землях.

Они известны под названием *Дублинских принципов*, поскольку были разработаны и приняты после Международной конференции по водным ресурсам 1992 г. в Дублине, когда специалисты по водным ресурсам согласились уважать их в процессе регулирования водных ресурсов.

“Институциональный” принцип заключается в том, что регулирование должно осуществляться по возможности на самом низком уровне управления и при максимальном участии населения.

“Экологический” принцип предполагает комплексное управление при-

родными ресурсами, включая водоразделы, что гарантирует экологическую защиту территории.

“Инструментальный” – требует регулировать использование воды как экономического ресурса.

Было бы несправедливым считать, что Дублинские принципы можно применять только в развивающихся странах с формирующимися рынками.

Примером их реализации может служить деятельность водных парламентов во **Франции**, где водные ресурсы были переданы в пользование общине.

С 1964 г. политика распределения водных ресурсов во Франции осуществляется в каждом из 6 гидрографических районов комитетами бассейна, выступающими в роли авторитетных водных парламентов региона.

Состав делегатов направлен на то, чтобы преднамеренно ограничить влияние государства на принятие решений, повысить роль и ответственность пользователей и избранных ими исполнителей.

Исполнительным органом комитета бассейна выступает агентство по водным ресурсам.

В **США** материальная база водоснабжения также передана местным властям. Многоведомственная система предотвращает подчинение поставщика услуг по водоснабжению какому-либо местному органу власти, обеспечивая его независимость от местных разработчиков политики в области водопользования.

Другие подходы к управлению водопользованием могут быть не менее эффективными. Так, частные компании снабжали Лондон водой более 400 лет при незначительных ограничениях со стороны властей. Затем в Великобритании местные системы водоснабжения были объединены в региональные органы, число которых в 80-х годах сократилось до 10, и которые были в итоге приватизированы. Эти изменения происходили в русле общей политики консерваторов.

Естественно, население не всегда одобрительно относится к правительственным планам приватизации водоснабжения.

Введение их в жизнь требует тщательной предварительной работы.

Например, в **Маниле** перед предоставлением концессии созывались "Саммиты воды", чтобы представители всех заинтересованных сторон могли выработать согласованную позицию.

Подобная процедура наблюдалась в **ЮАР**, когда решался вопрос о заключении контракта на управление водоснабжением Йоханнесбурга.

В **Чили** обеспечение частных хозяйств водой субсидируется из национальных фондов.

Региональный фактор полнее всего проявляется в **Австралии**, где получают поддержку различные формы предоставления услуг: корпоративный подход в Мельбурне, контракт на управление в Аделаиде, вертикально интегрированное государственное предприятие в Сиднее, многопрофильное коммунальное предприятие в Канберре и т.д.

Проблемы управления водоснабжением входят в число первоочередных в национальном масштабе.

Не менее важной и теперь глобальной задачей является определение резерва воды, необходимого для нужд окружающей среды.

Это не рыночное, а политическое решение.

Оно требует учета национальных и региональных интересов.

При превращении воды в один из главных геополитических ресурсов можно ожидать не только углубления сотрудничества стран на рынках использования воды, но и их соперничества.

Одно из важнейших направлений использования воды связано с *энергетикой*.

В последние годы международное сообщество всерьез озабочено пробле-

мой глобальной энергетической безопасности.

В ближайшее время может ухудшиться положение с обеспечением водой в низовьях Амударьи и Сырдарьи, усугубится экологическая катастрофа высыхающего Арала, станет невозможным проживание здесь десятков миллионов жителей Казахстана, Туркмении и Узбекистана.

По оценкам "Атласа мировой гидроэнергетики. *Hydropower & dams*", по удельным показателям запасов гидроэнергоресурсов **Таджикистан** занимает первое место в мире, а по абсолютным показателям (300 млрд. кВт·ч в год) – восьмое³.

В СНГ Таджикистан по этим показателям опережает только Россия. Несмотря на это, в зимний период республика испытывает дефицит.

На августовском саммите 2007 г. Шанхайской организации сотрудничества президент Узбекистана И.Каримов выступил с критикой "некоторых стран" региона, которые слишком увлекаются строительством ГЭС на трансграничных реках, и заявил о необходимости разумного использования водно-энергетических ресурсов в регионе Центральной Азии.

Прежде всего, имелся в виду Таджикистан, вынашивающий планы строительства серии ГЭС на реках Вахш и Пяндж, образующих при слиянии главную реку Центральной Азии – Амударью, и на притоке Амударьи реке Зеравшан.

Активность Таджикистана по строительству цепи гидроузлов в верховьях рек, питающих Амударью, призвана превратить страну в ведущего экспортера электроэнергии.

Не отстает от Таджикистана **Киргизия**, где находится большинство истоков другой великой реки региона – Сырдарьи.

Несогласованность сброса воды из Токтогульского водохранилища не раз приводила к конфликтам с властями Узбекистана и Казахстана, требующими ограничить сброс в зимнее время и увеличить его летом. Киргизия сейчас пытается организовать отношения с соседями по формуле "энергоносители в обмен на воду".

В самом невыгодном положении находится Казахстан. С одной стороны, это наиболее динамично развивающаяся экономика региона, а с другой – из всех постсоветских стран Казахстан имеет наихудший показатель по обеспечению водой в расчете на единицу площади. Подавляющее большинство рек, протекающих по его территории, берет начало либо в КНР (р. Или, впадающая в Балхаш, и Иртыш), либо в Киргизии (Сырдарья), либо в России (Урал). Практически лишены пресной воды основные нефтедобывающие области, что не позволяет в полной мере пользоваться их экономический потенциал.

В связи с этим в Казахстане и Узбекистане стали все чаще возвращаться к идее реанимировать проект поворота сибирских рек. Предлагается построить канал длиной 2500 км от реки Обь (чуть ниже впадения в нее Иртыша) до Сырдарьи и Амударьи, выше их впадения в Аральское море. Экологические последствия проекта просчитать невозможно, а предыдущий опыт менее масштабных проектов Центральной Азии, таких, как Каракумский канал, показал, что они дают кратковременный эффект, затем ведут к усугублению проблем – росту объема солончаков, истощению грунтовых вод и увеличению их солености.

В крупных масштабах переброску рек можно считать самым разрушающим вторжением человека в гидросферу, хотя ряд правительств рассматривают такие проекты как решение проблемы водного стресса. Например, китайское правительство планирует перебросить речные воды с юга на север.

Речь идет о том, чтобы воды р. Янцзы направить в Северокитайскую долину и города-мегаполисы на севере страны.

По заявленной проектной стоимости 40–60 млн. долл., эта программа превы-

шает даже издержки на возведение самой большой плотины в мире “Три ущелья”¹.

Наиболее амбициозная часть проекта касается водозабора из главного, ледникового, водосбора Янцзы в Тибете и перенос воды в Хуанхэ. Но эта сторона проекта может остаться нереализованной из-за глобального потепления.

Следует упомянуть индийский “Проект соединения рек”, по которому может быть перекроена гидрологическая карта этой страны.

По нему воды северных непересыхающих рек Брахмапутры и Ганга должны подпитывать южные реки Кавеки и Кришну, полностью или частично пересыхающие в летнее время года.

Реализация данного проекта из-за финансовых причин проведена лишь частично.

Подобные проекты имеются и в других регионах. Но Испания должна была отказаться от планов по повороту реки Эрбо с севера к югу, на урожайные земли. Была проведена политическая переоценка предполагаемых затрат. Кроме того, он шел в разрез с рекомендациями по устойчивому природопользованию, которые содержатся в Водной директиве Евросоюза¹.

Особого подхода требуют трансграничные и пограничные реки. В мире имеется немало примеров межгосударственного сотрудничества в бассейнах рек.

Успешно работает межправительственная комиссия по Дунаю, воды которого используют многие страны Центральной и Восточной Европы.

Инициатива по бассейну Нила стремится расширить сотрудничество между Египтом и Суданом, разрабатывая план конкретных проектов.

На реке Сенегал налажено сотрудничество между Мали, Мавританией и Сенегалом по регулированию течения реки и производству электроэнергии на основе общей инфраструктуры.

ЮАР и Лесото взаимодействуют в строительстве инфраструктуры на р. Оранжевой в рамках проекта "Нагорье Лесото".

Лесото предоставляет ЮАР дешевые водные ресурсы, а взамен получает средства для сохранения водоразделов.

Комиссия по бассейну Лимпопо объединила усилия Ботсваны, Мозамбика, ЮАР и Зимбабве по использованию ресурсов этой реки.

В Южной Азии Индия финансировала строительство ГЭС Тала в Бутане, получая, таким образом, источник энергии. Бутан приобрел гарантированный выход на индийский энергетический рынок.

Гораздо более сложные политические проблемы регулирования водных ресурсов наблюдаются в конфликтных зонах.

Исследователями проведено сравнение проблематики конфликтов и направлений сотрудничества государств в вопросах, связанных с водными ресурсами.

Выяснилось, что почти 60% конфликтов касалось вопросов количества воды, около 30% – инфраструктуры (плотин, каналов и др.), только 3% конфликтов возникал из-за качества воды. Страны стремились к сотрудничеству в 37% случаях для оптимизации расхода воды, в 18% – для создания инфраструктуры, 5% – для обеспечения качества воды, 14% – для гидроэнергетики и 15% – в интересах общего управления¹.

На основании этих данных можно говорить о достаточно развитых механизмах межгосударственного взаимодействия. Однако этому сотрудничеству часто препятствуют встречные претензии на воду и наличие конкурирующих национальных программ. Порой отсутствует прямая мотивация у политических лидеров, которые не видят в таком сотрудничестве немедлен-

ного политического выигрыша. Споры могут возникать и из-за слабости взаимного доверия, поскольку реки протекают по территории стран, обладающих разным потенциалом, а неучастие какой-либо страны в сотрудничестве может в существенной степени обесценивать работу имеющихся институтов.

Например, Китай отказывается от участия в Комиссии по Меконгу, что сказывается на эффективности ее усилий.

Имеющихся международных политических и экономических институтов и механизмов оказывается недостаточно, чтобы предотвратить возможный "водный кризис". Поэтому к данной проблематике все больше привлекаются организации гражданского общества.

Одним из самых известных предложений стал "Водный Манифест" Риккардо Петрелла⁴.

В нем вода рассматривается как жизненно важный всеобщий мировой ресурс.

Целями политики обеспечения водой названы:

– во-первых – доступ каждого к воде как политическое, экономическое и социальное право, которое индивидуально и коллективно неотчуждаемо;

– во-вторых – сочувственное, устойчивое и интегрированное управление водными ресурсами.

В Манифесте предлагается создание двух сетей: мирового сообщества "Вода и человечество", основанного на институтах гражданского общества, и сети "Парламенты за воду как всемирное общественное благо".

Наметились связи представителей правительств и неправительственных организаций 7 беднейших стран мира, которые выразили намерение на всех уровнях отстаивать "естественное право на воду"⁵.

Человечество подошло уже к той черте, за которой никакие "водные перемирия" не смогут привести к распространению принципов демократического контро-

ля управления водными ресурсами. Если эти вопросы не станут приоритетными в иерархии глобальных проблем, то мир может столкнуться с новой серией угроз безопасности, в том числе **водной безопасности**.

Для решения проблем в данной области важно расширение полномочий участников международных соглашений, повышение эффективности деятельности имеющих международных структур и, естественно, ростом финансирования проектов.

Причем все эти задачи взаимосвязаны. Президент Бразилии Луис Игнасиу Лула да Силва отмечает: “Человек имеет право на чистую, доступную и дешевую воду. Это право является одной из основ экономического и социального прогресса. Добиться упрочения этих основ не всегда легко: это требует политического лидерства, и это стоит денег. Но если мы не сможем инвестировать политический и финансовый капитал сегодня, мы заплатим высокую цену за потерянные возможности для социального прогресса и экономического роста завтра”⁶.

Примечания

¹ Что кроется за нехваткой воды: Власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов. Доклад о развитии человека 2006. М., 2006. С. 222, 149, 221.

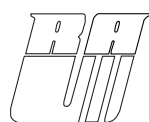
² Культурная свобода в современном многообразном мире. Доклад о развитии человека 2004. М., 2004. С. 185.

³ www.hydropower&dams.info.

⁴ *Petrella R.* The Water Manifesto: arguments for a world water contract. London, 2001.

⁵ Глобализация сопротивления: борьба в мире. М., 2004.

⁶ *Силва Л.И. да.* Право человека на чистую, доступную и дешевую воду служит основой для экономического и социального развития // Что кроется за нехваткой воды: Власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов. Доклад о развитии человека 2006. М., 2006. С. 79.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Судебная система России в XVIII веке

Дмитрий Фетищев,
профессор

Период в истории дореформенной России, начиная с эпохи правления Екатерины I и вплоть до 1861 г., характеризуется постоянными изменениями в системе правосудия. Упразднялись старые и возникали новые судебные установления. Общей чертой этого периода является соединение судебной и правительственной власти.

1725–1762 гг. являлись эпохой дворцовых переворотов и отличались политической нестабильностью.

Говоря о причинах отказа от системы местного административного и судебного аппарата, созданного Петром I, нельзя полностью согласиться с теми исследователями, которые полагают, что скопированная западная система была отторгнута российской действительностью.

Рецепция иностранных образцов законодательства в целом носил творческий характер, использование зарубежного опыта проходило с учетом объективных условий и потребностей русского государства. Более того, заимствование элементов чуждых систем не было определяющей чертой реформ Петра I, которые, по справедливому мнению ряда историков, являлись продолжением и завершением тех мероприятий, что проводились еще его предшественниками в 1630–1680 гг. Одной из причин была, конечно, та, которая приводилась в официальных документах, а именно – тяжелое финансовое положение страны, не позволявшее содержать дорогостоящую громоздкую

систему органов управления и суда. А главное – в государстве еще не сложились буржуазные отношения, которым бы соответствовало разделение административной и судебной власти. Разделение может сопутствовать и феодализму в период его кризиса, который, однако, еще не наступил к середине XVIII в. Эта эпоха не только не была временем упадка или застоя, но, наоборот, динамика экономического развития получила тогда дальнейшее ускорение, что свидетельствовало о еще неисчерпанном до конца потенциале феодализма.

Отсутствие квалифицированных юридических кадров также влияло на решение правительства изменить организацию местного аппарата.

Частично была реорганизована и структура центральных и высших органов, причем с изменением компетенции последних.

Этот период изменения судебной системы характеризовался отказом от

идеи разделения суда и администрации и полным их слиянием на всех уровнях.

В рассматриваемый период претерпевает изменения и Сенат.

Помимо того, что сменявшие друг друга правители изменили отведенную ему роль в политической системе империи, была реорганизована и его структура. С возрождением значения Сената в период правления Елизаветы Петровны связано замечание Екатерины II, считавшей, что значение это достигло такого уровня при отправлении правосудия, что Сенат даже “утеснял прочие судебные места в их законах и преимуществах”.

Правительство Елизаветы Петровны для восстановления престижа Сената приостановило деятельность ранее всеисильного кабинета и восстановило указом от 12 декабря 1741 г. прежнюю компетенцию Сената. Был восстановлен также институт прокуратуры с утверждением в должности генерал-прокурора князя В.Ю.Трубецкого, а обер-прокурора – И.О.Брылкина. Были назначены вновь прокуроры в коллегии, канцелярии и конторы как центральные, так и местные.

Устанавливался новый порядок обжалования последовательно по инстанциям: в высшую на низшую, в соответствии с которым, в частности, жалобы на решения Сената могли подаваться непосредственно императрице.

Эта мера была продиктована тем обстоятельством, что массовое неправосудие, царившее в судах, влекло нескончаемый поток челобитий на имя монархини.

Следует отметить, что Елизавета Петровна принимала к своему суду значительное число наследственных дел.

В связи с тем, что **в законодательстве отсутствовала четкая регламентация вопросов наследственного права, ее правосудие основывалось не только на**

законе, но и на субъективных соображениях государственной “пользы”.

В нарушение установленного порядка обжалования жалобы направлялись зачастую прямо императрице или в Сенат, минуя низшие инстанции, что являлось, по мнению правительства, причиной волокиты сенатского разбирательства. В связи с этим и был издан указ от 5 декабря 1744 г., согласно которому уточнялась компетенция Сената: отныне он не должен был принимать к своему рассмотрению дела, не решенные в низших судах².

В целом особенных изменений в системе высших и центральных судебных органов в рассматриваемый период не произошло.

Это объясняется тем, что определяющей тенденцией производимых судебных реформ было стремление вернуться к допетровской системе, которая характеризовалась неразрывной связью функций суда и управления в одних органах. А деятельность Сената и коллегий была построена именно на таком принципе. Эти учреждения являлись одновременно административными и судебными, а потому и не подлежали ликвидации.

На местном уровне функционировали созданные Петром раздельные системы органов управления и суда. Они и были подвергнуты коренной перестройке.

С передачей судебных функций губернаторам и воеводам надворные суды стали не нужны и в связи с этим ликвидированы в 1727 г.

Указом от 5 мая 1728 г. был установлен порядок их упразднения. Так, дела Санкт-Петербургского надворного суда были переданы Юстиц-коллегии, в ее состав были переведены и судебные чиновники.

Дела других надворных судов были распределены соответственно между

губернаторами и воеводами. Восстановливался старый порядок апелляции.

Так, жалобы на воевод направлялись губернатору, а на последних – в Юстиц-коллегию или в Сенат, что отражало тенденцию бюрократизации местного государственного аппарата.

Так правительством был последовательно проведен принцип слияния административных и судебных органов на всех уровнях системы управления и суда, а также утвержден принцип единоначалия при решении дел взамен коллегиальности, введенной Петром Великим.

Избавившись от громоздкой и дорогостоящей системы, упростив ее, правительство надеялось повысить эффективность работы аппарата, ускорить делопроизводство и судопроизводство.

Но довольно скоро получило противоположный своим целям результат реформы.

Губернаторы и воеводы, в канцеляриях которых скапливалось, помимо дел сферы управления, огромное количество гражданских и уголовных дел, оказались “плохими судьями и обремененными делами”³.

Были внесены частичные изменения и в системы “особенных” (особых) судов. Это было продиктовано желанием правительства сократить количество учреждений и усилить централизацию и бюрократизацию аппарата.

В 1743 г. правительство вновь возвращается к прежней системе городских судов, созданной Петром I: были восстановлены Главный магистрат в Санкт-Петербурге и магистраты в городах, причем как независимые от губернаторов. В их подсудность с 1743 г. были вверены дела иностранных купцов, за исключением английских, для которых была установлена особая подсудность – их судили в Ком-

мерц-коллегии. Восстановлена апелляционная иерархия: городские магистры подчинялись по апелляции провинциальным, а те в свою очередь – губернским.

В 1764 г. губернские магистраты были подчинены губернаторам.

В 1754 г. учредили специальные словесные суды, процесс в которых велся устно, тем самым облегчалось и ускорилось решение дел. Они подчинялись по апелляции магистратам и ратушам.

До реформы Петра I суды существовали в России под наименованием таможенных. Они были устроены для облегчения и ускорения решения дел по спорам между купцами, относящимися исключительно к купеческому обороту. В ходе реформ первой четверти XVIII в. были запрещены существовавшие в них упрощенные формы процесса, а вследствие этого суды прекратили существование.

Претерпела незначительные изменения система церковного суда.

Так, в 1726 г. общее присутствие Святейшего Синода, созданного еще Петром I, было разделено на два департамента с последующим изъятием из его ведения всех спорных гражданских дел.

В 1763 г. в Москве была учреждена Синодальная контора, которая ведала делами Московской епархии.

В 1733 г. была сужена компетенция суда епархиальных архиереев в связи с тем, что некоторые настоятели монастырей получили право суда над поддомственными им лицами.

В 1744 г. духовные правления (при архиереях) были переименованы в консистории, которые также являлись церковными судами второй инстанции. В состав консистории входило несколько секретарей, канцеляристов и копистов. В компетенцию этого суда не входило самостоятельное решение дел о

разводах браков, заключенных в недопустимых степенях свойства или родства. Они были подсудны Святейшему Синоду, который оставался высшей инстанцией церковной судебной системы.

В рассматриваемый период были созданы и новые виды особых судов со специальной подсудностью. Была предусмотрена также особая подсудность для “ученого сословия”.

Так, указами 1755–1757 гг. лица учебного ведомства (профессора университета, учителя двух учрежденных в Москве гимназий и все студенты) в особенности по делам, относящимся к их профессиональным обязанностям и занятиям, не могли быть привлечены к гражданскому суду без согласия куратора и директора университета. Университет состоял в непосредственной подсудности Правительствующему Сенату².

Следует отметить, что для этого периода судебной системы характерны частичные преобразования, направленные на усиление бюрократизации судебных органов и централизацию всей системы, а также сокращение и упрощение сложного и дорогостоящего местного аппарата и слияние администрации и суда.

В ранний период правления Екатерины II (1763 г.), была проведена реформа Сената: он был разделен на шесть департаментов. Четыре находились в Санкт-Петербурге, а два – в Москве (взамен Сенатской конторы), причем судебная компетенция принадлежала только второму, шестому и отчасти третьему департаментам.

Так, в ведении второго департамента находились дела, поступавшие из Рекетмейстерской конторы и апелляционные – из экспедиции Сената, из Юстиции Вотчинной коллегий, а также дела, относящиеся к генеральному ме-

жеванию. Судному приказу, розыскным экспедициям по сыщиковым делам и о колодниках – все следственные дела.

Третьему департаменту, наряду с функциями по управлению Малороссией, Остзейскими провинциями и Выборгской губернией, были вверены дела по университетскому управлению и апелляции.

Шестой департамент ведал различными апелляционными делам

О своих решениях Сенат был обязан подавать ежедневно мемории монарху.

Определенным шагом вперед была реформа 1775 г., осуществленная на началах децентрализации, инициаторы которой пытались обеспечить большую самостоятельность судебных органов и внести определенность в их ведомство. Но отделения суда от администрации не осуществила и эта реформа. Ее характерная черта – всепроникающее сословное начало.

Основной документ, который определил главные направления реформ – “*Учреждения для управления губернской Всероссийской империи*”, был опубликован в 1775 г.

Россия разделялась на 23 губернии, 66 провинций и более 180 уездов. Это деление осуществлялось только по строгому административному принципу, без учета национальных, религиозных и иных признаков, в расчет брался только количественный показатель.

Так, в губернии проживало около 400 тыс. душ, а в уезде – около 30 тыс. Старые территориальные органы преобразовывались или ликвидировались.

Губернская реформа 1775 г. увеличила полномочия губернаторов и упрочила положение аппарата на местах. С той же целью создавались специальные полицейские, карательные органы, преобразовывалась судебная реформа.

Попытки отделить суд от администрации на уровне губернии делались в 1769 г. Предполагалось создать четырехзвездную систему судов:

уездные судные приказы – провинциальные судные приказы – губернские, апелляционные надворные суды или расправные палаты – Сенат (апелляционная инстанция).

Еще в 1769 г. был подготовлен законопроект “О судебных местах”, в котором регламентировались начала судебного права просвещенного абсолютизма. Предполагалось установить несколько видов судов:

- духовный;
- уголовный;
- гражданский;
- полицейский (по делам о благочинии);
- торговый;
- военный;
- придворный (по уголовным делам придворных чинов);
- специальный (по таможенным делам).

Уголовные, гражданские и полицейские суды предполагалось создать по территориальному принципу – земские и городские.

В городах, кроме выше названных, должны были создаваться и цеховые суды.

Все суды входили в единую систему соподчинения: уезд – провинция – губерния⁵.

Земские и городские суды предполагалось сделать выборными, а сам судебный процесс – гласным. Все выработанные комиссией предложения имели большое значение для судебной реформы 1775 г.

В 1775 г. на местах для дворян в каждом уезде создавался уездный суд, члены которого (дворяне) избирались дворянством на три года.

Апелляционной инстанцией для уездных судов стал верховный земский

суд, состоящий из двух департаментов: по уголовным и гражданским делам.

Для сельских обывателей – нижние расправы, в которые входили судья и 8 заседателей (по выбору сельских сословий), ведавшие дела однодворцев, служилых людей прежних служб, черносошных, казенных или государственных крестьян и т.д., как уголовные, так и гражданские.

Апелляционной инстанцией для нижней расправы стала верхняя расправа, дела в которую вносились под денежный залог в течение недельного срока.

Для горожан – магистраты (в посадах – ратуши), которые в составе 2 бурмистров и 4 ратманов, избравшихся городским населением сроком на три года, вели уголовные и гражданские дела местных купцов и мещан.

Апелляционной (второй) инстанцией для них был губернский магистрат. Для дворян – уездные суды в составе уездного судьи и одного-двух заседателей – всех по выбору местного дворянства, ведавшие уголовные и гражданские дела по уезду; второй инстанцией был верхний земский суд.

В губерниях соответственно учреждаются:

– верхние расправы, состоявшие из двух председателей и десяти заседателей, последние – по выбору сословия тех селений, которые входили в округ верхней расправы

– губернские магистраты в составе двух председателей и шести заседателей, последние – также по выбору сословия, то есть купцов и мещан города;

– верхние земские суды в составе двух председателей и десяти заседателей, последние – по избранию дворянства.

Эти учреждения делились на департаменты. Первый департамент занимался уголовными делами. Большин-

ство дел из всех учреждений должно было поступать в палаты уголовного (или гражданского) суда.

Палаты уголовного суда действовали в составе председателя, двух советников и двух ассессоров.

Их решения вступали в силу лишь по утверждению губернатором, а некоторые, наиболее важные, дела направлялись на дальнейшую ревизию в Правительствующий Сенат или к императору*.

В результате преобразований системы областного управления и суда в рассматриваемый период гражданский и уголовный суд был сосредоточен в губернской провинциальной и воеводской канцеляриях, а в городах – в магистратах; апелляционной инстанцией для них была Юстиц-коллегия.

Помимо множества административных функций, эти органы решали разнообразные дела, их компетенция не была ограничена законом.

Система, введенная Екатериной II, была подвергнута значительным изменениям при Павле I, но уже при Александре I она была вновь восстановлена.

При этом основные задачи ведомства палат уголовного и гражданского суда и отношения их к низшим судебным органам и Сенату были определены более точно; уездные суды стали рассматривать дела, ранее находившиеся в ведении нижних судов (упраздненных), соответственно изменился их выборный состав.

При Николае I вся система была дополнена крестьянскими (для государственных крестьян) судами – сельской и волостной расправой.

Основная черта дореформенного права – слияние суда и администрации, судебная власть помещиков по отношению к крестьянам – осталась неприкосновенной⁶.

Таким образом, в их юрисдикцию входили даже некоторые государственные преступления. И только в тех случаях, когда за последние назначались меры наказания (ссылка на галеры, каторга, смертная казнь), решения таких судов подлежали утверждению губернатора.

Естественно, такие суды не могли устраивать дворянство, фактически отстраненное в массе своей от участия в отправлении правосудия. Поэтому оно ходатайствовало перед правительством о необходимости новой организации судебной власти и расширении своего участия в отправлении правосудия.

Недостатки в организации суда приводили к замедлению производства дел, которые иногда не решались десятилетиями: дела накапливались, а многие решались крайне неудовлетворительно.

Эти обстоятельства настоятельно требовали проведения новой реформы.

* Кроме названных судебных мест, при Екатерине II учреждены были в губерниях совестные суды для лиц, совершивших преступные деяния вследствие несчастного стечения обстоятельств, безумных, малолетних и т.п.

В столицах были особые верхний и нижний надворные суды, пополнявшие систему губернских судебных мест и подчиненные в порядке ревизии палатам уголовного и гражданского суда. (См. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1–2. СПб., 1884).

Примечания

- ¹ *Булганов В.И.* Предисловие к кн. Баггер Х. Реформы Петра Великого. М.: Прогресс, 1985; Российское законодательство X–XX вв. М., 1985.
- ² Полное Собрание законов Российской Империи. Т. XII. № 9083; Т. XIV. № 10346, 10781.
- ³ *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I–II. М., 1913. Т. I. С. 465.
- ⁴ *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX). СПб., 1908. С. 598.
- ⁵ *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1892. Т. I. 4.11. С. 237–239.
- ⁶ *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 746–748.

**Подписка на 2008 г.
на журнал «Обозреватель – Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Кто помог Р.Рейгану стать 40-м Президентом США

Кто он, Рональд Рейган?

Владимир Васильев

Политологи и журналисты мира считают, что самый сильный удар по экономической и военной мощи СССР в годы “холодной” войны нанес 40-й Президент США Рональд Рейган (Рони).

Он родился 6 февраля 1911 г. в г. Тампико, штат Иллинойс. После окончания колледжа Рональд работал по своей профессии спортивным комментатором на радиостанции штата Айова. С 1937 по 1960 гг. он делает отличную карьеру киноактера, сыграв 50 ролей первых любовников и вообще удачливых людей.

В годы Второй мировой войны он воюет в Европе и заканчивает ее в Берлине в чине майора ВВС армии США.

В Голливуде Рейган становится известным человеком: с 1947 г. по 1952 г., а также в 1959 г. он является президентом Гильдии киноактеров, где приближается к политике.

Изначально придерживаясь либерально-демократических принципов, он в 1964 г. участвует в президентских выборах республиканца Барри Гоулдуо-

тера. Это помогает ему самому выиграть губернаторские выборы в штате Калифорния в 1966 и 1970 гг., а в 1980 г. республиканец Р.Рейган побеждает демократа Джеймса Картера и становится 40-м Президентом США. В 1984 г. его переизбирают вновь, и он становится в свои 73 года самым старым по возрасту Президентом в истории страны.

Став президентом, Р.Рейган взял за основу своей внешней политики – ликвидацию Советского Союза как “империи зла”. И здесь он достиг многого, например, вовлек СССР в гонку вооружений по программе СОИ, разжигание ненависти к русским из-за гибели корейского самолета у побережья Сахалина, размещение новейших ракет на территории стран Западной Европе – всего не пересчитать.

История не знает сослагательного наклонения, но все же, если бы в 1980 г. победил не Р.Рейган, а Дж.Картер, все могло быть иначе и не так трагично для СССР. А такая реальная возможность была.

Рональд Рейган или Джеймс Картер, вот в чем вопрос?

Выборы 40-го Президента США, согласно конституции США, были назначены на первый вторник после первого понедельника ноября високосного года, то есть на 4 ноября 1980 г.

Предварительные оценки возможности победы были в пользу демократа Джеймса Картера. На его стороне было большинство афро-американцев, испано-говорящих и многие другие достаточно многочисленные группы населения. Эти люди автоматически голосовали за демократа, начиная с правления 36-го президента Линдона Джонсона, узаконившего различные бесплатные льготы и подачки беднейшим, бездомным и безработным, начиная с 1964 г.

В предвыборном штабе Р.Рейгана знали об этом и внимательно искали ту группу американцев, которые обижены на правление демократа Джеймса Картера и при благоприятном стечении обстоятельств могут проголосовать за республиканца Рони. Долго искать не пришлось, эта группа уже давно была на виду – военнослужащие Вооруженных сил США, а также их родители, взрослые дети, друзья и товарищи.

Согласно справочным данным МО США, по состоянию на 30 сентября 1980 г. ВС этой страны имели:

772661 чел. – в армии,

527240 чел. – в ВМС,

188469 чел. – в корпусе морской пехоты,

557969 чел. – в ВВС,

то есть всего 1946295 чел. С учетом резерва и национальной гвардии – более 4 млн. чел. военнослужащих и служащих.

Принимая в расчет их родных и близких, друзей и товарищей, эта группа насчитывала не менее 10–12 млн. совершеннолетних избирателей. А обижаться на либеральных демократов у них были веские основания – в течение трех предыдущих лет правления Джейм-

са Картера инфляция составляла 10% годовых! Это можно было пережить, если бы правительство, как то требует закон, по итогам каждого прошедшего года индексировало жалование военнослужащим на достигнутый уровень инфляции плюс один процент, то есть, на 11%. Но Картер и его правительство не шло навстречу военным, в результате чего задолженность в сумме за 3 года достигла 35%.

Тяжелое положение военнослужащих, членов их семей, родителей и родственников усугублялось еще и тем, что либерально-демократические СМИ критиковали Вооруженные силы США за их поражение во Вьетнаме, попрекали большими расходами казны на их содержание и называли обузой на плечах налогоплательщиков.

К тому времени ВС США полностью перешли на добровольческую систему комплектования и были готовы переносить естественные тяготы военной службы. Но всему есть предел.

Бывший популярный актер Голливуда, бывший спортивный радиокомментатор теперь знал, что делать. В один из теплых осенних дней 1980 г. он прибыл на одну из многочисленных баз ВВС и как бывший майор ВВС обратился к тысяче военнослужащих с короткой пламенной речью кандидата в президенты.

Напомнив об угрозе свободному миру со стороны “империи зла” и необходимости крепить оборону США, он обвинил действующее правительство в накопившейся задолженности инфляционной прибавки на 35%. Сделав паузу, он заметил, что если он станет президентом, то на второй день после своей инаугурации он добьется требуемой прибавки жалования на 35%.

Этих слов было достаточно, чтобы вызвать радость и восторг у всех присутствовавших.

Либеральная и демократическая печать США попыталась замолчать заявление Р.Рейгана, но корпоративные связи военнослужащих сделали свое

дело – Джеймс Картер проиграл бывшему актеру Голливуда.

Во вторник 20 января 1981 г. ровно в полдень Р.Рейган официально стал 40-м Президентом США. Все ждали, с чего он начнет свою деятельность, выполнит ли он свои обещания.

Я не знал, что в казне так мало денег...

Через пару дней после случившегося Президент № 40 вновь выступил перед обширной аудиторией военнослужащих, которая ожидала его слов о самом важном для них и дождалась.

Сделав очередную актерскую паузу, Президент сообщил, что в казне оказалось мало денег, а потому он не может сдержать свое обещание – повысить жалование на 35%.

После таких слов в аудитории наступила гробовая тишина, а сам Рональд взял паузу.

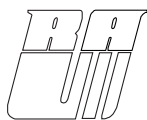
Он знал, что делать.

Прошло всего несколько тягостных секунд, прежде чем он нарушил паузу словами: “Оценив все возможности, конгресс считает, что мы можем повы-

шать Вам жалования уже сейчас... снова пауза... на 33%”. Зал взорвался аплодисментами. Президент сдержал слово, данное военнослужащим Армии, ВМС, ВВС и корпусу морской пехоты.

Напомним, что этот опыт Р.Рейгана с успехом применил нынешний Президент США Джон Буш-младший еще в ноябре 1996 г., избираясь на первый срок своего правления.

Тогда он победил своего противника Альберта Гора после многократного пересчета голосов избирателей штата Флорида, которому приписаны все военнослужащие ВС США, проходящие службу за границей. Победил с превосходством в несколько десятков тысяч бюллетеней, прибывших из-за рубежа.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer”

Статьи представляются на дискете в программе Word вместе с распечаткой.

Распечатка статьи дается Кг. 14 через 1,5 интервала.

Общий объем статьи не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Текст статьи должен быть структурирован.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, причем они должны быть привязаны к тексту с указанием выходных данных и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию на русском языке, отражающую основные идеи материала.

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или TIF.

При пересылке материала по E-mail требования по форме представления материала сохраняются.

В сопроводительном письме в редакцию необходимо указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, другие звания, должность и контактные телефоны.

Редакция не ведет переписку с авторами.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.
Подписной индекс **47653** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 21.01.2008. Формат 70x100^{1/16}. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 109.